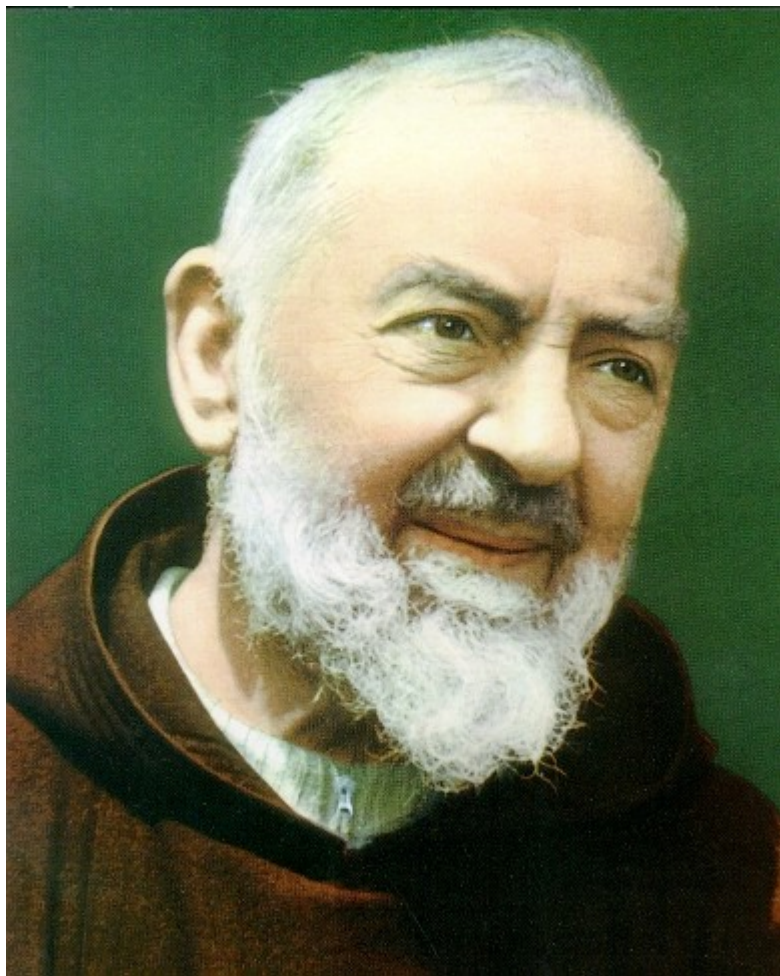

Padre Pio

Мария Виновска

ПОДЛИННОЕ ЛИЦО ПАДРЕ ПИО

ЖИЗНЬ И БЕССМЕРТИЕ

Перевод с французского
(обновлённая редакция)

SALVEMUS!

2010

Maria Winowska
LE VRAI VISAGE DE PADRE PIO
Fayard, Paris 1976

Мария Виновска
ПОДЛИННОЕ ЛИЦО ПАДРЕ ПИО

Перевод с французского Эмиля Адельханова
Редактор о. Анри Мартен

Перевод этой книги был осуществлён по инициативе Ирины Михайловны Посновой, главного редактора издательства «Жизнь с Богом» в Брюсселе, где и вышел в свет в 1994 г., а затем переиздавался в Москве, в издательстве «Истина и Жизнь», под заголовком «ПАДРЕ ПИО. ЖИЗНЬ И БЕССМЕРТИЕ».

Для настоящей публикации, предпринятой с любезного согласия переводчика, нами восстановлен авторский заголовок, соответствующий духу той эпохи, когда писалась книга (первое издание появилось в 1955 г.), а падре Пио далеко ещё не пользовался общепризнанным авторитетом. Восстановлены также все сокращения, в том числе присутствовавшие в авторской версии многочисленные итальянские и латинские выражения, придающие тексту особый колорит. Читателям, далёким от католических реалий, может оказаться полезным подробный редакторский комментарий.

*Посвящаю эту книгу,
написанную в дни II Ватиканского собора,
профессору Жерому Лежену*

«Смотрите, какой он был окружен славой! Сколько поклонников он собрал со всего света. Почему же? Может, он был философом или учёным? Вовсе нет. Просто он служил смиренно мессу и с утра до вечера исповедовал. Как ещё можно определить то, кем он был? — Господь Иисус отметил его Своими стигматами».

Павел VI, 20 февраля 1971 г.

«Моя слава — в Послушании»

Падре Пио

*«Слава Божия — человек живой.
Слава человека — пребывать в служении Богу»*

Святой Иреней

ПРЕДИСЛОВИЕ

Написанная двадцать лет назад под непосредственным впечатлением от чудесной встречи, эта книга нуждается в *aggiornamento* — «обновлении» в духе нашего времени.

Между тем, перечитав её, я, к моему удивлению, не нашла ничего, что следовало бы выбросить. По очень простой причине: я день за днём записывала то, что видела и слышала. Факты выдерживают испытание временем.

Но я обнаружила зияющие пробелы, которые следовало заполнить. Во время моих вылазок в Сан-Джованни-Ротондо я и не подозревала о всём значении белого здания строившейся больницы. Я даже не знаю, многие ли паломники понимали это тогда. Они искали целителя, приходили, чтобы облегчить свою совесть. Падкая на сенсации пресса обратила всё это в карикатуру. «Этот добрый брат из Монте-Гаргано, со стигматами сомнительного происхождения...» За кулисами

истории «отец лжи» поощрял нездоровое любопытство и благочестивые байки.

И лишь постепенно, по мере того, как шло неподкупное время, я начала понимать весь героизм молчания падре Пио. Такова была атмосфера, в которой он жил. Даже среди своих, среди людей, как-никак любивших его, он не был понят. Такова судьба всех великих мистиков! Люди видели «щепетильность» там, где Бог разымал его на части в высшем испытании «ночи разума».

После его смерти журналы часто цитируют, но без дат, письма, написанные им до 1924 г. Письма, в которых он изливает душу и ищет поддержки... С того момента, как Святейшая Канцелярия запретила ему всякие контакты с внешним миром, единственным его доверенным был Бог¹. Его духовные руководители благоговейно хранили письма, относящиеся к началу его духовного восхождения. Ибо (как настойчиво подчеркивает св. Иоанн от Креста) экстазы, восторги, внутренние диалоги — это лишь первые симптомы призвания к единению с Богом, которое завершается в смерти. Наступает момент, когда всякий здешний свет становится мраком. Когда людские слова исчезают в огненном пламени Слова. Когда не может не наступить молчание.

¹ Если, конечно, не забывать о тайне исповеди.

Молчание это тем более полное, что монах-созерцатель — это, по определению, человек, лишённый всего. С того момента, когда святое послушание возвратило его грешникам, падре Пио буквально отдан им на терзание. Даже его молитвы уже не принадлежат ему — ни дневные, ни ночные! За благодать, отпущенную ему, надо платить. Ведь не спроста же он отмечен пятью ранами своего Господа!

Я считаю, что сколько ни говори об этом аспекте духовности падре Пио, всё будет недостаточно. Правда, в ордене капуцинов избыток выбора замечательных примеров, а не недостаток. Кроме падре Пио, отец Леопольд, отец Джакомо (к могиле которого в Лурде стекаются толпы), отец Гонорат из Польши... и сколько ещё других, находящихся на стадии канонизации! Всех их объединяет харизма умиротворения. Узники исповедальни, они, так сказать, приговорены к молчанию — сверх того молчания, в которое погружает их Бог, чтобы они могли лучше слышать бесчисленные голоса просителей.

Между тем, как свидетельствует история Церкви, все величайшие деяния рождаются в молчании и в самоотречении возложенного на плечи креста. Все, начиная с того горчичного зерна, которое было опущено в землю на Голгофе для спасения мира. Необычайные события в жизни падре Пио — всего лишь звено в цепи фактов, которыми вот уже две тысячи лет, как изо-

билуют жития святых. Все они начинают свои «невозможные» проекты с нуля. Но, говорит Господь, «что невозможно для человека, возможно для Бога». Кто бы мог подумать пятьдесят лет назад, что в этом захолустном уголке Монте-Гаргано возникнет образцовая больница, в лучших традициях Викентия де Поля, Камилла де Лелли? Без каких-либо капиталовложений... из ничего? А поближе к нам, в самой Франции, кто знал о скромном и тайном зарождении этих очагов милосердия, ныне связывающих воедино весь мир? О Шатонёф-де-Галор*? А разве дело отца Максимилиана Кольбе не родилось тоже из ничего?

Вечный вызов всем поклоняющимся золотому тельцу всех мастей и оттенков! Когда я писала последнюю главу этой книги через восемь лет после смерти падре Пио, я осознала весь масштаб завещанного им дела, всецело зависящего от произвола наших свобод. Ибо мы можем похоронить его в мрачной пустыне нашего «общества потребления», калечащего человека.

Из живой могилы в Сан-Джованни-Ротондо раздаётся призыв, обращённый ко всем нам, но в первую очередь — к врачам и ко всем санитарным службам всего мира.

*Место, где жила выдающаяся французская подвижница Марта Робен (1902—1981), основавшая движение «очагов милосердия» (здесь и далее «звёздочкой» отмечены примечания редактора).

«Почёт, уважение, любовь к больным, особенно — к бедным больным, ибо в них Господь наш Иисус Христос проявлен в первую очередь». Во времена так далеко зашедшего упадка, порождающего столько невротизмов (нельзя безнаказанно предавать нерасторжимое единство тела и души, обещанное нам при воскресении), весть, которую несёт нам падре Пио — это, прежде всего, программа жизни, цель которой — блаженство.

ГЛАВА I

Римская жара и жажда чуда. «Если бы не падре Пио, Джованино бы не родился». Неожиданности для паломника. Падре Пио не потекает привязанности к комфорту! Совершенная радость. Встреча, посланная самим Провидением. В Сан-Джованни-Ротондо встают на рассвете.

Если бы в тот день Рим не угнетал меня так сильно, мне бы и в голову не пришло поехать в Сан-Джованни-Ротондо и, таким образом, я не написала бы эту книгу.

Признаться ли? Шумная реклама, носящая явно коммерческий оттенок, на протяжении нескольких лет перевозносившая «небывалый случай» падре Пио, капучина со стигматами, не внушала мне особого доверия. В Италии я бывала несколько раз, причем подолгу, и слишком хорошо убедилась в мудрой предусмотрительности Церкви, предостерегающей легковверные умы от

слепой жажды чудес, позорящей и разъедающей христианскую веру нашего времени. Разве я не имела чести состоять в Риме в одном приходе с ясновидящей? Вокруг меня самые славные, но падкие на знамения люди скатывались к самому настоящему суеверию.

И вдобавок мне как-то случайно попала в руки книга о падре Пио, показавшаяся мне просто отвратительной. Заклятый враг великого апостола из Сан-Джованни-Ротондо не смог бы оказать ему более дурной услуги, чем этот нескромный почитатель, выступавший в качестве апологета «святого», и с помощью разнузданного хвастовства сварливо защищавший его от воображаемых хулителей, чтобы под конец утонуть в словоизвержениях, в пышной риторике. Я с отвращением закрыла книгу, и если бы другие свидетельства, скромные и ревностные, не заставили меня пересмотреть это первое впечатление, то даже римская жара не победила бы моего предубеждения.

Я была на вокзале Термини, когда вдруг решила взять билет на Фоджу. Сан-Джованни-Ротондо расположен на склоне Монте-Гаргано, в славных владениях святого Михаила Архангела — там хотя бы ночью прохладно... Одним камнем я убью двух зайцев: легкие мои получат воздух, а я сама — хороший случай повидать падре Пио! «Надо будет разобраться», — думала я, поднимаясь в вагон.

После Неаполя в купе стало как в бане. Сидевшая напротив меня молодая чета исходила крупным потом, но с замечательным стоицизмом. На коленях у мамы непрерывно пищал розовый толстощекий малыш — жара ему, по-видимому, нисколько не мешала. Отец изобретал тысячи уловок, чтобы его развеселить, и весь сиял от гордости. И он, и она время от времени бросали на меня красноречивые взгляды, чтобы посмотреть, разделяю ли я их чувства. Когда я заговорила с ними по-итальянски, в купе как будто прорвало плотину. Ещё бы, ведь они были из Неаполя! Моё молчание их явно шокировало. Это «не по-христиански» — не познакомиться сразу же, если вы путешествуете вместе! В этом потоке слов, в их веселой чехарде, я услышала знакомое имя и наострила уши. «Падре Пио? Вы едете повидать падре Пио?»

И тогда папа взял малыша в свои огромные рабочие ручки, прижал его к сердцу, звучно чмокнул и сказал мне, скандируя каждое слово:

— Если бы не падре Пио, Джованино бы не родился! Мы едем поблагодарить его за доброту.

Разумеется, мне захотелось узнать об этом побольше. С чисто южной словоохотливостью, перебивая друг друга, то и дело восклицая и призывая в свидетели Мадонну, они рассказали мне следующее (естественно, я привожу их рассказ в сокращении).

Джино работал в Неаполе грузчиком, состоял в коммунистической партии.

Ещё до замужества Франческа как-то упала с велосипеда.

Когда она впервые забеременела, приговор врачей был категоричным: надо пожертвовать ребёнком, чтобы спасти мать.

В отчаянии Франческа написала письмо «капуцину со стигматами». Ответа не пришло.

Накануне операции она лежала одна, заливаясь слезами. «Вы знали, что Церковь запрещает аборт?» — спросила я у неё. «Я перестала ходить в церковь, — тихо сказала она, — муж не разрешал».

Короче говоря, в тот день она вдруг увидела «монаха, одетого в коричневое», стоявшего у неё в ногах. «Я не могла понять, как это он вошел, ведь мой муж съел бы заживо любого священника, если бы увидел его возле меня!»

Монах улыбнулся, потом погрозил ей пальцем: «Ты не сделаешь этой глупости! У тебя будет ребёнок, это будет мальчик, ты назовешь его Дованни».

— Сказал и исчез, а я почувствовала, что сердце моё полно храбрости, — продолжала молодая женщина. — Вся семья возмущалась, но врач сказал, что без моего согласия он операцию делать не может. Я верила, что падре Пио добьется для меня милости Божией. Чтобы убедиться, я посмотрела его фотографию. Это

был он. И вот, все прошло хорошо, и мы едем в Сан-Джованни-Ротондо, чтобы показать падре нашего мальчика.

— Надеюсь, после рождения Джованино вы уже не «пожиратель священников»? — спросила я с улыбкой молодого рабочего, не перестававшего подчеркивать кульминационные моменты рассказа звучными поцелуями, от которых *bimbo* весело трепыхался.

— А вы как думаете? — возмущенно ответила молодая женщина. — С тех пор он каждое воскресенье ходит на мессу. Мы съездили поклониться Мадонне Помпейской! Даже дружки-коммунисты помалкивают, ведь моя свекровь всем раззвонила, какая я сумасшедшая, не правда ли, *carino*?

Но муж предпочел уклониться от этой скользкой темы:

— Падре Пио, синьора, не такой священник, как другие, но из любви к нему я и других милую! Впрочем, *questo miraculo** доказывает, что Бог есть!

Когда мы подъезжали к Фодже, часам к 6 вечера, я уже превосходно знала в малейших деталях семейную хронику молодой четы — они с упоением рассказывали, я внимательно слушала. Умаявшись от жары, мальш уснул. И, глядя на них — таких молодых, счастливых, красивых (в южной Италии скрещение рас иногда оказывается поразительно удачным) — я думала о

* «Это чудо» (ит.).

том, что у истоков этого счастья стоял падре Пио. Без него не было бы этого малыша, как две капли воды похожего на берниниевских *pirri**.

В Фодже мои спутники сразу затерялись в шумной толпе людей, предлагавших нам ночлег. «Было бы рискованно, — сказали мне они, — рассчитывать на ночлег в Сан-Джованни-Ротондо!»

В то же мгновение меня со всех сторон осадила банда моторизованных *vetturini* («извозчиков»), жестикулировавших как сумасшедшие и кричавших во все горло: «Сан-Джованни-Ротондо? Садитесь скорее! Отправляемся!»

Стоявшие рядом со мной пожилой господин с пожилой дамой выглядели довольно растерянными и неприкаянными. И тем не менее, они итальянцы! Ах, вот оно что: «Мы из Генуи. Всю ночь провели в пути».

Решили отправиться вместе. Сбавив цену на две трети — мы на юге — *веттурино* берёт нас к себе и трогает с места, грохоча железом. Обычно такси бывает много, но сегодня, в субботу вечером, большой наплыв пассажиров, и такси берут с боем.

Дорога незаметно поднимается в гору. Мне кажется, я чувствую дующий с моря бриз. Пылающий жар солнца клонится к закату. Небо на западе становится пунцовым, затем постепенно окаймляется сиреневой бахромой. Мы сворачиваем с главного шоссе на просе-

*Мальшей, младенцев (ит.).

лочную дорогу, обсаженную мощными оливами. После многочисленных, самых причудливых поворотов — потом мы узнали, что наш *веттурино* не поехал по прямой дороге, вероятно, для того, чтобы доставить какие-нибудь пакеты на ряд близлежащих ферм, дающих ему поручения в ущерб пассажирам, не знающим дороги, — скрип тормозов вывел нас из задумчивости.

«Сан-Джованни-Ротондо», — сказал он торжественно и снял шляпу.

Дама рядом со мной перекрестилась. На протяжении всего пути ни она, ни её муж не проронили ни слова. Я благодарна им за их молчание.

Притаившийся в водовороте мрачных и извилистых ущелий, городок гармонирует с таким пейзажем и выглядит вымершим. Известковая почва весь день пила зной долгими глотками. На пороге ночи, тяжело дыша, как усталое животное, она отдаёт его через все эти поры трещин, тогда как с соседних высот — с Монте-Неро (1011 м) и Монте-Кальво (1056 м) — спускаются волны благословенной прохлады.

В этот час чудесной прозрачности, когда каждый профиль горы, каждый контур чеканно смотрятся на фоне неба, все кажется каким-то нереальным, и словно приоткрываются секретные двери. Кажется, что вся земля к чему-то прислушивается.

И вдруг в этой застывшей тишине к небу взлетает, как жаворонок, серебряный звон колокола.

— Монастырь, — объясняет веттурино. В отличие от своих соотечественников, он, кажется, неразговорчив.

Навстречу нам попадаетея все больше и больше народу. Спускаемся к единственной остерии. Разумеется, мест нет! Может быть, где-нибудь в частном доме? Спрашиваю там, спрашиваю тут... Всюду занято! «Кровати здесь бронируют за месяц вперёд...» — «А как же паломники?» — «Спят под открытым небом, *taga-ri!*»

Говорили же мне друзья, что падре Пио не потекает привязанности к комфорту! Так оно и есть. «В Сан-Джованни-Ротондо не едят и не спят, и все довольны». Я начинаю с наименее приятной стороны. Что ж, положусь на волю Божию! Со своим портфелем (к счастью, не тяжёлым) иду по дороге, ведущей к монастырю — он в двух километрах. Вдоль дороги — станции Крестного пути**, свидетельствующие о сомнительном вкусе и бесспорном рвении. К монастырю и от монастыря идут паломники, перебирая чётки, громко и монотонно читая молитвы.

*Крепкое выражение (не ругательство!)

**Крестный путь: в Католической Церкви — весьма распространенная молитва-размышление над основными этапами крестного пути Господа нашего Иисуса Христа. Стациями Крестного пути называются изображения — иконы или статуи, — связанные с указанными этапами, числом четырнадцать. Обыкновенно располагаются в церкви или, как в данном случае, на пути ко святылицу.

Я смотрю на них. В большинстве своём это итальянцы. Как они молятся! Забыв о приличиях, вкладывая все сердце в слова. Мужчин почти столько же, сколько женщин.

У монастыря дорога обрывается — она только к нему и ведёт. Справа, за земляной насыпью возвышается огромное строящееся здание, все в лесах. Знаменитая *Casa Sallievo della sofferenza*^{*}, о которой мне говорили в Риме, поглощающая все дары, приносимые для падре Пио. За те тридцать пять лет, что он живёт в монастыре, внешний вид монастыря не изменился. В нем ничего не менялось, наверное, с тех пор, как он был построен — то есть четыре столетия! Беленые известкой стены дышат францисканской бедностью. Все окошки выходят во дворики. На фронтисписе церкви — надпись: *Templum hoc Sanctæ Mariæ Gratiae dicatum, reædificatum fuit anno Domini 1629*^{**}. Эти буквы, корявые и неуклюжие, ещё более усиливают впечатление от слов, которые почитатели падре Пио считают безусловно пророческими. Когда-то капуцины специально выбрали это укромное место, чтобы иметь возможность время от времени, в согласии с учением святого Франциска, предаваться молитвам после апостольских трудов. И вот Провидение все переиначило

^{*} «Дом преображённого страдания» (ит.).

^{**} «Храм сей, посвященный Святой Марии Благодатной, был перестроен в лето Господне 1629» (лат.).

— тщетной оказалась их мудрая предусмотрительность. Сегодня отец-провинциал поостерегся бы посылать в Сан-Джованни-Ротондо усталых и слабонервных! Вскоре один из собратьев падре Пио признаётся мне, что, прожив там полгода на осадном положении, он больше не может — буквально выдохся. «Покоя нет ни днём, ни ночью. Вы только посмотрите на эти толпы!» И действительно, рядом с падре Пио отдохнуть невозможно. Другие сменяются, прибывая туда по очереди; только ему нет никогда замены. Добыча грешников, безжалостно прикованная к этому месту!

Стоя на эспланаде и глядя на этот убогий монастырь, я начинаю видеть падре Пио совсем не таким, каким его изображает крикливая реклама. Я с любопытством жду: что я ещё узнаю?

Между тем, уже совсем стемнело. У входа в монастырь по-прежнему оживленно. Паломники приходят и уходят, окликают друг друга, наводят справки, делятся друг с другом своими переживаниями. Их разговоры вращаются вокруг двух основных тем: завтрашняя месса и «очередь на исповедь».

Ну да, отец-привратник уже давно пытается как-то утихомирить толпу женщин — он послал одного из братьев (довольно свирепой наружности) раздавать пронумерованные карточки с указанием даты и часа. Но надо совсем не знать Италии, чтобы воображать, что такая мера может их как-то дисциплинировать и

не станет поводом для изобретательных комбинаций и сделок! «Я даю тебе мою карточку на завтра, — говорит какая-то тетка, — только не забудь, что ты мне обещала!»

Тем временем я замечаю, не без грусти, как далека я от совершенной радости, которую проповедовал святой Франциск Ассизский. Я хочу есть. Хочу спать. Я не знаю, где проведу эту ночь. И настроение у меня неважное.

На светящемся циферблате моих часов 21 час. Между тем, уже начинается выстраиваться очередь на мессу, которую падре Пио начнет в 2 часа утра! Что делать? Тут я замечаю полноватую женщину, стремительной, мелкой походкой спускающуюся налево. Я подхожу к ней. «Buona sera, Signora...» Услышав её акцент, я чуть не подпрыгнула. *Madonna mia!* Так это мисс Мери Пайл, о которой мне говорили мои близкие друзья, монсеньер А. из Барселоны и другие, хорошо её знавшие? Ну да, это она! Я произношу знакомые имена, как пароль. С очаровательной простотой она приглашает меня следовать за ней. По дороге я делюсь с нею своими проблемами. Она смеётся: «У меня в комнате есть вторая кровать, она совершенно случайно не занята...» О, святое францисканское гостеприимство! Я спасена.

Мы сбегает по каменистому склону, по которому моя спутница, кажется, может спускаться с закрыты-

ми глазами, и оказываемся перед домом, из освещенных окон которого доносится гул голосов. Войдя в большую комнату на первом этаже, служащую одновременно кухней, столовой и гостиной, мисс Пайл представляет меня присутствующим: «Я привела подругу, она у нас переночует». Она ведь даже не знает моего имени!

Я украдкой наблюдаю за ней, любуюсь её сияющим розовым лицом, освещенным глазами, поблёскивающими юмором и живым умом. Ведь у неё же есть ученые степени! Она же ученица и сотрудница знаменитой Монтессори! И вот где «поймал» её Бог, скажет она мне, смеясь, через несколько минут. Как и подобает терциариям*, она носит простую францисканскую рясу из грубой шерсти, скапулярий, веревку и чётки. Никаких монашеских покрывал. Идя в церковь, она набрасывает на себя мантилью, как все местные женщины. Живя в этом затерянном и привилегированном

*Терциарии — члены основанного св. Франциском так наз. «Третьего ордена», или ордена терциариев: миряне, которым обстоятельства жизни не позволяют посвятить себя служению Богу и ближнему в монашестве (как члены первых двух — мужского и женского — орденов св. Франциска), но которые, тем не менее, желают принять посильное участие в таком служении, принесли частичные обеты. Движение терциариев широко и плодотворно распространилось в Средние Века; терциариями были, например, поэт Данте, король Людовик Святой, художник Микеланджело и многие-многие другие выдающиеся люди.

месте, она не выделяется, если можно так сказать, ни вкусом, ни цветом. Даже её итальянская речь отдаёт местным колоритом. В этом доме живут и другие женщины, такие же терциарии, ведут хозяйство и принимают паломников. Ибо я, очевидно, не исключение в её программе милосердия. Редко какой ночью её дом не набит битком, а на крайний случай у неё в комнате, бедной, как келья, стоит ещё и эта дополнительная кровать.

С первых минут я чувствую себя как дома. *Suor Maria*, как её здесь все зовут, знакомит меня со слепым мальчиком по имени Петруччо. «Это любимый сын падре Пио!» Преодолев соблазн, исходящий от миски горячего супа, которую мне протягивает седая женщина с необыкновенно благородными, тонкими чертами лица, я рассказываю мисс Пайл о цели моего приезда. Я хочу видеть собственными глазами, услышать собственными ушами, составить собственное мнение... ведь не случайно же я встретила здесь именно её? Не само ли Провидение послало её мне навстречу, чтобы она научила меня, как быть? И я добавляю, — надеюсь, мои итальянские друзья меня извинят, — что её англосаксонский здравый смысл, по крайней мере, защитит меня от безудержного энтузиазма и святых преувеличений. Живя здесь, она-то уж знает, что к чему! Она смеётся: «Договорились, но не этим вечером! Вы уже засыпаете... и я тоже».

Мы заводим будильник на 4 часа. «Этого достаточно», — говорит *Suor Maria*. Я на неё не обижаюсь! «Самое трудное — это утренние вставания, — добавляет она. — Но что вы хотите, при таких толпах, в более поздний час вас могут просто затоптать!» Она легла и сразу же крепко уснула. Свидетельствую, что она не снимает своей грубой рясы даже на ночь! Впечатлений столько, что я не могу уснуть так быстро, как она. Некоторые из предубеждений, навешанных рекламной шумихой вокруг Сан-Джованни-Ротондо, понемногу начинают рассеиваться. Мне приоткрылась совершенно другая действительность, окутанная молчанием... Шумиха ведь тоже может скрывать истину! Во всяком случае, моё первое впечатление от Сан-Джованни-Ротондо явно благоприятное. Атмосфера францисканской простоты, ни малейших следов фанатизма. Кто же он, падре Пио? Мой сон перемежается сновидениями, и снятся мне, в основном, капуцины; один из них, кроткий гигант с седой бородой, звонит к заутрене... Я вскакиваю: это будильник.

ГЛАВА II

Осаждённая церковь. Испытания ризничего. Чудо тишины. «Священник как священник...» И вот мы погружены в тайну. Падре Пио нарушает рутину. Минуты текут, как капли крови. Страдающий человек. «Или я идиот, или падре — сумасшедший». Падре не поощряет святого любопытства.

О да, падре Пио — не сторонник комфорта. Подумать только, что его духовные сыновья и дочери, живущие в Сан-Джованни-Ротондо, всегда так встают, ни свет ни заря! Ещё не проснувшись по-настоящему, я карабкаюсь по крутой тропинке, ведущей к церкви. «Придите пораньше, — сказала мне Мери Пайл, — попытайтесь пробиться поближе к алтарю».

Перед запертой дверью стоит и прислушивается плотная толпа. Те, кто стоят поближе, информируют остальных. «Ключи звенят!» — кричит молодая женщина с младенцем на руках. Новость передается из уст в

уста: «Ключи звенят!» В следующее мгновение людской прибой устремляется к церкви. Двери со скрипом раскрываются... Как будто плотину прорвало. Меня толкают, топчут, оскорбляют, отпихивают — оглушенная, я остаюсь далеко позади, в то время как простоволосые фурии вопят, визжат, переругиваются, стонут, режут и всеми способами стараются пройти первыми. Гам стоит такой, что здорового ризничего почти не слышно: «Язычники! Хулиганы! Мерзавцы! Несчастные! *Mascalzoni!* Погодите! Помилуйте! Да вы христиане или скоты? *Christiani o bestie?*» Ничего не скажешь, бедняге приходится выражаться крепко... И проку от этого — почти никакого! Умоляю читателей не спешить возмущаться. Мы в Апулии. Побывайте на Сицилии — не то ещё увидите!

Наконец, я вхожу в церковь, с изрядно намятыми боками. Но где все недавние мегеры? Справа, у алтаря святого Франциска, я вижу лишь сияющие лица, шевелящиеся в молитве губы, набожную толпу сосредоточенных людей. Цель достигнута, больше нет нужды ни в силе, ни в военных хитростях. Каждый и каждая на своём месте, если не заслуженном, то, во всяком случае, завоеванном в открытом бою. Пошевелиться невозможно. Прижатые друг к другу, как сельди в бочке, мы должны простоять здесь на коленях или на ногах не шелохнувшись (некоторые предусмотрительно взяли с собой складные стулья и теперь си-

дят у стенки) — два часа. Выйти невозможно. Я с ужасом спрашиваю себя: а что делать человеку, если ему станет плохо? Да нет же, говорят мне, тут никому не плохо. По-моему, это уже само по себе чудо!

И ещё одно чудо — это тишина. Поверите ли, что на протяжении всей мессы падре Пио — а она теперь длится полтора часа или час сорок пять минут (по приказу церковных властей мессу хронометрировали) — слышно было, как комар пролетит? Кто знаком с развязными манерами итальянцев, запросто разговаривающих хоть на ступенях алтаря (у них это не считается проявлением непочтительности), тот не может не изумиться такой сдержанности. Она делает им честь: живая нация, полная энтузиазма, обладает тончайшими антеннами, чутко улавливающими сверхъестественное; может быть, они не всегда умеют выражаться, но католическое чувство их, как правило, не обманывает, и если они кого-нибудь канонизируют при жизни, такой человек заслуживает внимания. В таких вещах я больше полагаюсь на моих набожных простоволосых фурий, чем на особ, засахаренных в благочестии, и буду сейчас с интересом наблюдать в их лицах, как в зеркале, тот эффект, который производит на них месса падре Пио.

А он задерживается в ризнице. Вот его авангард, то есть несколько духовных сыновей, прокладывающих путь сквозь плотную живую массу у алтаря. Толь-

ко теперь я понимаю цель недавнего штурма. Штурмовавшие всеми силами старались оказаться на пути капуцина со стигматами, чтобы прикоснуться к его грубошерстной рясе, поцеловать ему руку, «вырвать» у него благословение.

На алтарь ставят дискос и чашу, слишком тяжёлые для его бедных пронзенных рук. Движение в толпе, отрывистый шепот: «*Il Padre! Il Padre!*» Я благословляю Господа за мои метр семьдесят два, позволяющие мне возвышаться над головами соседей, и взволнованно смотрю.

Сквозь толпу пробивается священник. Священник как священник... Риза на нем выглядит старенькой, поношенной. Кисти рук, которых ищут жадные взгляды, скрыты туго накрахмаленными рукавами альбы*. Голос спокойный, отсутствующий. На протяжении стольких лет, каждое утро — одна и та же сцена! Но это — единственный момент за весь день, когда он хоть как-то вырывается из-под власти этой толпы — всё остальное время он полностью в её распоряжении. Всецело посвятивший себя служению Отцу, он пришел сюда, чтобы исполнить — в который раз! — роль Сына в драме Голгофы, ни больше и ни меньше — то есть в мессе!

*Альба (от лат. *alba* — «белая»): часть священнического облачения; соответствует восточному стихарю.

Сопровождающие его прокладывают ему, наконец, путь за балюстраду. Я вижу моих вчерашних попутчиков, пожилую пару из Генуи — они прикасаются к расшитым отворотам его рукавов и плачут. В полной тишине, набухшей волнением, падре Пио начинает *Confiteor**.

Жесты его сдержаны, резковаты. Интонации верные, тембр голоса — чуть глуховат. Он ещё не успел подойти к алтарю, как лицо его преображается. Не требуется особой проницательности, чтобы заметить, что он сейчас передвигается в мире, для нас абсолютно непроницаемом. И я вдруг понимаю, почему его месса привлекает толпы, чем она покоряет и привлекает. Хотим ли того или нет, с первого же мгновения мы погружены в тайну. Мы — как слепые, собравшиеся вокруг зрячего... Ибо мы, слепые — по эту сторону реальности... Не в том ли именно состоит роль мистиков — напоминать нам о наших атрофировавшихся глазах — о глазах души, данных нам, чтоб улавливать свет, ослепительно сияющий совершенно по-другому, чем тот, что светит нашим смертным глазам?

Призываю в свидетели всех тех, кто участвовал в мессе падре Пио (просто «присутствовать» на ней в качестве зрителя невозможно): не создается ли именно

* «Исповедую» (лат.): покаянная молитва в начале мессы. После литургической реформы II Ватиканского собора несколько сокращена.

такое впечатление, причем с потрясающей ясностью, после его *Confiteor*? Впечатление столкновения не с чудесным, а с реальным? Что касается меня, я обнаружила в Святой Жертве мессы такую глубину любви и света, о которой раньше едва догадывалась. Настаиваю на этом. Падре Пио — первый носящий стигматы священник в анналах Церкви, но он священник, прежде всего — священник, и благодать на нём — по сути своей священническая. Вся его жизнь вращается, как вокруг центра тяжести, вокруг этих часов, когда он отдаёт Христу, возобновляя крестную Жертву, свои уста, глаза, руки. Стигматы ничего не прибавляют к величию его дела. Недостойнейший из священников равен ему, когда он произносит слова Пресуществления. Ибо это Христос предлагает, Христос освящает, Христос отдаёт Себя в причастии. Как и любой другой священник, падре Пио во время мессы — лишь орудие.

Поэтому его роль — не в том, чтобы сделать «что-то совсем другое» или «лучше, чем кто бы то ни было», а в том, чтобы сделать так, чтобы мы лучше поняли, пережили и усвоили единственную Жертву мессы. Сколько «привыкших» душ в наших католических странах! Сколько раз в Италии какая-нибудь добрая женщина спрашивала меня в церкви, в двух шагах от алтаря: «*E buona questa messa?*» Это означает: «Я не опоздала к дароприношению? Я расквиталась со своей воскрес-

ной обязанностью?»* Её, по-видимому, не волнует царственная драма. То ли дело молитва Мадонне или ряд коленопреклонений в честь святого Антония!

Падре Пио нарушает эту рутину. В чем его благодать? Да в том, чтобы давать нам возможность увидеть мессу новыми глазами! Увидеть её в глубину — значит, по-настоящему. Он ничего не придумывает, не изменяет, не добавляет к неизменным жестам, к словам, исполненным творческой силы. Но когда он говорит: «Это Тело Моё», «Это Кровь моя», как не вспомнить, что на священнике, новом Христе, лежит миссия — продолжить и завершить Страсти своего Господа? Разве его стигматы — не знаки, цель которых — привлечь наше внимание и нашу любовь к единственному Священнику и единственной Жертве? Мне кажется, что не попытаться увидеть над ним нечто большее, чем он — значит предать его.

Я стою у оконного проема, а свет падает на падре Пио с противоположной стороны, и я вижу его гораздо лучше, чем если бы я стояла в первом ряду, на коленях перед балюстрадой, окружающей алтарь. Я благословляю оттеснивших меня мегер и смотрю во все глаза. Я

*До литургической реформы II Ватиканского собора обязательное участие в воскресной или праздничной мессе считалось действительным, если верующий приходил в храм до начала дароприношения. В настоящее время действительным признаётся только участие с самого начала мессы.

обещала себе не терять хладнокровия и объективности. Я пытаюсь отвлечься от личности падре Пио. Это месса, и тот, кто её служит, как и всякий священник, — лишь представитель Христа, возобновляющего через него свою единственную Жертву...

Истина из катехизиса, вдруг оживающая у меня на глазах! Бесплотные формулы, оживающие во плоти этого мученика! Ибо надо быть слепым, чтобы не увидеть, как этот человек, восходящий сейчас к алтарю, страдает. Ступает он неуклюже, оступается. Нелегко ходить с пронзенными ступнями. Его руки неловко ложатся на алтарь, который он целует. У него все рефлексy человека с ранеными руками — он осторожен в движениях. Затем, чуть приподняв голову, он смотрит на крест.

Я инстинктивно отворачиваюсь, как если бы случайно подглядела любовную тайну. Лицо капуцина, только что казавшееся мне веселым и приветливым, буквально преобразилось. По нему волнами пробегают сильные эмоции, как если бы он вел спор с невидимыми собеседниками, наполняющий его поочередно страхом, радостью, грустью, болью, тоской... по его лицу можно следить за этим таинственным диалогом. Вот он протестует, движение его головы означает «нет», он ждёт ответа. Все его тело застыло в немой молитве. Минутное чувство неловкости у меня прошло, я наблюдаю, чувствую, как волнение постепенно сво-

дит мне горло. Кажется, время остановилось. Или, скорее: никто не думает о времени. Этот священник, медлящий у алтаря, как бы ведёт нас к новому измерению, в котором длительность обретает новый смысл.

Вдруг из его глаз хлынули слёзы, плечи, сотрясаемые рыданиями, кажется, согнулись под неимоверной тяжестью. Как при вспышке молнии, мне вспомнились приговоренные к смерти во время войны. Им только что сообщили приговор. Мышцы их лиц неподвижны, но всё тело как бы оседает, сгибается под грузом. Чтоб человек мог взглянуть в лицо солдатам взвода, назначенного для расстрела, необходима эта агония, капля за каплей, эта жестокая подготовка к смерти. Падре Пио не играет драму Другого! Между ним и Христом расстояния больше нет: «*Vivo ego, iam non ego...*»* Для того ли Христос возобновляет Свою жертву бескровно, чтобы мы забыли цену Крови? Разве каждая месса, напротив, не приглашает своих участников внести свою долю в искупительные Страсти, поскольку это Он Сам живёт, страдает, умирает в Своём Теле? Разве все мы — не работники Искупления? Разве для каждого из нас месса — не место преобразования, где наши бедные страдания, которые берёт на Себя Христос, окупаются вечностью?

* «Уже не я живу... [но живёт во мне Христос]» (лат.): слова святого Апостола Павла (Гал 2,20).

Но если такова роль простого христианина, то насколько тяжелей роль священника? Призванного быть искупительной жертвой, посредником между Богом и Его народом? Я смотрю на слёзы, струящиеся по лицу падре Пио, и думаю о грехах, которые он ежедневно взваливает на свои плечи, после бесконечных часов, проведённых в исповедальне. Это нешуточное дело — исповедовать и отпускать грехи. Служитель не выше Хозяина! Доля крови, которая требуется от него, — вот она! Дело не в стигматах. Кровь души весит больше, чем кровь тела. Одетый в эту рубашку Несса*, униженный, как прокажённый, одинокий между небом и землёй, он восходит к алтарю своего Бога. Он священник, и незачем ему существовать на этой земле, если он не даёт нам видеть Бога!

После такого скорбного экстаза месса продолжается. Теперь я понимаю, почему толпа, теснящаяся у алтаря, затаила дыхание. Слова могут быть неуклюжими, неловкими, — о падре Пио написано столько глупого вздора, — но душа не ошибается. Происходящее на алтаре задевает её за живое. Между ней и этим

*В древнегреческой мифологии кентавр Несс, убитый стрелой Геракла, отравленной ядом Гидры, успел перед смертью убедить жену Геракла, что если она вымочит в его крови рубашку мужа и наденет на него, Геракл навсегда сохранит ей верность. Поверив, женщина так и поступила; рубашка прилипла к телу Геракла, и отравленная кровь кентавра убила героя, причинив ему нестерпимые мучения.

священником, погруженным в Бога, имеет место тайное сотрудничество. Водоворот этой драмы захватывает и уносит её. Эта месса становится *моей* мессой.

И вот в чём, кажется мне, одна из причин необыкновенного влияния падре Пио на всех, кто видит его вблизи. Подобно волшебнику, он извлекает из пустыни сухой рутины скрытую в ней живую воду. Вступая с ним в контакт, душа «вспоминает» о том, что она христианка. Бесцветные ритуалы обретают определённый вкус и аромат, оживают. Ручаюсь, что никто из тех, кто побывал в Сан-Джованни-Ротондо, впредь не будет присутствовать на мессе в качестве простого зрителя! «У меня как будто газа раскрылись, — сказал мне один из них, — я открываю в мессе такое, о чем я и не подозревал!»

Начичная с приношения даров, ритм священной драмы убыстряется. Когда падре Пио, с глазами, погруженными в невидимый свет, поднимает молящим жестом дискос, мы видим кровавые раны на его руках. Он застывает в этой позе гораздо дольше, чем требуется для того, чтобы прочесть *Suscipe**. Кажется, он собирает воедино весь мир в этом акте приношения. На его мокром от слёз лице я вижу как бы вызов. «Вот что даю я тебе, вечный Отец, от имени Сына, которого я представляю: эти человеческие горести, эту

*«Приими» (лат.): здесь и далее начальные слова соответствующих литургических молитв.

всепоглощающую скорбь, эти страдания, эти грехи... Вот, я бросаю это в руки Твои, Тебе в Сердце, чтобы Ты вернул их мне преображенными! Я, человек среди людей, священник человеческий, даю Тебе, Бог-Создатель, то, что Ты исправляешь, делаешь прекраснее, чем создал...»

Минуты текут медленно, как капли крови. Вдруг я понимаю, что через мессу мы приобщаемся к вечности. Тайна Креста ускользает от протяженного времени ровно в той мере, в какой этот страдающий Человек есть Бог. Невыразимым и абсолютно непостижимым для нашего разума образом, в каждой мессе присутствует Голгофа, и мы присутствуем на Голгофе. Эта истина почти уже стёрлась в наших беспокойных, непостоянных умах; может быть, для того, чтобы мы её вспоминали, нам необходимо время от времени получать тот жестокий урок, который Бог преподаёт нам в Сан-Джованни-Ротондо?

На *Memento** — снова остановка, снова самозабвение. Было время, когда падре Пио мог без конца перечислять своему Богу, одного за другим, всех своих детей, и требовалось вмешательство отца-гвардиана, прятавшегося на хорах и посылавшего ему мысленный приказ продолжать мессу.

*«Вспомяни» (лат.).

Я присутствовала на многих мессах падре Пио — ни одна из них не похожа на другую. Разумеется, падре строго придерживается ритуала, а жесты его для итальянца удивительно сдержаны. Однако ясно видно, что он не один. Со всех сторон его окружает невидимое присутствие, сопровождает его, мешает ему. Однажды в пятницу я видела его задыхавшимся, подавленным, подобным борцу, припёртому к стене, резкие движения головы свидетельствовали о том, что он тщетно пытается обойти препятствие, мешающее ему произнести слова Освящения. Под конец он как бы кинулся в рукопашную, из которой вышел победителем, но изнемогающим от усталости. Иногда в момент чтения *Sanctus** на лбу его выступают крупные капли пота и стекают по лицу, подёргивающемуся от рыданий. Это действительно страдающий человек, борющийся с агонией. Бывают дни, когда, произнося слова освящения, он страдает, как настоящий мученик. Что-нибудь ещё об этом мог бы рассказать только его духовник: несмотря на всю свою приветливость, падре Пио хранит о себе полное, суровое молчание.

Вот он, наконец, держит в руках своего Бога, ставшего Хлебом! Тоненькие струйки крови текут по его пальцам. На мгновение напряжение сходит с его лица, лицо его светлеет. Иногда на губах его появляется улыбка и взгляд его с бесконечной нежностью ласкает

* «Свят» (лат.).

Хостию*. Не знаю, какова бывает «тёмная ночь»** его веры, но, безусловно, я видела, как он зрит сквозь видимую оболочку вещей. Тому, кто сомневается в Реальном Присутствии [Христа в Евхаристии. — Ред.], надо только побывать на его мессе. Не скажу, что в него тут же автоматически вольётся вера, — вера есть благодать, — но он наверняка окажется перед той же дилеммой, что и мой друг, которого я послала в Санджованни-Ротондо. «Одно из двух, — писал он мне, — или я идиот, или падре Пио — сумасшедший». Он остановился на первом предположении...

Из-за большого стечения народа падре Пио раздаёт причастие после мессы у главного алтаря — впрочем, не один, а с помощью братьев. Многие хотят получить Гостию из его раненых рук. Падре Пио отнюдь не поощряет такого святого любопытства, ибо туго накрахмаленные рукава его альбы прикрывают кисти до самых кончиков пальцев. Мне кажется, он должен считать невежливыми все эти взгляды, устремленные на него, служителя, в то время, как в своих обескровленных болящих пальцах он держит сокрытое

* «Хостия» (от лат. *hostia* — «жертва»): частица Пресуществлённого Хлеба, ставшего Телом Христовым; Святые Дары.

** «Тёмная ночь»: так обозначается в мистической литературе особая стадия в духовном восхождении души к Богу, когда она бывает лишена всякого осязаемого переживания действия на неё благодати. Эту очень тяжелую стадию требуется преодолеть мужественным усилием веры.

от взглядов Тело своего Господа и Учителя. Принимая причастие из рук падре Пио, я закрыла глаза.

ГЛАВА III

Те, кто записались. Фильтры и плотины. Брат Цербер и хитроумные листочки. «Падре Пио здесь для того, чтобы исповедовать, а не болтать». Упрямый паломник попался на крючок. «Чудесная комната» и тайная встреча. Падре Пио исповедует. «Чувствуешь себя такой лёгкой!» Болтливость раскаявшихся. «Он с самого начала всё знал, он мне всё сказал». Клетчатый платок и стратегическое отступление. Исцеление слабоумного ребёнка. Великая жалость к душам.

Сразу же после мессы импровизированные отряды порядка — большей частью чада падре Пио — уводят кающихся. Это не так-то просто, можете мне поверить. Мужчины исповедуются в ризнице, где, как говорят, дисциплина не такая строгая. С женской половиной рода человеческого обращение строже — она попадает в распоряжение ворчливого брата, о котором мы уже говорили, и он обращается с ней довольно

грубо — впрочем, бедняге иначе нельзя. Малейшее послабление — и это будет неуправляемая толпа. «Дай им волю, они у меня по голове пройдут, — говорит он, — падре Пио от них задохнется!»

Балюстрада перед исповедальной напоминает мол, о который разбиваются волны. Полцеркви отведено для тех, кто «записались». Только не подумайте, что это так просто — исповедаться у падре Пио! Начальный напор сдерживается и ослабляется несколькими фильтрами. И прежде всего, приходится ждать как минимум по три, по четыре дня.

В большом зале, примыкающем к церкви, где брат Цербер раздаёт карточки, я слышу пылкие протесты и горькие упреки. «Как? Только в четверг? Это невозможно! Меня ждут дома! Я должна срочно вернуться! *Per carità!** Да у вас что, совсем сердца нет? *Madonna mia!* Ради Бога! Только одну карточку, ну что вам стоит? Вот вам пожертвование для нашего отца, святого Франциска...»

Всё напрасно! С железным безразличием фра Б. дожидается, пока схлынет лавина, и протягивает заплаканной женщине листочек бумаги, который успокаивает её на мгновение. Вместо неё тут же появляется другая: «Фра Б., я от *Reverendo*** Х., найдите для ме-

* «Помилуйте!» (ит.; букв. «ради милосердия»).

** *Reverendo* — букв. «достопочтенный» (ит.): почтительное обращение к священнику в Италии.

ня *cantuccio* (местечко) на завтра...» Брат даже не удостоивает её ответом — протягивает ей следующий листочек. Понаблюдав с четверть часа за этими маневрами, я преисполняюсь величайшим уважением к этому человеку и довольно-таки заинтригована этими хитроумными листочками, действующими на эти разгоряченные умы как холодный душ. Вот один такой листок валяется на полу... Перевожу его для назидания читателей:

«Что должен знать каждый посетитель Сан-Джованни-Ротондо:

1. Если ты желаешь побеседовать с падре Пио, тебе лучше отказаться от этого намерения прямо сейчас, ибо он здесь, чтоб исповедовать, а не болтать.

2. Если ты желаешь исповедаться у него, знай, что он исповедует мужчин до 9 часов утра и после полудня столько, сколько потребуется.

Что касается женщин, он исповедует их каждое утро с 9 часов до 11 ч 30 мин посредством (sic!) пропуска, который можно получить в соседнем помещении.

3. Если ты не можешь ждать своей очереди на исповедь, обратись к любому другому отцу, и он примирит твою душу с Богом.

4. Для освящения чёток и других предметов благочестия обращаться к брату-привратнику.

5. Если ты желаешь сообщить падре Пио что-нибудь важное, сообщи через другого отца.

6. Остальные сведения можно получить у брата, заведующего бюро предварительной записи».

Нельзя не признать, что капуцины не делают ничего, чтобы облегчить доступ к своему святому собрату, и что при этом мужчины пользуются преимуществами. Им не требуется пронумерованных карточек! «Это потому, — объясняет мне священник-иностранец, уже много лет служащий падре Пио в качестве добровольного секретаря, — что мужчин явное меньшинство, и они гораздо интереснее!» Моё женское самолюбие становится на дыбы: «Как это интереснее?» — «Безусловно, — отвечает он с величайшей серьёзностью, — в большинстве своём это трудные случаи, даже безнадёжные, люди, не бывавшие у исповеди по двадцать, тридцать, сорок лет, великие грешники, хоть они и не отнимают у падре драгоценного времени рассказами о пустяках и всякими мудрствованиями, не в обиду вам, женщинам, будь сказано». — «Но ведь и среди нас бывают грешницы?» — «Конечно, но в более слабой пропорции (sic!). Падре Пио возвращает их к вере. Эта церковь видела многих Магдалин. Но сколько людей приходит сюда из любопытства, отнимать у падре время!»

Явный женоненавистник! Чтобы не почувствовать, что эти слова относятся и ко мне, я держусь подальше

от очереди, осаждающей непреклонного брата, и перебираю свои впечатления.

Кто-то окликает меня по-итальянски. Я оборачиваюсь и узнаю даму из Генуи, с которой я путешествовала из Фоджи. Её не узнать — вид у неё отдохнувший, лицо сияет. Она, не размыкавшая губ на протяжении всего пути, вдруг разражается потоком слов!

«*Che grazia**, *Signora mia!* Мой муж исповедался. Я так боялась, так боялась! Он не хотел ехать. Нет и нет! На мой день рождения я попросила у него подарок. Какой? "Поедем, — говорю ему, — в Сан-Джованни-Ротондо". Он возмутился: "Это ловушка! Это нечестно!" — "Как нечестно? — говорю. — Ты обещал". *Mamma mia!* Если б вы знали, скольких трудов мне стоило привезти его! Сегодня утром он был не в духе. "Уедем сегодня же, вечерним *espresso*". Представьте себе, мы почти не спали. В постели полно клопов! Впрочем, если бы не они, он не встал бы так рано. Но когда мы пошли к мессе, он мне сказал: "Только не проси меня исповедаться. Сразу же после мессы мы уезжаем". Так вот, после мессы я вижу — мой муж идёт в ризницу за падре. Я жду, молюсь, молюсь. Он выходит. Сам на себя не похож! Становится на колени. "Готово, — говорит, — я исповедался". Какая благодать, о, какая благодать!»

*«Какая благодать» (ит.).

И вот я вижу его. Он приближается большими шагами. «Аннита, я нашел чудесную комнату! Она свободна до воскресенья — восемь дней!» Он узнает меня, приветствует, смеётся: «Что за человек этот падре Пио! Он меня победил...». Затем, очень серьёзно: «Что вы хотите, после его мессы я не мог не исповедаться. Это было сильнее меня». Под ручку, как влюбленные, они отправились занимать «чудесную комнату». О вечернем *espresso* уже и речи не было...

В 8.30 я встречаюсь с *Suor* Марией на паперти церкви и вновь поступаю в её распоряжение. Мой рассказ о том, что приключилось с моими попутчиками-генуэзцами, не производит на неё никакого впечатления. «Это в порядке вещей, — говорит она, — после каждой мессы народ валом валит в исповедальню падре Пио. Ему не сопротивляются! Истинное чудо — это то, что они нашли комнату, ибо у нас всё занято, занято, занято!»

Я воздаю должное английскому чаю, сдобренному чудесными местными анекдотами, которые рассказывает мне моя гостеприимная хозяйка. Жаль только, что у неё очень мало времени. Ибо в Сан-Джованни-Ротондо она играет роль «Кэ д'Орсе»^{*}! Каждый иностранец рано или поздно — я чуть не сказала: «автоматически» — попадает к ней. В последнее время настоя-

^{*}«Набережная Орсе» (фр.): так, по месторасположению, во Франции называют министерство иностранных дел.

щее нашествие американских *boys*, привлекаемых книгами и статьями о падре Пио, выходящими в США большими тиражами. Высокие, белокурые, расхлябанные, они со спокойной наглостью захватывают места и вещи. Падре Пио покоряет их во мгновение ока.

— Но как они умудряются исповедоваться? — спрашиваю я мисс Мери Пайл.

— Сама удивляюсь! Однако как-то умудряются. Падре не знает ни слова по-английски. Итальянский они понимают с трудом или вовсе не понимают. А возвращаются восхищенными. На мои вопросы не знают, что ответить. «Падре Пио нас понимает, это точно. Каким образом? Это его дело. И он сказал нам то, чего мы ждали».

Я честно признаюсь, что красноречивые и экзальтированные литературные описания не внушают мне доверия и что я хочу повидать падре Пио и поговорить с ним с глазу на глаз.

Мери Пайл смеётся: «Все вы такие — самоуверенные! Но разве вы не знаете, что падре здесь "чтоб исповедовать, а не болтать"»?

Я рассказываю ей об эпизоде с *Reverendo*. «Во-первых, я не смогла бы дожидаться, пока придет моя очередь, а во-вторых, мой «случай», безусловно, не такой уж неотложный, чтобы мне перехватывать очередь у какой-то другой женщины. Но я хотела бы повидаться с падре Пио».

Мисс Пайл на минутку задумалась. «Что ж, за четверть часа до *Angelus*'а* ждите в коридоре монастыря, слева от церкви. Скажите, что вы от меня. Впрочем, я и сама там буду, с больной девочкой».

Блаженны настойчивые! *Suor Maria* извиняется: «Меня ждут, пока! И не забывайте — вы у себя...»

Куда можно пойти в Сан-Джованни-Ротондо, если не в церковь? 10 часов. Солнце мечет раскаленные стрелы в эту серую пустынную землю. Прохожие оспаривают друг у друга жалкие клочки тени, отбрасываемые на тропинку убогими оливами, томимыми жаждой. На фоне рощи кипарисов, прямых, как свечи, застывших в мрачном ожидании, монастырь выглядит белым пятном. Решительно в этом краю нет ничего, способного привлечь толпы паломников, кроме этой дороги, ведущей в одном направлении и выходящей на эспланаду.

В церкви недремлющее око одного из братьев наблюдает за маневрами кающихся, скученных в очереди в левом нефе, согласно предварительной записи. Он впускал их туда капля по капле, но и в этом стро-

**Angelus [Domini]* — «Ангел [Господень]» (лат.): молитва Латинской Церкви в честь Пресвятой Девы Марии. Творится трижды в день, утром, в полдень и вечером, в память о нашем спасении и в благодарение за него Богу. Существовал обычай, местами сохранившийся доселе, отмечать время этой молитвы ударами церковного колокола.

гом заточении *queste benedette** время от времени все-таки умудряются перепутать ряды. Каждая хочет прорваться поближе к падре. Мне хорошо его видно; он сидит в открытой исповедальне и наклоняется то влево, то вправо...

Я бесцеремонно устраиваюсь лицом к нему в правом нефе — вход верующим туда свободный. Хочу все видеть своими глазами. Продолжаю наблюдать падре Пио. Пишущая братия всегда найдет, чем извинить и оправдать своё нескромное любопытство! Ибо с первой же минуты я не могу не сравнить бедного падре Пио со зверем в клетке, выставленным на обозрение толпы. Все хотят посмотреть и потрогать. Пожираемый глазами, падре Пио сидит на расстоянии вытянутой руки от толпы, как у позорного столба. Он присутствует здесь для их душ, но тело его как бы отсутствует. Никогда я не видела, чтобы кто-нибудь до такой степени являл нам образ чистой духовности. Держу пари, что в эти минуты он никого и ничего не видит. Взгляд его устремлен куда-то вдаль. Он весь погрузился в захватывающее видение! Чтобы видеть души так, как видит их он, надо, наверное, «отключить» взгляд от плоти и направить его вовнутрь.

В левой руке он держит большой клетчатый платок, время от времени промокая им лицо, по которому

* «Эти благословенные» (ит.). В данном случае выражение неодобрения.

струится пот. Этим же платком он взмахивает перед носом любопытных, которые пытаются, выходя из исповедальни, поцеловать ему руки. Можно подумать, что он отмахивается от мух!

Иногда по лицу его пробегает болезненная судорога, и плечи его поникают под невидимым грузом. Только ли пот он вытирает, или слёзы тоже? Исповеди очень короткие — не больше пяти минут. Мне говорят, что женщин он отпускает гораздо скорее. Поэтому к нему хорошо приходить с заготовленной программой и тщательно составленным «списком грехов». Он может перевернуть все одним словом. В мгновение ока душа раздета догола. Она видит себя самоё. Она знает, что и он её видит. Забытая тайная язва вдруг обнажается во всей своей мерзости. Хитроумная броня разлетается вдребезги. Маски — те самые маски, что срastaются с нашей плотью, — падают. Неумолимый свет проникает до самых укромных складок нашей совести. Какая выставка ужасов, какая страшная чистка и уборка!

И когда душа, освещенная внезапным светом, видит всю свою грязь и мерзость перед бесконечной чистотой Бога — тогда прорываются наружу потоки очистительных слёз. Сокрушенная душа жадно вливает два знакомых ей слова, наконец-то имеющих для неё смысл: «*Atto di dolore*» («акт сокрушения»), — говорит падре Пио и поднимает руку.

Его жесты ничем не отличаются от жестов других священников. Безусловно, он суров и требователен. Если толпа его осаждает, как некогда святого кюре из Арса, то это потому, что исповедь у него приобретает весь свой первоначальный смысл. «У меня каждый раз такое чувство, как будто он погружает меня в кровь Христову, — скажет мне один из кающихся, — душа выходит из неё вся возродившаяся, словно обновлённая».

Я наблюдаю эти удивительно умиротворённые, иногда светящиеся тайной радостью лица женщин, которые только что исповедались и преклоняют близ меня колена, чтобы прочесть покаянные молитвы. Одна из них мне говорит: «После этого чувствуешь себя такой лёгкой!»

Вдруг я слышу резкий стук закрывшегося *sportello* (окошка исповедальни). «*Via*», — говорит падре Пио рыдающей навзрыд белокурой девушке. Она выходит из исповедальни, ползает у него в ногах... Он отмахивается от неё платком. «*Via*, — повторяет он, — *no ho tempo per voi*. Уходите, у меня нет для вас времени».

Признаюсь, эта сцена меня покорила. Придя сюда, это дитя проявило мужество. А если она так и уйдет отсюда в отчаянии? Я с жалостью смотрю ей вслед.

Она рыдает так, как будто у неё разрывается сердце. Никто и не пошевелился. Падре по-прежнему

наклоняется то вправо, то влево... Времени терять нельзя — вся эта толпа так и ждёт своей минуты.

Девушка пытается проникнуть к падре Пио ещё раз. Очередь другой женщины, и та отталкивает её. Только тогда она отступает, ищет выход из церкви. «*Poverina*, — говорит следящий за порядком падре, — *non vi scorggiate!*»^{*} Он уводит её, я иду за ними.

Короткий диалог. Она поднимает голову, улыбается сквозь слёзы: «*Grazie, Padre!*» Она склоняется, целует ему руку, поворачивается к церкви. Тут подхожу я: «Послушайте, падре, как это падре Пио может так отсылать своих кающихся? По-моему, он немножко резковат!»

Монах смотрит на меня, догадывается по акценту, что имеет дело с иностранкой, и мгновенно преисполняется снисходительности.

— Видите ли, синьора, — объясняет он таким тоном, каким говорят с не очень умными детьми, — падре Пио читает в сердцах, он отсылает назад тех, кто не готов к покаянию.

— А если они больше не вернутся?

— *Stia tranquilla!* (Будьте спокойны!) Если бы они не должны были вернуться, он бы их не отсылал. Чтобы омыть сердце, нужен дождь слёз. Хороший врач не боится прибегать к скальпелю.

^{*} «Бедняжка, не отчаивайтесь!» (ит).

— Значит, эта девушка...

Он становится ещё снисходительней:

— Не бойтесь! Может быть, она пришла из любопытства. Многие женщины приходят из любопытства. Падре Пио знает это. Он не хочет, чтобы люди ходили на исповедь посмотреть на него. Это уже не исповедь! Через два-три дня эта девушка придет снова, готовая к покаянию. Вы думаете, падре Пио уже не помолился за неё? Но чтобы благодать подействовала, нужно время...

Я пользуюсь случаем:

— Падре, правда ли, что падре Пио читает в сердцах, как в открытой книге?

Капуцин улыбается:

— Я знаю то же, что и все. Некоторые кающиеся, в изумлении от того, что он их так распознал и понял, рассказывают о том, что с ними случилось, всем желающим. Другие молчат. Падре Пио никогда ничего не рассказывает. Но известных случаев слишком много, чтобы мы не извлекли из них определенных выводов.

— Вы можете привести примеры?

— Конечно. Вот, например, однажды к нему пришел один коммерсант из Пизы, просит исцелить его дочь. Падре смотрит и говорит: «А ведь ты болен гораздо более серьезно, чем твоя дочь. Я вижу тебя мёртвым!» Бедняга бледнеет и бормочет: «Что вы, что вы, я себя отлично чувствую!» — «*Sciagurato!* — вскричал

падре Пио. — Несчастный! Как можешь ты чувствовать себя хорошо, когда на твоей совести столько грехов? Я вижу их по меньшей мере тридцать два!» Можете себе представить, как остоленел коммерсант! После исповеди он рассказывал всем встречным и поперечным: «Он с самого начала всё знал, он мне все сказал!»

— Как это удобно,— воскликнула я, — исповедоваться у священника, который сам перечисляет ваши грехи. Не надо ломать себе голову испытанием совести!

— Вы ничего не поняли! Падре Пио ничего не облегчает! Если он знает ваши грехи, он вас нисколько не избавит от спасительного унижения рассказывать о них! Он вам только помогает. Если вы скажете: «Я совершил такой-то грех столько раз», он может вас поправить — например, скажет: «А вспомни такой-то день и такое-то место...» Одна великая грешница бросилась ему в ноги, он сказал ей все её грехи, кроме одного. С минуту она ещё боролась с собой, затем созналась. «Вот этого я от тебя и ждал, — воскликнул он с радостью. — Теперь я могу дать тебе отпущение грехов!» Потом эта дама рассказала, что если бы она день за днём писала историю своей жизни, и то не получилось бы точнее, чем то, что сказал ей падре. «Он не пропустил ни малейшей подробности», — говорила она. Но этот вот последний грех — тут он хотел, чтобы она сделала над собой усилие и призналась сама.

— Правда ли, что падре Пио предпочитает великих грешников?

— *Purtroppo!* Ещё бы! Кому, как не блудным сыновьям, отдают предпочтение в доме Отца Небесного? Вы не можете себе представить, каких только обращений не видели эти стены. То, что мы знаем, — пустяки по сравнению с тем, что останется тайной до скончания веков. К обращению грешников у падре Пио особое призвание. Все его дарования поставлены на службу человеческим душам. Хочешь-не хочешь, когда они видят, что маска не помогает, что он их видит насквозь — они сдаются. Вот вам ещё пример.

Один человек, запутавшись в преступных связях, привёз сюда свою жену с заранее обдуманном планом. Он хотел избавиться от неё, решил убить, инсценировав самоубийство, — а путешествием в Сан-Джованни-Ротондо хотел сбить с толку её семью. Это был атеист, не веривший ни в Бога, ни в черта. Он преспокойненько зашел в ризницу, чтобы посмотреть, как он выражался, на «этот феномен характерной истерии». Падре как раз собирался побеседовать со своими духовными сыновьями. Увидел его и сразу же подошел, схватил за руку и толкнул к выходу: «*Via! Via! Via!* (Вон! Вон! Вон!) Ты что, не знаешь, что тебе запрещено пачкать руки в крови? Уходи!» Все так и ахнули. Несчастный выбежал, не чуя под собою ног, как если бы за ним гнались фурии. Что произошло этой ночью,

известно только Богу — и падре Пио! На другой день после мессы этот человек был у ног падре Пио; падре принял его с любовью, исповедал, отпустил грехи и с нежностью обнял. Когда он уже уезжал, падре вдруг спросил: «Ты ведь всегда хотел иметь детей, не правда ли?» Тот растерялся: «Да, — говорит, — очень хотел». — «Так вот: не оскорбляй больше Бога, и у тебя родится сын". Они оба вернулись через год, чтобы окрестить ребёнка.

Тем временем на эспланаде собралась целая толпа. Мы слышали, как какой-то человек что-то с жаром рассказывает. Его рассказ то и дело прерывался восхищенными восклицаниями женщин, по-видимому, жадно ловивших каждое его слово. Монах улыбнулся:

— Пойдите, послушайте! На ловца и зверь бежит. Он тут с самого утра остановиться не может. Вот болтун... *Scusi!* Прошу прощения... Мне пора возвращаться к своим обязанностям — следить за порядком. Их ни на минуту нельзя оставлять одних! Они так и норовят вцепиться друг другу в волосы. Дай им волю — они его убьют.

Избавившись от меня столь изящным способом, добрый капуцин отправился к своему наблюдательному посту, а я подошла к оживленной группе, с каждой минутой становившейся все более шумной и жестикулировавшей все сильнее. Рассказчик как раз начинал пересказать все сначала, *di capo*:

— Вот так, добрые люди, вот что со мной случилось! Тридцать пять лет ноги моей не было в церкви. Слышите? Тридцать пять лет!

— *Mama mia*, — воскликнула рядом со мной какая-то женщина и захлопала в ладоши, — *che birbone!* (Каков мерзавец!)

Происходящее напоминает мне *commedia dell'arte*. Этот человек с увлечением и совершенно искренне играет свою роль перед импровизированной аудиторией. Судя по акценту, он южанин, судя по жестам — прирожденный актер! Что нисколько не умаляет ни его правдивости, ни значения сообщаемых им фактов.

— *Dunque* (итак), — продолжает он, — тридцать пять лет я не хотел знать ни Бога, ни Мадонны, ни святых. Словом, адская жизнь! *Proprio cosi: una vita di dannazione*. Однажды мне встретила духовная дочь падре Пио. Она мне сказала: «Поезжайте в Сан-Джованни-Ротондо, и увидите!» Мне стало смешно: «Если вы думаете, что я буду *facile boccone* для вашего падре (что я буду для него лёгким кусочком) — так я вам скажу, *figlia mia* (дочь моя), вы ошибаетесь!» Однако, хоть я и не подал виду, в глубине души меня что-то грызло. Как дрель — сверлит тебя и сверлит (он сделал соответствующий жест). Под конец я не вытерпел, говорю себе: «В конце концов, почему и не поехать? Избавлюсь *di questa ossessione* (от этого наваждения)! Приехал я вчера вечером. Все забито. А я люблю комфорт!

Ем плохо, сплю плохо... А ночью думаю о своих грехах. Никогда не видел я их так близко! Целый парад грехов! Я аж вспотел. А тут ещё эта жара... В два часа со всех сторон зазвонили будильники... дrrrrrr! трrrrrr!.. Делать нечего, встал вместе со всеми. И ругался, на чем свет стоит. Говорил *bestemmie* (богохульства), слышите? Но в церковь пошёл. Что-то меня туда толкало. Подождал вместе со всеми. Вошел вместе со всеми. И побывал на мессе падре Пио. Какая месса! Уж я крепился, противился, как только мог — ничего не помогает, не знаю, как быть! Голова просто раскалывалась...

Он сделал эффектную паузу. Некоторые женщины рядом со мной уже плакали от волнения. Он продолжал:

— После мессы я пошёл вместе со всеми, как автомат, в ризницу. Хотел посмотреть на падре вблизи. На него самого, на его раны. А он идёт ко мне: «Ты разве не чувствуешь десницу Божью на своей голове?» Я бормочу: «Исповедуйте меня, падре!» Он говорит: «Иди!» Как стал я на колени, вдруг почувствовал, что голова у меня пустая-пустая, как горшок какой-то. Ни одного греха вспомнить не могу. Вижу их все разом, как какую-то кучу вязкой грязи, а не так, как ночью, один за другим. С чего начать, не знаю. Падре ждал, ждал, а потом так тихо говорит: «*Coraggio*, дитя моё! Смелее! Разве ты не сказал мне всё во время мессы?

Ну-ка...» И он сказал мне все мои грехи. Слышите? Все! И те, о которых никто не знал. И те, о которых я давно забыл. Мне оставалось только говорить: да! А потом он дал мне отпущение. Теперь я чувствую себя как *bambino, leggero, leggero* (как ребёнок, легко, легко)! Душа моя поет! «*Ringraziate la Madonna!*», — сказал мне падре Пио, — благодари Мадонну! *Buona gente* (люди добрые), я рассказываю всё это вам, чтобы вы возблагодарили Её вместе со мной, бедным грешником...

Он наверняка продолжал бы в том же духе, если бы внимание его аудитории вдруг не переключилось на ещё более захватывающее событие. По каким-то признакам, непонятым для непосвященных вроде меня, все женщины узнали, что падре собирается выходить из исповедальни, и бросились к церкви. Подхваченная водоворотом, я оказалась совсем рядом с балюстрадой. Падре был уже на ногах, он собирался выйти из церкви. На его прекрасном лице римлянина была написана досада, более того, гнев. Глаза его метали пламя. Плотная толпа коленопреклоненных женщин преграждала ему путь. Они пытались прикоснуться к его одежде, к его рукам. Тщетно потрясал он, с угрожающим видом, своим большим клетчатым платком. Они упорствовали в своём исступлении — опьянев от восторга и благодарности. Мне показалось, что одна из них отрезает ножницами кусок от его оде-

яния. Громким и звонким голосом падре вскричал (голос у него теплого тембра, а произношение было почти совсем неаполитанским):

— *Mi lasciate passare, insomma?* В конце концов, дадите вы мне пройти?

Тут к нему устремились из ризницы два брата, по-видимому, специально отряженные ему в телохранители; бесцеремонно растолкав толпу, они стали по бокам падре, чтобы составить ему эскорт. Эти двое говорили с богомольцами отнюдь не с изысканной вежливостью, но я с изумлением заметила, что на тех это не производит ни малейшего впечатления. Вплоть до самых дверей ризницы это была всё та же неистовая толпа. Я невольно представила себе вепря в окружении своры собак: он изворачивается, стряхивает с себя борзых, показывает клыки, прокладывает себе путь — тяжело дыша, истерзанный и жалкий. Так отступал неверными шагами падре Пио: «Падре, благословите эти чётки! Падре, притроньтесь к этой фотографии! Падре, *fate mi la grazia* (окажите мне благодеяние)! Падре, о Падре, спасибо!»

Наконец, он скрылся за дверью, с грохотом захлопнувшейся за ним. Толпа тут же рассеивается, успокаивается. Из бесформенной однородной массы проступают лица. Некоторые женщины благочестиво prostираются перед алтарём и молятся от вей души. Другие устремляются к исповедальне и трут об неё свои чёт-

ки, медальоны, образки, ладони. Наконец, брат-ризничий прогоняет их крепкими ругательствами и чуть ли не метлой. Не спешите возмущаться! Мы в Апулии, и благодать не отменяет человеческой природы, столь легко воспламеняющейся под палящим солнцем. Может быть, эти южане слишком легко возбуждаются и доходят иногда до фанатизма, зато никто не скажет, что сердца их очерствели, как у тех язычников «*sine affectione*» («без чувства»), о которых говорит нам святой Апостол Павел, или у некоторых наших праведников, неспособных ни к каким крайностям — ни в зле, ни в добре...

В тот же день один священник, с которым я поделилась своими сомнениями, рассказал мне об этом премилую историю:

«В ранней молодости падре Пио был исповедником в одной церкви на юге Италии. Напротив его исповедальни стоял алтарь Мадонны, окруженный балюстрадой. В церкви никого не было, и падре Пио собирался уже уходить, как вдруг в притвор вошла женщина с ребёнком на руках. Священник подумал, что женщина хочет покаяться в грехах, и не тронулся с места. Но она его даже не заметила. Она обратилась к Мадонне, подняла ребёнка повыше, чтобы Той было лучше видно: это был уродец-идиот, пускавший пузыри.

«*Madonna mia*, — сказала она с мольбой, — я пришла, чтобы Ты мне его исцелила. Такой ребёнок — это

позор, Ты понимаешь? *Dunque*, исцели мне его!» Затем она простерла к Мадонне руки с ребёнком и стала ждать. Падре Пио был поражен и не смел шелохнуться. Через минуту диалог возобновился: «Я бы Тебя не просила, *Madonna mia*, если б не знала, что Ты это можешь. Но ведь Ты можешь всё у Бога. Так что же Ты? Нет, Ты не можешь мне отказать. Ты можешь исцелить моего ребёнка — значит, Ты должна его исцелить. Посмотри, он ждёт, *poverino!*» Она качала его на руках перед алтарём, перед бесстрастной Мадонной, чтобы Та хорошо его рассмотрела. На этот раз молчание длилось дольше. Наконец, она взорвалась: «Послушай, *Mamma mia*, исполни мою просьбу! Я ведь прошу Тебя о добром деле, о здоровье для моего ребёнка! Ну что мне с ним таким делать? Посмотри же на него хорошенько, исцели его скорей!» В её голосе было всё больше и больше мольбы, по щекам текли слёзы... Мадонна не отвечала!

Тогда женщина резким движением бросила своего малыша через балюстраду на алтарь: «Ты его не хочешь исцелить? Так я отдаю его Тебе! Пусть он будет у Тебя, или верни мне его исцеленным. Теперь он Твой...»

Падре Пио чуть не вскрикнул. На его глазах ребёнок на алтаре встал, его уродливое личико вдруг просветлело, мертвенный взгляд оживился, он протянул ручонки и пролепетал: «*Mamma!*» Женщина взывала

от радости, перемахнула через балюстраду, схватила ребёнка и стала целовать алтарь, восклицая: «*Grazie, Madonna mia, grazie!*», затем убежала *senz'altro* («куда-то»), прижимая своё сокровище к сердцу. Что вы хотите, — с улыбкой заключил священник, — манеры у них плохие, зато их вера горами движет». Он счел излишним сообщать, что к этой вере падре Пио наверняка добавил ещё и свою.

Я много думаю. Две вещи мне кажутся очевидными: бесконечное одиночество падре Пио и мудрость Церкви, защищающей его, умеряя чрезмерные восторги.

Ибо может ли быть для святого большее несчастье, чем «перехватывать», если можно так выразиться, и отвлекать любовь и поклонение от Того, Кто «один есть свят»: «*tu solus Sanctus*»? Он никогда не может быть настолько прозрачным, чтобы не заслонять свет для некоторых сердец. Религиозное чувство быстро деградирует, и это, может быть, одно из самых мучительных последствий первородного греха. Настоящий святой должен бы хотеть перестать существовать: пока он остаётся на земле, есть риск, что сами дары, которыми осыпает его Бог, отвлекут его внимание от Дарящего.

О, падре Пио не строит себе иллюзий! Его огромная популярность обошлась ему в стигматы, которыми отметил его Бог! Образ Распятого, который он носит,

врезанный ему в плоть! Это божественное сходство, это небесное сродство...

Ловец человеков, он должен служить для них при-манкой. Разве стекались бы они со всех концов света, если бы не хотели, как Фома Апостол, потрогать его ступни и кисти? Поглядеть на кровь, струящуюся из его ран? Подсмотреть какие-нибудь знаки потустороннего мира, который обещает им их вера?

Бог помнит, из какой глины Он нас создал, и на протяжении всей истории не скупится на знамения! Надо только не забывать, о чем не устает напоминать нам Церковь: смысл знамений — ни в чём ином, как в том, о чём они нам сообщают. «Блаженны не видевшие и уверовавшие! (Ин 20,29). «Тёмная ночь» веры бесконечно драгоценнее всех харизм.

И видно, что падре Пио ничуть не дорожит восторгами, которые он вызывает у паломников. Его резко-ватые движения, его старание укрыть свои кисти, даже его намеренно суровые манеры — все это направлено к одной цели: охладить пылких поклонников, чтобы направить их к Богу.

Во время моего пребывания в Сан-Джованни-Ротондо я больше наблюдала его самого, чем его стигматы. Он покорила меня своим крайним смирением. Этот человек действительно сознаёт, что он ничто в сравнении с Богом. Все, кого я расспрашивала об этом, сходятся на том, что он резко отвергает всякие проявле-

ния благодарности, направленные лично на него: *«Ringrazia il Signore! Lui, e non altri devi ringraziare... Dio ti fia concesso la grazia! Rivolgi a Lui, e non a me il tuo ringraziamento!»* Если что-нибудь выводит его из себя, так это именно нескромные почести. Создается впечатление, что он считает их оскорблением, наносимым Тому, Чьим орудием он себя сознаёт. Его духовным дочерям и сыновьям хорошо известно, как ненавидит он велеречивые восхваления.

Ясно видя своё неоспоримое ничтожество в этом безжалостном свете, как может он принимать восхваления, не считать их ложью и не страдать от них? Глядя на него с моего наблюдательного поста перед его осажденной исповедальней, я поняла, что именно в этом и состоит его настоящий крест. Быть «зрелищем для мира и людей», служить крючком для грешников, привлекаемых его стигматами, страдать от того, что любопытные, нескромные взоры пожирают его раны, тайну его любви — можно ли представить себе более страшное мученичество? Если он предает себя такому мученичеству, то только потому, что его мучит ещё более страшная жажда — великая любовь к душам, в жертву которым он приносит себя вот уже сорок лет! Обычно его превозносят за его стигматы. Я думаю, что

* «Благовари Господа! Его благовари, а не кого другого... Бог даровал тебе эту милость! К Нему, а не ко мне, обращай свою благоварность!» (ит).

он войдет в историю, главным образом, как новый кюре из Арса, узник исповедальни и труженик искупления. Именно для этого Бог расцветил его плоть пятью ранами искупления.

И именно о чистоте той вести, которую он нам несёт, ревностно заботится Церковь, *dolce sposa di Christo**, не одобряя легковесных панегириков и неразумных восторгов. В этом падре Пио полностью согласен с Церковью — как и во всём остальном.

* «Сладостная невеста Христова» (ит.).

ГЛАВА IV

Западня. «Просите у Бога, не у меня». Падре Пио вблизи. Крошки с царского стола. С Капри в Сан-Джованни-Ротондо. Падре Пио бойкотирует плёнки. У г-на Абрехса. Обращение теософа. «Готовь пелёнки». «Этот малыш теперь священник...» Живые источники.

На паперти меня уже ждёт Мери Пайл.

— Где вы до сих пор? Я вас искала. Уже пора, идемте.

Она подводит меня к ведущей к монастырю двери, звонит... Один из братьев чуть приоткрывает дверь. «А, это вы!» В узком коридоре, который вдалеке делится надвое — один коридор ведёт к монастырю, другой к церкви — ждут люди. Я узнаю мою молодую пару из Неаполя, и с ними Джованнино, расшалившегося как никогда. Трое или четверо довольно молодых людей интеллигентского вида. Американский студент — открытый, розоволицый. Больная девушка, которую со-

проводит *Suor Maria*, и несколько пожилых женщин. Брат-привратник ходит по коридору взад-вперёд с суровым видом, затем вступает в разговор с моей хозяйкой и веселеет; как видно, у отцов-капуцинов она пользуется очень большим уважением.

Вдруг мы слышим голос: «Идёт!» Все вздрагивают и устремляются вперёд. «Piano, piano», — говорит брат-привратник. По коридору к церкви идёт священник, за ним другой. Следующие пройти не могут — образовался затор. Мы сгрудились вокруг падре Пио, улыбающегося, добродушного, держащегося очень просто («*un frate qualunque*»*, — как с первого взгляда окрестил его кто-то) и приветливо, как цыплята вокруг наседки, кто на коленях, кто на ногах, — ни церемонияла, ни протокола. Все говорят разом. Все просят какой-нибудь *grazia***.

Падре Пио сопротивляется: «У Бога просите, не у меня!» Гладит Джованнино, затем, обернувшись к его родителям, спрашивает с задорным видом: «Ну как? Прав я был?» Они рассыпаются в благодарностях. Думаю, если бы совместное путешествие не дало мне ключа к этому краткому диалогу, вся эта сцена показалась бы мне банальнейшей. Родители принесли своего младенца к *un santo* («святому»), как это водится в Италии! А о том, что без него ребёнка бы не было, никто и не подозревает... мне бы хотелось

* «Брат, как любой другой» (ит.).

** Милости (ит.).

сказать: к счастью! В активе у бедного падре и так хватает всяких чудес.

Он поворачивается ко мне. Странно: впечатление такое, что он смотрит, но не видит. Или, точнее: видит что-то своё. В его внешности нет ничего от романтического святого. При его бороде, чуть тронутой сединной, цветущем цвете лица, почти без морщин, очень прямой осанке и быстрых движениях ему, безусловно, не дашь его возраста: 68 лет. «*E voi?*» («А вы?») — спрашивает он меня.

Я задаю ему вопрос. Он отвечает буквально тремя словами. Просто, как «добрый день». И именно то, что мне нужно. Я преклоняю колени и прошу благословения. Его кисти, почти совсем скрытые митенками, на мгновение ложатся на мою голову. Я испытываю странное ощущение — как электрический разряд. Вдруг вспоминается стих из святого Луки: *Virtus de illo exibat* («От Него исходила сила») (Лк 6,19). В конце концов, почему бы и нет? Этот ученик во многом похож на своего Учителя!

Потом уже я узнала, что такое ощущение удара током или таинственных флюидов — обычная вещь, когда падре Пио возлагает руки на голову для благословения.

Вся эта тайная встреча — да-да, я оказалась одной из привилегированных — длилась минут пять, и вот

уже падре продолжает свой путь, неуверенно ступая, как ходят больные.

Мы выходим, и я сразу же спрашиваю Мери Пайл: «Когда у вас найдется немножко времени, чтобы поговорить со мной о Пио?»

Она воздевает руки к небу: «Я — и время! Может быть, сегодня вечером, перед сном. Но я могу дать вам книги...»

Я настаиваю: «Это не то! Я хотела бы получить сведения из первых рук. Вы уже так давно в Сан-Джованни-Ротондо...»

Она смеётся:

— Тридцать три года! Солидный стаж...

— Вот именно! Вы хорошо знаете падре Пио?

— Ну что вы! Никто его не знает, кроме Бога. К его личной жизни никому нет доступа — за исключением его духовника, разумеется, но тот ничего не скажет. Мы лишь собираем крохи с Царского стола...

— Для меня даже крохи драгоценны. А не знаете ли вы ещё кого-нибудь в Сан-Джованни-Ротондо, кто мог бы рассказать мне о нём?

— Конечно, знаю! Видите эти дома, эти виллы, которые постепенно возникли вокруг монастыря? Их построили те, кого обратил падре Пио, кого он чудом исцелил, но в основном, его духовные сыновья и дочери, вроде меня. Не каждый день встретишь человека его масштабов! В 1922 году я приехала с острова Капри

из любопытства с мадам Монтессори. Я провела три дня в ужасных условиях — в те времена тут была пустыня; приехав сюда в третий раз, я решила остаться. Такие приключения были, в общем-то, у всех, кто здесь живёт. Они приезжают, уезжают и, в конце концов, остаются. Раз уж ты нашел драгоценную жемчужину, ты с радостью расстанешься со всеми благами этого мира, чтобы её получить!

Мери Пайл ничуть не похожа на экзальтированную особу, и тон, которым она всё это говорит, производит на меня впечатление. Я не осмеливаюсь расспрашивать её дальше. Достаточно на неё посмотреть, чтобы понять, что она говорит о чём-то давно обдуманном.

— Тут у каждого есть своя тайна, — продолжает она. — Многие из них чудом избежали гибели, обратились, пройдя через самый ад. Падре Пио — специалист по тому, что итальянцы называют *pezzi grossi* («крупные куски»). И если он берёт на себя заботу о ком-нибудь, то это навсегда. Однажды он мне сказал: *«Quando io ho sollevato un'anima, non la lascio ricadere più!»* ("Если уж я подобрал какую-нибудь душу, она может быть спокойна — я её больше не уроню!") Постойте-ка, нам всё равно по дороге, давайте зайдем к Аб-рехсу.

— Кто это?

— Духовный сын падре. Обратившийся. Он поселился в Сан-Джованни-Ротондо. Его единственный

сын стал священником... Он открыл тут книжную лавку, вы можете там купить фотографии падре.

— Немного странно, что падре Пио позволяет такую торговлю.

— Ему пришлось смириться во имя послушания! Со всех сторон шли прошения; церковные власти, наконец, устали и запретили ему не проявляться на фотоплёнке. На протяжении многих лет, как ни старались фотографы, — снимали его спереди, сзади, куда только не пробирались, чтобы застичь его врасплох, — плёнки оставались девственно чистыми. На той же самой плёнке пейзажи получались безукоризненно, но стоило направить аппарат на падре — сколько ни щелкай, все впустую. Хоть плачь! Паломники так хотели увезти на память фото падре Пио! Теперь он уже не уклоняется от фотосъёмки, но все снимки, что вы увидите, сделаны недавно. Сколько лет его жизни пропало для фотографов! Невосполнимая потеря... Подумать только, что если бы не обет послушания, у нас и этого бы не было! Вот мы и пришли. *Вуон giorno*, синьор Абресх! Позвольте представить вам мою подругу...

Седеющий человек с ясным, спокойным взглядом протягивает нам руку из-за прилавка.

— Я вас покидаю, — говорит Мери Пайл. Не забудьте: обед с половины второго до двух. Иногда он бывает чуть раньше, иногда чуть позже — по обстоятельствам.

Затем, обернувшись к господину Абресху:

— Расскажите ей о вашем обращении!

Жара стоит невыносимая, и в лавке никого нет. Чувствуя себя неловко после такой просьбы, которая кажется мне нескромной, я неуклюже пытаюсь переменить тему, но г-н Абресх улыбается:

— Никакого секрета тут нет, — говорит мне он. — Мы не имеем права молчать о таких беспримерных проявлениях благодати! Когда синьор Альберто дель Фанте попросил моего свидетельства, я дал его ему от всего сердца, и он опубликовал это в своей книге — вот она.

Он показывает мне здоровенную потрепанную книгу, озаглавленную: *PAR LA STORIA*, с подзаголовком: *Padre Pio da Pietrelcina. Il primo sacerdote stigmatizzato**.

— Синьора дель Фанте тоже обратил падре Пио. Этому синьору пришла в голову счастливая идея собрать свидетельства — надлежащим образом заверенные — всех тех, кто удостоился милостей Божиих через посредство падре. Это бесценная книга, ибо в ней нет ни одного факта, не подкрепленного доказательствами. Моё небольшое свидетельство фигурирует в параграфе 7 главы, озаглавленной «Обращения». Вот оно...

*ДЛЯ ИСТОРИИ. Падре Пио из Пьетрельчины. Первый священник, носящий стигматы (ит.).

Я смотрю в книгу — страница 309. Немного помолчав, г-н Абресх взволнованно продолжает:

— Падре Пио! Да я же обязан ему жизнью! И моей католической верой. И без него у меня не было бы сына... Моя жена умерла, но её свидетельство остаётся. Скоро я тоже умру, но то, что я написал, останется написанным. Церковь сама знает, что ей с этим делать — а мы выполнили свой долг. Никто не вправе скрывать истину, не так ли?

В магазин вошли две женщины, и он направился к ним. Я перелистала книгу. Вот вкратце история обращения Фредерика Абресха, написанная им самим:

«Когда я впервые поехал посмотреть на падре Пио в ноябре 1928 г., у меня не было веры. Родился я в протестантской семье, настроенной резко антиримски, католиком сделался, чтобы соблюсти социальные приличия. Догматы мне ничего не говорили, зато я страстно увлекался оккультными науками. Один из моих друзей приобщил меня к спиритизму. Загробные послания не показались мне убедительными. Тогда я увлекся магией, затем теософией, и проводил все своё время за книгами на эти темы; моя библиотека ломила от таких книг! В угоду жене я время от времени ходил к мессе, но без убеждения.

В один прекрасный день я услышал о капуцине со стигматами, который, как говорили, творил чудеса. Движимый любопытством, но не забывая и о жене —

она была тяжело больна и ожидала операции, после которой она никогда не узнала бы радостей материнства, — я решил попытаться счастья и приехал в Сан-Джованни-Ротондо. Разумеется, я был настроен тем более недоверчиво, что речь шла о фактах, имевших место в католической Церкви, казавшейся мне гнездом суеверий.

Первый контакт с падре Пио оставил меня равнодушным. Он сказал мне несколько слов, показавшихся мне совершенно сухими! После столь долгого и трудного путешествия я ожидал более теплого приема. Тем не менее, я решил исповедаться.

Как только я преклонил колени, падре Пио заявил мне, что на предыдущих исповедях я умолчал о серьезных грехах, и спросил, искренне ли я верую? Я отвечал, что считаю исповедь полезным социальным институтом, но не верю в сверхъестественный характер этого таинства. Однако что-то меня толкнуло сказать: «Но теперь я в неё верю, падре». Падре Пио помолчал, затем сказал мне с невыразимой болью: «Это ересь! Значит, все ваши причащения — святотатство! Вам необходима генеральная исповедь. Проведите хорошее испытание совести и вспомните, когда вы хорошо исповедались в последний раз. Иисус милостивее к вам, чем к Иуде». Он строго посмотрел на меня, громко произнес: «*Sia lodate Gesù et Maria*» («Хвала Иисусу и Марии»), и пошёл в церковь исповедывать женщин.

Я остался в ризнице, потрясённый его словами. В моих ушах звучало: «Вспомните, когда вы хорошо исповедались в последний раз...» Правда, меня перекрестили в католичество *sub conditione* (условно), и это крещение смыло с меня все грехи моей прошлой жизни; правда, сразу же после этого я хорошенько исповедался, но для очистки сердца я решил исповедаться во всех своих грехах, начиная с детства.

Голова моя шла кругом, когда в ризницу вошел падре Пио: «*Dunque*, когда вы хорошо исповедались в последний раз?»

Я что-то забормотал, но он прервал меня: «Ладно! Вы хорошо исповедались после свадебного путешествия. Оставим всё остальное и начнем с этого момента».

Я так и ахнул. А падре Пио не дал мне опомниться: отчётливо выговаривая слово за словом, он перечислил, в виде точно сформулированных вопросов, все грехи, накопившиеся у меня за многие годы. Он даже назвал точное число пропущенных месс! Перебрав все смертные грехи, падре дал мне понять всю их серьёзность и добавил (до сих пор я слышу этот голос): «*Lei ha sciolto un inno a satana, mentre Gesù nel suo sviscerato amore si è rotto el collo per lei*» («Вы пели хвалу сатане, тогда как Христос, в Своей бесконечной любви, сломал Себе шею за вас»). Получив отпущение, я почувствовал такое счастье, такую лёгкость, как будто у ме-

ня появились крылья. Возвращаясь в деревню с другими паломниками, я проказничал, как мальчишка!

С точки зрения человеческого разума всё это необъяснимо. Падре Пио видел меня впервые в жизни. Во время исповеди он напомнил мне такие факты, о которых я сам начисто забыл. Он был в курсе малейших подробностей, подчёркивая их там, где этого требовала исповедь. Тут даже на телепатию не сошлешься, я ведь решил исповедаться за всю мою прошлую жизнь, с самого детства...»

После обращения г-н Абресх, естественно, поспешил привезти к падре Пио свою больную жену. Исповедавшись, та сперва не знала, как приступить к тому, о чем собиралась спросить, затем, собравшись с духом, смущенно проговорила:

— Падре, доктора (за ней смотрели три врача, все трое — светила) велят мне оперироваться. Что мне делать?

По своему обыкновению, падре Пио сперва ответил так, как того требует здравый смысл:

— Что ж, дочь моя, слушайтесь врачей!

Госпожа Абресх залилась слезами:

— Но тогда я никогда не смогу иметь детей, падре!

Падре Пио поднял глаза к небу и, помолчав, сказал «с незабываемой теплотой»:

— Значит, *niente ferri* (никакого железа). Вы были бы несчастной до конца дней своих.

«Я вернулась в Болонью, полная радости и надежд. И в самом деле, с этого дня кровотечения и все симптомы болезни исчезли бесследно. Два года спустя, когда мой муж приехал навестить падре Пио, тот предсказал, что у меня будет сын. Каково же было моё удивление, когда я получила из Сан-Джованни-Ротондо такую телеграмму (я до сих пор её храню): «*Felice più che mai, prepara corredo bimbo!*» («Счастлив, как никогда. Готовь пеленки!») В самом деле, через год у меня был малыш, и роды мне нисколько не повредили — несмотря на все прогнозы врачей, с которыми я, впрочем, перестала консультироваться задолго до беременности. Мы с мужем — счастливейшие люди на свете!»

Я закрыла книгу и задумалась. Этот рассказ, написанный так просто, по-человечески, глубоко меня взволновал. Тем временем г-н Абресх отпустил своих клиенток и обернулся ко мне:

— Этот малыш теперь священник... падре Пио так и предсказал! Как восхитительны пути Господни! Возьмите себе этот сборник воспоминаний! Он расскажет вам и о других случаях, не менее интересных.

Так духовные сыновья и дочери падре Пио постепенно снабжали меня материалом для этой книги. Чтобы как следует разобраться во всём, я в первую очередь обратилась к живым источникам. Сопоставляя доходившие до меня обрывки сведений, я сумела

воссоздать историю великого капуцина — более простую и прекрасную, чем та, в которую нас хотели заставить поверить авторы некоторых дешевых панегириков. Только что мы видели его в его среде, видели его в деле — узником исповедальни, навеки хранящим прекраснейшие тайны любви и благодати; вернемся назад, к его детству, посмотрим, как шаг за шагом, и не без его участия, Бог формировал его душу и тело по образу и подобию Господа нашего Иисуса Христа.

ГЛАВА V

Детство Франческо Форджоне. Порода, утонченная веками суровой верности. Размазня? Поступление в новициат отцов-капуцинов в Морконе... Франческо становится фра Пио. Лопочущиеся термометры, чрезвычайные посты и бурные ночи. Первые поединки с нечистым. Падре Пио принимает сан священника. Его мессы никогда не кончаются. Чудеса святого послушания. Ризничий в ужасе. Похищенные письма. Невидимые стигматы. «Ты что, на гитаре играешь?»

Он родился 25 мая 1887 г. в Пьетрельчине (*pietra riccina*, «малый камень», в отличие от соседнего городка Пьетра-Маюре, «большой камень»), в провинции Беневенто, в семье настолько бедной, что отцу дважды пришлось ездить, вместе с другими, в Америку в поисках заработка.

На другой день после рождения его отнесли в деревенскую церквушку — она существует до сих пор — и окрестили Франциском.

О детстве его нам очень мало что известно: несколько анекдотов — разумеется, назидательных, — и общие места, обычные для «детских лет святого». Между тем, оно проходило в краю прекрасных христианский и человеческих традиций, где умы искрятся, как вино с окрестных холмов, и человеческая порода, утонченная веками суровой верности, создает шедевр за шедевром.

Его римский профиль — не исключение. В итальянской деревне род, восходящий к Катону или Цинне, сохраняет чистоту крови гораздо лучше, чем в имущих классах. Отрезанные от мира горами, жители Пьетрельчины выросли в эту неблагодарную, но любимую землю. Рано или поздно, они возвращаются на родину, как Дзи'Орацио Форджоне, отец падре Пио, который так тосковал в Америке, что в конце концов махнул рукой на фортуна и вернулся домой с радостью в сердце, беднее, чем был.

Ребёнок, по-видимому, рос застенчивым и молчаливым. Он предпочитал одиночество шумным играм товарищей. Его заставляли в слезах, если кто-нибудь богохульствовал в его присутствии. Он прятался куда-нибудь в уголок, чтоб «помолиться от души». Однажды падре Пио спросили о его детстве, и он со смехом ответил, что был «настоящим размазней». Наверное, Бог уже тогда работал над ним, и его необщительность и замкнутость объясняются именно нежным ростом

призвания. Придет день, и падре Пио, во всей зрелости своей природы и благодати, проявит все прекрасные качества своего племени, приправленные каплей солнечного юмора, вдохновляющего на быстрые, остроумные и меткие ответы, в которых чувствуется местный колорит.

Конечно же, ни Дзи'Орацио, ни *tatma* Джузеппина ни за что не стали бы спорить с Богом из-за сына. Поэтому нет ничего удивительного, что в один прекрасный день октября 1902 г. юный Франческо отправился с отцом в Морконе, близ Беневенто, чтобы попроситься в монастырь капуцинов.

Тут занавес опускается. Его настоятели хранят крайнюю сдержанность во всем, что касается их святого собрата, столь осаждаемого нескромным любопытством. Свидетельствую: итальянские капуцины не проронили ни слова о падре Пио.

Поэтому всё, что мы знаем о его новициате — это разрозненные крохи, дошедшие до нас благодаря его родителям или другим «утечкам информации», неизбежным в таком неординарном случае. Ибо начиная с этого времени его личность, по-видимому, становится источником странных явлений. Этот бледный, худой послушник, совсем ребёнок, способен сутками обходиться без еды. Ему достаточно причастия. От него требуют, чтобы он ел во имя святого послушания — он не удерживает в себе пищу. На протяжении двадцати

одного дня он живёт в Венаффо, питаясь только святым причастием.

Однажды наставник послушников отказал ему в причастии. Он чуть не умер! Больше это не повторялось. К концу первого года его бледность и круги под глазами произвели такое впечатление на Дзи'Орацио, что он решил забрать его домой, но отец-гвардиан наотрез ему отказал. После перехода на общий распорядок здоровье послушника, не стесняемое суровыми истязаниями плоти, пошло на поправку, и родители успокоились. Они часто навещали его в монастыре, приносили ему продукты... В один прекрасный день отец-гвардиан сказал его матери:

— Донна Джузеппа, ваш сын слишком уж хорош, у него нет ни одного недостатка!

Единственным трудным моментом оставалось все-таки его хрупкое здоровье, с внезапными приступами лихорадки, от которых регулярно лопались монастырские градусники. Тогда отцу, ухаживавшему за больными, пришла в голову прекрасная идея воспользоваться термометром для ванны. Как же он изумился, когда однажды ртуть поднялась до отметки 48°! Мы знаем, что в монастырях (особенно со строгим уставом) такими пустяками никого не удивишь. Вот на военной службе падре Пио задаст врачам головоломки посерьёзнее!

У него бывала лихорадка. Бывали дела покаяния, бдения и ночные сражения. Жить по соседству с его комнатой — о нет, это был не сахар! Сначала было подумали, что это он сам поднимает такой адский шум. Выяснив подробности, отцы-настоятели оправдали его. Иногда его однокашникам за всю ночь ни разу не удавалось сомкнуть глаз.

Так что же происходило в этой тесной келье? Когда-нибудь мы узнаем; а пока нам придется обойтись теми скудными крохами, что у нас есть.

В самом начале своего новициата фра Пио лежал как-то ночью без сна после полунощницы; заслышав шум в соседней келье, где обитал фра Анастасио, он высунулся из окна, чтобы посмотреть, в чем дело. Вдруг он увидел на соседнем подоконнике огромного черного пса, глядевшего на него столь свирепо, что бедный фра Пио вскрикнул и чуть не потерял сознание от ужаса. Чудовище гигантским прыжком перемахнуло на другую крышу и исчезло. На другой день фра Пио узнал, что со вчерашнего дня его соседа нет в келье. История получила огласку, потому что он имел наивность расспрашивать в округе об этом «ужасном псе».

Были и другие случаи, неожиданные и потрясающие. Мало-помалу фра Пьюччо привык. В конце концов, как говорит святой кюре из Арса*, разве не одним

*Св. Жан-Мари Вианней (1786-1859), выдающийся французский священник-подвижник, как и падре Пио, проводив-

только друзьям Господа дано познакомиться с нечистым? То, что смущает нас, не так уж и удивляет монахов-созерцателей. Духовный отец фра Пио сделал из его ночных поединков тот простой вывод, что маленького послушника ждут великие дела.

По этому поводу мне рассказали одну премилую историю. Однажды ночью, когда фра Пио пришлось особенно трудно, он тщетно взывал к своему Ангелу-хранителю. Что вы хотите, даже ангел может на что-нибудь отвлечься... Но фра так не считал. Ангел ты хранитель или нет, *magari*? Тебя не сливы поставили охранять! Когда утром Ангел, наконец, явился, рассерженный фра Пио повернулся к нему спиной.

Да, воистину по ночам ему было не скучно! Возвращаясь в свою келью, он находил там все вверх дном, книги на полу, чернильница разбита, постель в беспорядке. Стоило ему сомкнуть глаза, подчиняясь уставу, как тотчас из каждого уголка выскакивали страшные чудовища. Утром на лице его часто видели вздувшиеся рубцы от ударов, под глазами — черные круги и синяки.

Нельзя не признать, что такой послушник не создавал в монастыре особенного комфорта! Как только он принёс обеты, отцы-настоятели тут же отослали его, для поправки здоровья, на родину.

ший ежедневно многие часы в исповедальне, а также обладавший дарами ясновидения и пророчества.

Начиная с этого момента, мы знаем кое-какие подробности от пьетрельчинского декана дона Сальваторе, бывшего *par interim** исповедником фра Пио, тогда как его духовник, падре Агостино, жил в каком-то монастыре — каком именно, выяснить не удалось, ибо по причине исключительности своего «случая», юный послушник часто менял место жительства — его перевели сперва в Пьянизи, затем в Морконе-Венафро, в Серра-Каприолу, в Монте-Фуско.

10 мая 1910 г. он был рукоположен в сан священника в Беневентском соборе. Сбылась мечта всей его жизни, и его глубоко верующая семья разделяла с ним его радость. Власти ордена оставляли его по-прежнему в Пьетрельчине — только ли по причине здоровья? Впоследствии падре Пио упомянул в туманных выражениях о жесточайших испытаниях, относящихся к тому времени.

Во всяком случае, его земляки предпочли бы видеть его не таким святым. В один прекрасный день они обратились к декану с жалобой: «Месса падре Пио, — говорили они, — бесконечная... Мы бы с радостью выполняли свой долг перед Церковью и ходили бы к мессе даже в будни, но времени мало, полевые работы ждать не будут...» Дон Сальваторе решил проверить всё сам и увидел, что молодой священник в самом деле теряет у алтаря чувство времени. Восхищенный

*Временно (лат.).

Господом, он никак не переходил к *Memento* и благодарению, в то время как добрые люди дрожали от нетерпения. Как быть? Декану пришла в голову светлая мысль:

«Будь начеку, Пьюччо! Именем святого послушания я буду мысленно напоминать тебе, когда надо продолжать!» Прием удался вполне. Как только дон Сальваторе, присутствовавший на мессе, замечал, что восторги падре Пио слишком уж затянулись, он «приказывал ему продолжать», и молодой священник тут же повиновался.

Зато потом он наверстывал упущенное. Укрывшись за главным алтарём, часами он пребывал там в состоянии глубокой сосредоточенности. Зачастую его запирали в церкви — он этого даже не замечал! Однажды ризничий в ужасе бросился к декану: «*Signor Arciprete*, идите скорее, падре Пио умер!» В самом деле, дон Сальваторе нашел его неподвижно лежащим на каменных плитах — душа его витала где-то далеко. Когда его призвали к порядку именем святого послушания, он встал и открыл глаза...

Декан счел за благо дать ему ключ от церкви, и с тех пор после мессы никто не видел и не слышал падре Пио. Мы и сегодня не знали бы ничего об этих состояниях глубокого сосредоточения, если бы о них не проговорился этот добрый малый, ризничий!

Будучи исповедником такого необычайного человека, дон Сальваторе решил на всякий случай принять меры предосторожности — для собственного водительства и для блага самого падре Пио он попросил его приносить ему письма от его духовника, причем сразу по получении, до прочтения.

Послушный, как ребёнок, священник повиновался. Однажды, вскрыв одно из писем, дон Сальваторе обнаружил в конверте лишь чистый лист бумаги.

— Падре Агостино, должно быть, ошибся. Потребуйте у него письмо!

— Нет, он не ошибся, — спокойно ответил падре Пио, — это *quei brutti signori* (те злые господа) подшутили надо мной.

— Ты что же, знаешь, что было в письме?

— Да, знаю.

Пункт за пунктом он изложил всё, что написал ему наставник. Декан подумал, что это уже чересчур, и немедленно навел справки у падре Агостино. Каково же было его изумление, когда он узнал, что падре Пио ни в чем не ошибся! Он-то и предал огласке всю эту историю. К сожалению, мы не знаем, о чём говорилось в этом знаменитом письме. Другой случай наделал ещё больше шума. Вскрыв письмо, дон Сальваторе увидел вместо текста огромную кляксу «в виде воронки». Охваченный благородным негодованием, декан схватил кропильницу и обильно окропил замаранную чернилами

ми бумагу. Клякса тут же исчезла, к великому изумлению его племянницы, случившейся при этом и тут же рассказавшей обо всем пьетрельчинским кумушкам.

Дон Сальваторе, быть может, сам ничего бы и не сказал, но когда эти необычные факты были преданы огласке, он воздержался от каких-либо опровержений.

И тем не менее бедный падре Пио делал всё, что мог, чтобы уберечься от любопытных. Как настоящий сын святого Франциска, он сам себе соорудил за родительской усадьбой убежище, достойное отшельника, покрыл его соломой и проводил там самое жаркое время дня, размышляя в тишине о Божиих делах. Его мать была посвящена в эту его тайну и звала его только к обеду (кстати, он никогда не засиживался за едой). И вот однажды — это было 20 сентября 1915 г. — донна Джузеппина прошла через виноградник и крикнула: «Падре Пио! Падре Пио!»

Её сын тут же вышел из хибары, ожесточенно тряся кистями рук, как обожженными.

Веселая от природы, донна Джузеппа засмеялась:

— Что с тобой, падре Пио? Ты что, на гитаре играешь?

— Ничего, мама. Болит немножко.

Донна Джузеппа не стала приставать. На ферме есть дела и поважнее, чем всякие там болячки!

Так падре Пио получил невидимые стигматы.

Боль была такова, что декан, узнав обо всём, счел за лучшее освободить его от служения мессы.

Но падре Пио был не согласен. От мессы он ни за что бы не отказался! Он только согласился с деканом насчёт предосторожностей и стал служить мессу в старой, полуразвалившейся церквушке, посвященной — как будто случайно! — святому мученику Пию.

ГЛАВА VI

Падре Пио призван в армию. Дневальный, мальчик на побегушках и козёл отпущения. Военная служба. Господь дал их ему не как украшение! Душераздирающие признания. Отпуск для поправки здоровья. Рядовой Франческо Форджоне считается дезертиром. Бригадир карабинеров в отчаянии. «Усилить поиски». Кви-про-кво, посланное самим Провидением. Падре Пио ждёт распоряжений.

Не пора ли тебе пустить корни в каком-нибудь монастыре, падре Пио?

Так нет же! Пути Господни неисповедимы — Бог решил по-другому. Началась война. Падре Пио призывали в армию — что доказывает, что он не страдал каким-либо физическим недугом! И вот он меняет монашескую рясу на солдатскую форму, в которую можно было бы завернуть два таких изможденных тела, как его. Очевидцы говорят, что выглядела она на нем довольно-таки нелепо и неуклюже. Ещё бы, с непри-

вычки! Его командиры, заметив его полную наивность и неприспособленность, но также и кротость и крайнее смирение, назначали его на самые неблагоприятные и непрестижные работы. Он был постоянным дневальным, подметальщиком, мальчиком на побегушках... и козлом отпущения.

Но не это было ему в тягость. Не было таких тягот, которые не показались бы ему сладкими из любви к Господу распятому. Но скученность, жизнь скопом в казарме, непристойности, распущенность его сотоварищей (это была тыловая часть; на фронте, когда тень смерти падает на лица, они светлеют и приобретают торжественный оттенок), щеголяющих своим разгулом, речь, расцвеченная грубыми словечками, божбой, проклятьями и богохульствами, вся эта мрачная сторона военной службы, особенно в резервных войсках, причиняла ему жестокие страдания. Можно ли себе представить более грубый переход, чем это погружение из францисканского рая прямо в ад, в пучину мерзостей, о которых он едва подозревал, а может, и вовсе ничего не знал?

Но Бог лучше знает, что к чему, и пути Его неисповедимы и спасительны. Всецело предоставленный на волю грешников, падре Пио должен был узнать — не из книг, а наблюдая его вблизи, выставленным напоказ в своём уродстве и бросающим вызов бесконечной справедливости Божией, — что такое грех.

Он не только узнаёт, что такое грех. Он учится любить грешников. Его взгляд, обостренный благодатью, различает сквозь эту грязь, обезображивающую их до неузнаваемости, черты бессмертных душ — связанных по рукам и ногам, но дочерей Божьих. В огне испытаний из этого созерцателя постепенно выковывается апостол.

Нам ничего не известно о его пребывании в госпитале Святой Троицы в Неаполе, куда он впоследствии был назначен для выполнения самых черных работ — самых омерзительных, требующих максимального смирения. Несомненно, там он испытал великую жалость к больным и раненым человеческим телам. Каждый день преподносил ему страшные уроки. Это страдание, неотвратимое, захлестнувшее всё и вся, — как с ним бороться? Как направить его к искупительному Кресту? Молчаливый, незаметный, нескладный и несуразный, утонувший в своей неуклюжей солдатской робе солдат Фраческо Форджоне справляется, как может, со своими обязанностями и служит удобной мишенью для насмешек своих товарищей, не знающих жалости к недотёпам: кто же заподозрит, что любое движение его таинственным образом продырявленных кистей причиняет ему нестерпимую боль? Если уж мать любила поддразнивать его: «Ты что, бабочек ловишь, падре Пио?» — то его сотоварищи, наверное, просто животики надрывали...

Когда однажды кто-то восхитится его стигматами, падре Пио обрежет его, со своей обычной резкостью:

— *Credete forse che il Signore abbia voluto darmi una decorazione?* (Вы думаете, Господь захотел дать их мне как украшение?)

В этом остроумном выпаде можно услышать отголосок жестоких унижений времен казармы.

Чтобы в один прекрасный день возвысить его, Богу надо было сперва его унижить. Во всех его письмах того времени на каждом шагу встречаются душераздирающие признания в собственной «низости», «крайнем падении». Жизнь ему в тягость. Подобно Апостолу, на которого он ссылается, цитируя знаменитое послание к Филиппийцам (которое он ошибочно относит к Ефесянам), его «влечет и то и другое»:

«Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас...» (Флп 1,23-24).

Раздираемый этим жестоким противоречием, известным только святым, он сначала склоняется к первому решению и умоляет своих корреспондентов «не молиться о том, чтобы Бог сохранил мне жизнь».

Ибо, пишет он, комментируя Апостола, невозможно представить себе, какие страдания испытывают некоторые души из-за своей прикованности к этой земле изгнания. «Мы и представить себе не можем, чего им стоит удовлетворение элементарнейших потреб-

ностей этой жизни — есть, пить, спать. Если бы Бог, в своей бесконечной милости, не приходил им на помощь, каким-то чудом лишая их внимания, которое могло бы завладеть ими целиком при совершении мельчайшего из этих действий, все-таки неизбежных, — страдания их были бы столь жестокими, что я мог бы сравнить их лишь с тем, что испытывали сжигаемые заживо мученики, в зверских (*sic, brutalemente*) мучениях отдававших свою жизнь за Христа в знак своей веры».

О каких испытаниях говорит этот текст? Разумеется, солдату Форджоне нелегко уклоняться ни от общего «котла», ни от общей спальни! Он годами почти не ест и не спит. И вот Господь, создавший это исключение, приговаривает его к жизни в казарме! Ну не мученик ли он? Он настаивает:

«Вы, может быть, думаете, дорогая Рафаэлина, что я просто преувеличиваю, но я знаю, что говорю! Желал бы я, чтобы все, кто мне не верит, испытали это на собственном опыте...

Вы и теперь остаетесь безразличной? По-прежнему не молитесь Отца Небесного о том, чтобы я ушел?»

Куда? На небеса, конечно! Его корреспондентке давно уже знакомы эти пылкие мольбы. Разве в предыдущем письме он не написал ей, что с её стороны «жестоко» не молиться о том, «чтобы Супруг всех душ разбил цепи, приковывающие его к своему телу»? Её

отказ «пронзил его тело, подобно мечу, увеличив его агонию».

«Почему отказываете вы мне в этой милости? Значит, мне одному молиться об этом? Во имя чрева Мадонны, постарайтесь впредь молиться, иначе вы убьёте меня!»

Его благочестивая confidentка не только глуха к его пылким мольбам, но и продолжает молиться за его здоровье. Бедный падре Пио — в данный момент пехотинец Франческо Форджоне — приходит в отчаяние, его просьбы становятся более робкими и смиренными: если *Suor* Рафаэлина не хочет молиться о том, чтобы Бог призвал его на небо, пусть она хотя бы перестанет молиться за спасение его жизни! Падре Пио, должно быть, высокого мнения о добродетели своей корреспондентки, ибо серьёзно беспокоится о том, что её молитвы нейтрализуют действие его собственных. Он прибегает ко всевозможным аргументам, чтобы убедить её, даже обвиняет её в «низких, эгоистических чувствах» и излагает ей всё новые резоны:

«Если бы я хотя бы знал, что, оставаясь на земле, я для чего-нибудь нужен, я бы ещё смирился с тем, что надо нести груз этой жизни! Но я опасаюсь, — и опасения мои вполне обоснованы, — что я нисколько не выполняю обязанностей священника»... (вполне обоснованные опасения!) «и бесплодной останется благодать,

дарованная мне рукоположением в день моего посвящения в сан».

Дойдя до предела испытаний, блуждая во мраке, умирая медленной смертью потому, что смерть не идёт к нему, бедный падре Пио отнюдь не отказывается всей душой положиться на волю Божию. Вот какого душевного склада этот человек:

«Как сын, нежно привязанный к отцу, охотно переносит все унижения и выполняет даже самые унижительные поручения, которыми удостоит его отец, и не просто из послушания, а чтобы угождать ему во всем, даже в мелочах...»

Фраза не окончена. Завершим: «Так и я принимаю всё». Однако падре Пио настаивает на своём, ибо продолжает:

«Однако этот примерный сын, принимающий все испытания из любви к отцу, тем не менее чувствует всю тяжесть своих жертв!»

Пусть так! Каким простым и человечным предстаёт он перед нами в этих бедных письмах, исполненных рыданий! Как восхитительны его парадоксы! Не нужно быть большим психологом, чтобы увидеть в этой юношеской переписке — единственной, дошедшей до нас — чудесного равновесия природы и благодати. Конечно, падре Пио не стал бы изображать из себя ангела — и в нем нет ничего и от фанатика.

Всякий мистик или просто человек, способный глубоко чувствовать, с отрадой прочтет эти страницы.

Однако «божественный палач» сжалился над своей жертвой. Освобождение пришло в виде болезни — он получил отпуск для поправки здоровья, который провел сперва в Фодже, затем в Пьетрельчине. Вернувшись в Неаполь, он снова заболел (именно тогда стали лопаться термометры, к изумлению госпитальных врачей) и получил новый отпуск на полгода. На этот раз орденское начальство послало его в Сан-Джованни-Ротондо.

Срок отпуска истек, но Франческо Форджоне в часть не явился. Теперь он числился дезертиром. Бригадир пьетрельчинских карабинеров получил приказ — срочно разыскать человека по имени Франческо Форджоне и отправить его под конвоем в Неаполь.

Местный маршал (титул, который носит в Италии этот полицейский чин) обошел с этой бумагой весь городок, но где находится человек по имени Франческо Форджоне, солдат королевской пехоты и дезертир, никому не было известно. Падре Пио в городке все хорошо знали, но после того, как он, совсем ещё молодым, поступил к капуцинам, никто не помнил, какое имя и какую фамилию он носил в миру. Может, маршал не так уж и старался — во всяком случае, поиски не дали результата. Спустя какое-то время он сообщил в неаполитанскую комендатуру, что несмотря на все свои

усилия, нигде не обнаружил никаких следов человека по имени Франческо Форджоне.

Шли дни. Маршал уже думал, что навсегда покончил с этим неприятным делом, как вдруг он получил новый приказ: «Усилить розыски!» Он проворчал что-то нелестное по адресу своих корреспондентов и начал новый обход, который не дал бы никаких результатов, не наткнись он случайно на замужнюю сестру падре Пио.

— Донна Феличия, — сказал он, доставая из кармана свою бумагу, — вы, случайно, не знаете человека по имени Франческо Форджоне?

— Конечно, знаю, — ответила донна Феличия, — это мой брат!

— Как ваш брат! Так это падре Пио? — вскричал бедный маршал, совершенно растерявшись. Ибо он, естественно, знал юного капуцина, но никак не отождествлял его с беглым изменником, которого ему было приказано искать.

Узнав его местопребывание, он тут же написал в Сан-Джованни-Ротондо и попросил своего коллегу срочно отправить в Неаполь рядового Франческо Форджоне. Однако, по воле providения, он забыл указать, какое имя носил этот рядовой в монашестве. В результате он получил, добрых две недели спустя (на юге никогда не торопятся), составленный с надлежащей ви-

тиватостью ответ: что человек по имени Франческо Форджоне в Сан-Джованни-Ротондо неизвестен.

— Как неизвестен, — вскипел пьетрельчинский бригадир, — когда его собственная сестра мне сказала!

Снова розыски, опросы и запросы — никакого результата. В Сан-Джованни-Ротондо никто не знал никаких Форджоне!

Неаполитанская комендатура начинала уже терять терпение. Карабинеры получили строгий выговор. Они не знали, что придумать: дезертир Франческо Форджоне был неуловим.

Наконец, в один прекрасный день бригадир карабинеров Сан-Джованни-Ротондо позвонил в дверь монастыря капуцинов и поделился своей бедой с братом-привратником.

— Как, вы ищете Франческо Форджоне? Он у нас! Это падре Пио.

Бригадир чуть не упал. Падре Пио? *Per Vaccho!* В этих краях все его очень уважали. Падре Пио — дезертир! Однако делать было нечего, приказ был недвусмысленный, и неисполнение его грозило карами. Сообщили обо всем падре Пио, и он тут же отправился на станцию.

Прибыв в Неаполь, он явился к своему капитану. Тот грозно нахмурил брови:

— Рядовой Форджоне, вы знаете, что вы считаетесь дезертиром?

Падре Пио нисколько не смутился:

— Да нет же, мой капитан! Я не дезертир. Вот моё отпускное свидетельство. Читайте: «Отпускается на шесть месяцев, в дальнейшем — ждать особых распоряжений». Я выполнял приказ! Я ждал... Распоряжения дошли до меня только вчера, и я сразу же выехал...

Капитан вытаращил глаза. Этот человек совершенно прав! Подумать только, что все эти бедняги чуть не целый год портили себе кровь из-за него! Переписка о нем составила под конец внушительный том...

— Хорошо, хорошо, — проворчал он, — можете идти.

Рядовой Франческо Форджоне с невинным видом оставил помещение. Если его ангел-хранитель развлекался, по таинственным и неисповедимым причинам затягивая это «кто есть кто», он тут ни при чем: он выполнял приказ!

«А чтобы воевать, — думал он, — у меня есть оружие получше, чем то, с которым они пытаются научить меня обращаться».

У святого кюре из Арса военное прошлое было не таким безупречным, как у падре Пио да Пьетрельчина!

ГЛАВА VII

Дзи'Орацио едет в Неаполь. Падре Пио уволен из армии по болезни. Послушание в Сан-Джованни-Ротондо. Падре Пио меняет военную форму на монашескую рясу. 20 сентября 1918 г. «Занимайтесь своими делами». Отец-настоятель пишет отцу-провинциалу. Новость получает огласку. Обратная сторона некоторых благодатей. Падре Пио по его письмам. «Уныние — большее зло, чем само зло». «Самое худшее оскорбление, которое мы могли бы нанести Богу — это усомниться в Нем».

Спустя много лет старый Дзи'Орацио охотно рассказывал, как он совершил экспедицию в Неаполь с корзинкой провизии, которую послала рядовому Франческо Форджоне переживавшая за него мама. Кажется, падре Пио просил в основном творогу и винограду. Они позавтракали вместе у своей землячки, доньи Каролины, на виа Ретифило, затем отец стал прощаться и заплакал.

— Не плачь, — сказал падре Пио, — вот увидишь, я недолго пробуду под ружьем!

Возвратившись в Пьетрельчину, Дзи'Орацио петушился: "У падре Пио все в порядке. Ни дать, ни взять — старый солдат» Донна Джузеппа украдкой смахивала слезу. Маму не так-то просто обмануть!

И в самом деле, не прошло и десяти дней, как падре Пио написал родителям, что он болен и находится в госпитале. И приписал: «Только не надо приезжать, свидания здесь разрешены не больше, чем на четверть часа. Скоро я вернусь домой».

Потом об этом говорили, как о пророчестве, но тогда это ему подсказал просто здравый смысл. Неаполитанские медики нашли, что падре Пио настолько плох здоровьем, что дали ему сперва бессрочный отпуск по болезни, а вскоре он был уволен вчистую с «военной пенсией по пятому разряду».

Биографы падре Пио способствовали упрочению легенды о том, что он окончательно поселился в Сан-Джованни-Ротондо в 1916 г.

Между тем, имеющаяся у нас переписка обязывает нас уточнить эту дату. Письмо, написанное в неаполитанской *Prima Clinica Medica*, датировано 8 марта 1918 г. Следовательно, в марте этого года он ещё был военнослужащим. 5 мая 1918 г. он находился в Сан-Марко-Лакатола. Значит, он был демобилизован уже после 5 мая. Кроме того, нам известно, что он сперва поехал

в Пьетрельчину. Там он настоял на том, чтобы отослать обратно свою военную форму, к великому неудовольствию Дзи'Орацио, считавшего, что ей и дома найдется применение.

— Нет, отец, — сказал падре Пио, — она принадлежит не мне, а правительству.

Он не хотел даже брать свою пенсию, ибо, говорил он, «я её не заслужил». Уже потом, по приказанию настоятеля, он согласился расписываться на квитанциях.

После очень недолгого пребывания в Пьетрельчине он был направлен на послушание в Фоджу. Долго он там не задержался. Соседи его вскоре начали жаловаться на «странный шум, доносящийся из его кельи, мешавший им спать по ночам». Падре Пио молчал. О причине этих странных погромов не знал никто, кроме монастырского начальства, и оно сочло за лучшее удалить его в какой-нибудь уединенный монастырь с более подходящим климатом для скорейшей поправки здоровья. Мы можем с уверенностью утверждать только то, что 20 сентября 1918 г. он был уже в Сан-Джованни-Ротондо.

В начале марта он ещё был в Сан-Марко-Лакатола, значит, события, о которых мы только что рассказали, заняли не более пяти месяцев. Нам кажется, это очень важно, чтобы понять историю души падре Пио. В памятный день праздника стигматов святого Францис-

ка, его покровителя, мы видим в Сан-Джованни-Ротондо не монаха, прошедшего месяцы или годы в высоком созерцании, а вчерашнего солдата, только что сменившего военную форму на монашескую рясу. Воистину, Господь опрокидывает наши представления о времени и месте!

Возбуждённое воображение верующих разукрасило своими красками это событие, раз и навсегда вырвавшее его из дорогого его сердцу одиночества. Если бы Господь спросил его мнения, безусловно, этот молодой монах умолял бы его и впредь ревностно хранить то, что он называл «тайной своего Царя» — тайну его невидимых стигматов.

Но Бог, по своему обыкновению, не посчитался с желаниями своего создания и поступил так, как счел нужным, для вящего торжества Своей любви. Ибо Бог знает, из какого теста мы созданы — разве не Он создатель? — и как падки на знамения и видимые проявления. Знаменитому ловцу человеков, которым должен стать падре Пио, тоже нужна «реклама». Недостаточно, чтобы его сердце было объято любовью к своему Распятому Господу. Надо, чтобы эта любовь расцвела на его плоти видимыми ранами. Вот приманка, падре Пио, вот божественный крючок, они привлекут к вам бесчисленные толпы верующих, сбегających отовсюду. Узник исповедальни, ты ждешь, когда дрогнет поплавок. Для чего они приходят сюда — не так

уж и важно. Главное — они приходят и принимают омовение в божественной крови, смывающее с них всю грязь.

Все мы — как те тосканские ослики, упрямые и недоверчивые — чтобы они шли, у них перед носом держат пучок душистой травы. Так и харизмы — без них мы не хотим идти. У падре Пио есть для осаждающих его любопытных и для проталкивающихся к нему несчастных кое-что получше, чем зрелище его пронзенных кистей и ступней. Но не забудем, что если они пришли туда, в такую глушь (ведь Сан-Джованни-Ротондо — это глушь), то именно ради его ступней и кистей. Они проглотили крючок. Они попались. Через падре Пио их вернул Себе Христос.

Все произошло очень просто и может быть рассказано в немногих словах.

Падре Пио — на своём месте, на хорах, в третьем — последнем — ряду. Справа от него — окно. Перед ним — большое изображение Христа, вырезанное из кипариса (который, говорят мне, никогда не точат черви). Он не один. Падре Арканджело тоже задержался.

Звонят. Пора идти. Они идут к выходу. Падре Арканджело видит, что кисти падре Пио кровоточат.

— Вы поранились? — простодушно спрашивает он.

— *Vedete ai affari vostri*, — резко отвечает падре Пио, — занимайтесь своими делами!

Что означает: «Не ваше дело!»

Неверными шагами он идёт, чтобы явиться перед отцом-настоятелем; тот потрясен. Такие раны не скроешь! Кроме стигматов на руках и на ступнях, у падре Пио была глубокая рана на правом боку, кровь из неё так и лилась. Белье и чулки были все в крови. И удивительно, что кровь эта не свертывалась и издавала приятный запах...

Отец-настоятель взялся за перо и написал рапорт отцу-провинциалу.

Но думать, что суровые монастырские стены — абсолютно надежное хранилище для такой тайны — значит совсем не знать бедную природу человека! Тут же поползли слухи. К монастырю устремились толпы. «*Padre Pio è un santo, un santo!*» («Падре Пио святой, святой!»)

Он продолжал исповедовать в церкви. Вскоре наплыв верующих сделался таким, что для поддержания порядка пришлось вызывать карабинеров. Пришедшие издалека люди устроили целый лагерь вокруг монастыря и ждали своей очереди, пока другие давили друг друга у исповедадьни. Все хотели увидеть его, побывать на его мессе. Со всех сторон его дергали и толкали; измотанный падре Пио, пожираемый тысячью взглядов, как какой-нибудь диковинный зверь, вступал в эту жизнь мученика, которую он с тех пор и вел,

не переставая. Воистину, стигматы даны ему не просто как украшение!

Отец-провинциал был взволнован и не знал, что делать. Наконец, все это ему изрядно надоело, он потребовал подлинных фотографий этих таинственных ран и, приложив их к своему докладу, направил их в Святейшую Канцелярию. В ответ ему было приказано подвергнуть падре Пио тщательному осмотру компетентных врачей и уберечь от любопытства верующих вплоть до окончательного медицинского заключения.

Падре Пио молчал и повиновался, как ребёнок. И вот он во власти эскулапов, а они не так-то легко расстаются с добычей. Пока все эти доктора спорят и пререкаются о его кистях, обратимся к более удивительной теме: попробуем разглядеть его душу.

Ибо такие внешние явления, как стигматы, всецело зависят от внутренней жизни души, ещё менее доступной для нас и контролируемой нами, чем жизнь физическая. Поэтому не будем питать больших иллюзий о том, насколько глубоко мы сможем прозондировать его душу. Все, чем мы располагаем для того, чтобы хоть как-то прояснить эту царственную тайну, — это всего-навсего несколько писем, написанных рукой падре Пио с 1914 по 1922 г., и слова, которые удалось зафиксировать его горячим поклонникам. Если учесть, что человеческая память ненадежна, а легковёрный

энтузиазм почти всегда искажает то, что было сказано на самом деле, мы можем считать надежным источником только переписку падре Пио. Итак, перед нами весьма скромная, четко ограниченная задача: с помощью избранных мест из его собственных писем мы попытаемся восстановить — очень приблизительно — его духовный путь. Что для нас важно подчеркнуть в этой связи, так это нашу заботу о методологии. Нам кажется, что многих тупиков удалось бы избежать, если бы тех, кого Господь отметил такими зримыми харизмами, как стигматы, изучали не «специализированно» и фрагментарно, рассекая на части, как трупы, а в живом и неделимом единстве. Исключительное освещение изолированных феноменов может привести к шедеврам абстракции: сердцевина же души ускользает от любых скальпелей и хранит свою загадку.

Очевидно, что любое исследование живого существа, пусть даже протозойского, ставит нас в тупик перед тайной по имени «жизнь». Между тем ученые не любят сталкиваться с «тайнами». Крайняя специализация избавляет и защищает их от тайн. Однако вещь не перестает существовать оттого, что вы повернулись к ней спиной! Наделенный стигматами падре Пио — не только задача для психиатров или докторов моральной теологии, но и живой человек, а значит — тайна, в своей целостности и единстве ускользающая от любого скальпеля, не поддающаяся расчленению. Поостере-

жёмся её объяснять или требовать объяснения от него самого, как этот бравый доктор Р., вообразивший, что поступает очень хитро, задавая ему коварный вопрос:

— Акажите-ка, падре Пио, почему у вас эти повреждения именно здесь, а не где-нибудь в другом месте?

— Это скорее вы должны мне объяснить, доктор: почему они должны быть в другом месте, а не здесь?

Как видим (в этом мы неоднократно будем убеждаться), ни находчивости, ни чувства юмора падре Пио не занимать. Итак, пусть его телом занимаются специалисты, а мы слушаем его душу.

В 1914 г., в двадцать семь лет, он уже оказывает духовное влияние на других. Едва четыре года, как он священник, а влияет он не на каких-нибудь простых и набожных людей, а на самую элиту. Темперамент у него пылкий, он не признает ни колебаний, ни компромиссов, и ведёт свою паству с тем святым рвением, с каким пастушеские овчарки ведут стадо к хозяину, показывая, если надо, клыки. Послушаем его:

«Мир, милосердие и милость Божия да будут с вами всегда — и со всеми, кто искренне верует в Господа Иисуса! Аминь.

Я уже писал вам некоторое время назад, но до сих пор не получил ответа. Как вы живёте? Зная ваше

прилежание и вашу чрезвычайную вежливость, я не могу не беспокоиться о вашем молчании.

Хочу надеяться, что бесконечное Милосердие Божие вскоре пошлёт мне милость узнать, что вы не писали мне лишь по причине ваших занятий и что они являются единственной причиной, по которой вы забыли того, что неустанно молится о вас и воздаёт хвалу Отцу нашему небесному. Итак, я с нетерпением жду ваших писем, чтобы получить подробные сведения о всей вашей семье, особенно о том, что касается дорогой Джорвины, чьим молитвам я себя препоручаю, равно как молитвам Розины и вашим.

Меня заверили, что вам теперь лучше; не скрою, что это обрадовало меня, но не имея от вас по-прежнему никаких новостей, я очень беспокоился и боялся, чтобы на этот раз меня не обманули...

Боюсь, как бы ваше долгое молчание не оказалось ловушкой врага нашего! Остерегайтесь его ловушек, не слушайте его никогда. И не сочтите за навязчивость, если я проявляю столько беспокойства о вас и так пекусь о вашем спасении. Вспомните, что я обручил вас со Христом. Вот почему я так ревностно оберегаю вас от ловушек, которые могут расставить вам другие! Ради любви небесной, вспомните, что я связал себя строгим обязательством всегда заботиться о вас, что я перед своей совестью обязан оберегать вас от всякого зачумленного дыхания, чтобы когда-нибудь

вручить вас, как непорочнейшую деву, Божественному Супругу, Который потребует вас у меня. Горе мне, если я не исполню этого долга! Заклинаю вас добросердечием Иисуса и чревом Мадонны — никогда не охлаждайте на пути добра и никогда не пренебрегайте моими советами. Ради любви к Богу, пусть не пропадёт бесплодно благодать Господа нашего, обильно дарованная вам через святые таинства. Будьте всегда бдительны и благоразумны: старайтесь неустанно продвигаться в целомудрии; с великой верой распахните своё сердце, чтобы принять дары, которые Святой Дух так охотно даёт вам. Вот, пришло время сеять: если мы хотим собрать урожай, нам нужно не столько заботиться о том, чтобы много сеять, сколько о том, чтобы семя падало на хорошую почву. Посеяли мы уже много, но если мы хотим порадоваться урожаю, этого мало. Будем же бросать и бросать хорошие семена, пусть нас ничто не остановит, и когда это семя прорастет в тепле и станет колосом, будем неустанно заботиться, чтобы его не загнушили плевелы!»

Перед нами целая программа духовной жизни, набросанная рукой мастера. Юный монах не только говорит от избытка сердца, но умеет применять свои взгляды к конкретным случаям, о которых судит с удивительной проницательностью. Дар распознавания душ, тончайшая интуиция, такт, чувство ответственности и этот оттенок святой нежности, чувствующий-

ся в каждой строке — вот те качества духовного наставника, благодаря которым падре Пио будет так мощно влиять на души. Уже в первых своих письмах он показал себя замечательным наставником.

Из этих конкретных случаев вырисовываются основные линии, фундаментальные принципы, характеризующие духовность падре Пио. Попробуем вкратце их перечислить, иллюстрируя цитатами.

Вместе со своим отцом и основоположником, Франциском Ассизским, он сводит все вещи этого мира к Милосердной Любви, «рычагу, основе и ключу свода совершенства». Ибо «Бог есть любовь, и кто живёт в любви — живёт в Боге». И наоборот, «проявить недостаток милосердия — значит ранить Бога в зеницу ока». И, как будто это сравнение недостаточно сильно, падре Пио добавляет: «Недостаток милосердия — грех против природы».

Итак, любовь должна проявлять себя. Как? Верой в того, кого любишь. Чем больше любишь, тем больше веришь. Бог, наша главная любовь, испытывает нас, чтобы позволить нам доказать свою любовь.

«Самый прекрасный акт веры срывается у нас с губ в ночи, в приношении жертвы, в страдании, в возвышенном и несгибаемом стремлении к благу; как молния, раздирает он потёмки твоей души и несёт тебя сквозь бурю к самому сердцу Бога твоего».

Ибо в самой сильной муке «ваша душа покоится на руках Божественного Супруга вашего, как дитя на руках матери; не бойтесь же, спите спокойно, с твердой верой, что Господь приведет вас к тому, что для вас лучше всего». И он добавляет: «Не думайте, что я говорю вам это просто так или что я хочу скрыть от вас суровую правду: нет, нет, это и есть самая строгая правда».

Поэтому если «Иисус проявляет Себя, скажите Ему спасибо; если же Он скрывается, опять же скажите спасибо». «Все есть игра любви» — *Tutto è scherzo d'amore*.

Так вот, строже всего Бог обращается со Своими друзьями. Именно от них Он скрывается. И именно им является во мраке и молниях Синай.

«И вот ты — в неопалимой купине. Она пылает, всё вокруг застилают грозовые тучи, твой разум уже ничего не видит и не понимает. Но Бог говорит, явившись душе, которая слушает, слышит, любит и трепещет».

Вместе со всеми великими мистиками, верными традиции св. Павла и Св. Писания, падре Пио считает, что человек состоит из трех частей: тела, души и духа. До тех пор, пока дух склоняет главу пред волей Божией, ничто не потеряно — наоборот, все получено.

«Стремление к любви — уже любовь. А кто вложил это желание в твою душу? Можем ли мы выработать у себя хоть малейшее святое желание без помощи благо-

дати? Сам Бог присутствует там, где есть желание любить Его».

Итак: «Пусть весь мир провалится в тартарары, пусть все погрузится во мрак — что тебе до того! Среди громов и туч Господь с тобою.

Если Он живёт во мраке горы Синая, среди молний, туч и громов, не будем ли мы довольны пребыванием близ Него? Другими словами: предпочтём ли мы его дары самому Возлюбленному?»

«Ибо, — настойчиво продолжает падре Пио, — Бог столь непостижим, столь недоступен, что чем глубже душа проникает в глубины Его любви, тем меньше чувствуем мы эту любовь — пока нам не покажется, что мы уже не любим... Верьте мне: чем больше душа любит Бога, тем меньше она это чувствует».

Не забудем, что падре Пио обращается к испытанным душам, он знает их божественную боль и лечит их с тем искусством, которое достигается опытом.

Тем не менее, большинство его поучений пригодно для всех христиан, слишком легко впадающих в тоску, беспокойство и недоверие, «эти язвы души». Его руководство — именно то, что надо, чтобы приободрить и умиротворить душу. Он знает болезнь нашего времени и неустанно лечит её:

«Уныние — большее зло, чем само зло. Идите в простоте по пути Господа и не мучьте ваш дух! К недостаткам вашим испытывайте святое и смиренное не-

приятие, а не ту надоедливую и беспокойную ненависть, которая лишь питает их! Вспомните, дочери мои, что я враг бесполезных желаний не меньше, чем желаний дурных и вредных». Главное — это то, чего хочет для нас Бог. «Если Он желает говорить с нами, как с Моисеем, в молниях и в туче неопалимой купины, не будем настаивать, чтобы Он говорил нами в свежем и нежном дыхании ветерка, как с Илией».

Поэтому вместо того, чтобы «философствовать» о своих недостатках, «оставайтесь в той ладье, в которую я вас поместил», во имя святого послушания. «Пусть буря злится. Да здравствует Иисус! Вы не погибнете. Он спит, но в нужный момент Он проснётся, чтобы вернуть вам спокойствие». «Святой Пётр шел бы по волнам, как посуху, если бы не испугался и не усомнился...»

Он настаивает: «Самое худшее оскорбление, которое мы могли бы нанести Богу — это усомниться в Нем».

Следовательно, «отбросим всякие хлопоты и всякое беспокойство по поводу временных духовных невзгод, откуда бы они ни пришли, ибо они мешают свободно действовать Святого Духа. Чем меньше примешано к терпению суеты и тревожений, тем оно совершенней». Не требуйте от Бога отчета, никогда не говорите Ему: почему? Не смотрите даже на дорогу, по которой Он вас ведёт. Вместо этого: «Заклинаю вас сладостью

Иисуса: пусть ваши глаза неотрывно смотрят на Того, Кто вас ведёт, и на небесную родину, куда Он хочет вас привести. Ведёт ли Он вас через пустыню или через поля — какая разница? Главное, чтобы по этому пути — вашему пути — вы пришли бы к единственной цели всех душ, созданных Богом, чтобы стать подобными Его Возлюбленному Сыну и постепенно преобразиться в Него».

Вот тот чисто евангельский идеал, который падре Пио не устает предлагать руководимым им душам. Вот с какими пожеланиями обращается он к ним:

«Да будет Иисус повелителем ваших сердец и да продолжает в них Свой труд вплоть до полного вашего преобразования в Любви.

Все души, возлюбленные Иисусом, должны все более и более уподобляться своему небесному Образцу...

Бог трудится над твоей душой, чтобы она достигла своей дивной цели — завершила своё преобразование в Него».

Итак, любовь — это тот чудесный магнит, который вырывает души из их оцепенения и посредственности, чтобы привлечь к себе: но эта любовь распята, её обретают лишь на Кресте.

Вот почему о ней так мало знают! Мы хотим любви, но отказываемся от страданий. А Иисус распростер нам Свои объятия, но руки Его прибиты гвоздями.

ми. Чтобы обнять Его, надо обнять Его крест. Чтобы обрести Его, надо разделить Его агонию.

Элементарные истины, неприемлемые для нашей апатичности! Оригинальность падре Пио в том, что он пересказал самыми простыми словами то, что раз навсегда сказали святой Павел и святой Апостол Иоанн. Труднодостижимый идеал — может быть; но разве не надо, чтобы души узнали в нём себя, чтобы у того, кто выдвигает такой идеал, была бы такая аудитория? Падре Пио не разбавляет водой вино своего благовестия, и осаждающие его толпы — ещё одно свидетельство того, что душа человеческая — «по природе своей христианка».

«Всякая избранная душа должна стать подобной Иисусу, — пишет он духовному сыну, — так позволь же Ему обращаться с тобой так, как Ему угодно!

всякий, избравший благую часть, должен пройти через все страдания Христа, разделив с ним тоску пустыни, Гефсиманского сада, креста.

Ибо Иисус добровольно согласился на крайнее одиночество. Он захотел испытать невыразимую боль — почувствовать себя покинутым Своим Отцом Небесным».

Поэтому духовные испытания должны не приводить нас в отчаяние, а радовать отпечатком «святого сходства», который они накладывают на нашу душу:

«Да будет всегда Иисус господином твоего сердца, — пишет он одной из своих духовных дочерей, — да благословит Он тебя на это испытание и сделает тебя святой! Ты хлопочешь, моё дорогое дитя, в поисках высшего блага. А на самом деле это благо — в тебе самой и держит тебя распятой на голом кресте, придавая тебе силы выносить эту невыносимую пытку и любить горькой любовью Любовь (*amare amaramente l'Amor*)».

Ибо «единое на потребу: быть со Христом».

Если Он ждёт нас на кресте, отвернемся ли мы от креста?

Если Он назначил нам свидание во мраке, отвергнем ли мы мрак?

«Слушайте меня хорошенько, дорогие дочери: когда родился Иисус, пастухи слышали ангельское пение, говорит нам Писание, но оно не говорит нам, что Святая Дева и святой Иосиф, бывшие рядом с божественным Младенцем, слышали голос Ангелов, видели божественное сияние. Что же они тогда слышали? Плач Новорожденного... Что видели они при жалком свете какого-нибудь несчастного огарка? Глаза Младенца, полные слёз, Его бедное прозрачное тельце. Итак, спрашиваю вас, дорогие дочери: где бы вы хотели остаться — в темном хлеву, где плачет новорожденный, или с пастухами, восхищёнными и ликующими среди сладостных небесных мелодий и в блеске

чудного света? Я знаю ваш ответ! Вы бы сказали, как святой Пётр: «Благо нам остаться здесь». Так вот, уверяю вас, что вы находитесь в пещере Вифлеемской, рядом с Иисусом, дрожащим от холода, или, лучше сказать, рядом с Марией, на Голгофе, и видите там только гвозди, тернии, смерть, смертную муку, потёмки, отверженность. Итак, заклинаю вас любить Ясли и Голгофу Бога нашего Распятого во мраке...»

ГЛАВА VIII

Конфетки падре Пио. «Любовь уходит только для того, чтоб укрепить любовь». Умиротворяющее руководство. На пути чистой любви. Мать с младенцем. Исследование ночей. От избытка сердца пишет падре Пио! Бог производит его в апостольский чин. «Само чистилище сладко, если страдаешь ради любви». Души покупаются только ценой крови. Приоткрывающее истину письмо от 23 сентября 1918 г. Падре Пио учит своих духовных дочерей реверансам.

Один из очень близких друзей падре Пио сказал мне однажды: «Чудеса и преходящие милости Божии — конфетки, которыми падре заманивает души на путь святости, где вас ждёт голый крест, — но и радость превыше всех радостей. Уверю вас, падре Пио не балует своих духовных детей!»

Более того: он их заранее готовит, вооружает против жестоких испытаний.

«Многократными ударами резца и тщательной шлифовкой божественный Художник подготавливает камни, из которых будет построено вечное здание, — пишет он 28 сентября 1915 г., через две недели после получения невидимых стигматов. — Так поётся в гимне, который наша заботливая мать, святая Церковь, воспевает на освящение собора.

Итак, всякую душу, предназначенную к вечной славе, справедливо будет уподобить камню для постройки. Перед тем, как употребить его, Отец Небесный обтесывает и шлифует его ударами зубила и молота. А что такое эти удары? Это помрачения, тревоги, искушения и огорчения духа, а также физические болезни. Так возблагодарите же Отца Небесного, удостаивающего вас в бесконечной милости Своей такого обращения. Да, дорогая сестра, почему нам не восславить Лучшего из отцов за такое любезное обращение? Так откройте же ваше сердце для святого Страдания, уютно устроившись на руках этого нежного Отца; вы — его избранница, ибо Он помогает вам так близко следовать за Иисусом, восходящим на Голгофу».

Падре Пио не только ободряет эти души, прошедшие через испытания, но в святой смелости своей и поздравляет их:

«Поверьте, моя дорогая дочь, если бы я не видел вас в такой скорби, я не был бы так доволен, ибо это

значило бы, что ваш божественный Супруг не так осыпал вас Своими драгоценными дарами».

А когда это бедное дитя жалуется, что её сердце «твёрдое, как камень», падре Пио утешает её:

«Любовь уходит только для того, чтобы укрепить любовь! Иисус не просит невозможного. Скажите Ему: "Ты хочешь, чтобы я любила Тебя больше? Воистину, я не могу! Дай мне больше любви, и я буду любить Тебя больше". Поверьте, дочь моя, Иисус будет доволен. Главное — чтобы Он был доволен. *Contento Lui, contento tutti* — доволен Он, довольны все».

Руководство умиротворяющее, но какое неукоснительное! Железная рука в бархатной перчатке — подобно святому Франциску Сальскому, падре Пио без колебаний увлекает души мёдом своей нежности к головокружительным вершинам высшего самоотречения. Некоторые из его писем, причем из самых ранних, представляют собой просто сжатое изложение основ мистического богословия, тем более драгоценное, что оно продиктовано опытом — это чувствуется в каждой дрожащей строке.

Ибо как бы он смог направлять души через «эти жестокие безводные пустыни», если сам не прошел через них? Как бы он услышал эти сокрушенные души, если бы не узнал на собственном опыте этого «ужасающего контраста» между острым умом и «бесплодным сердцем», между волей, явно восставшей — в «нижней

области души, уязвляемой огорчениями, отвращением и скорбями» — и этим смутным желанием несмотря ни на что любить Бога? «*Poverina* (бедняжка)» несколько не предрасположена «к вещам сверхъестественным». Она блуждает «в глубоком мраке», считая себя «отвергнутой и покинутой Богом».

Следует ли её пожалеть? Да нет же! «*Beata lei* (она блаженна)». Блаженна душа, которую Бог удостоил возвысить до чистой любви! Чтобы понять Его, достаточно, говорит падре, понаблюдать за матерью и её малышом.

Без сомнения, она его нежно любит. Между тем, кормит ли она его грудью всю жизнь? Отнюдь нет! Приходит день, когда она отлучает его от груди. Ребёнок плачет, кричит, жалуется. Мать непреклонна. Ей хорошо известно, что для того, чтобы стать человеком, её малышу нужна более существенная пища.

«Именно так, и ещё лучше, Бог обращается с душами. Сперва Он привлекает их к Себе сладостью и утешением». Но возникает опасность, что бедняжка больше привяжется к дарам, чем к Дарителю! Бог устраняет этот риск, отлучая её от груди, то есть погружая в отчаяние и мрак. «И вот она, одинокая и беспомощная, со всех сторон осаждаемая смертельным страхом, в тревоге спрашивает себя, не вызвано ли её состояние каким-нибудь грехом, который лишил её благодати Божией. Она умножает испытания совести, пере-

бирает все свои мысли и поступки и, не находя ничего, в конце концов приходит к убеждению, что Бог покинул её из-за грехов её прежней жизни. Как она ошибается! То, что кажется ей покинутостью — лишь свидетельство нежнейшей заботы Отца Небесного, возвышающего её до созерцания, сперва сухого и бесплодного, но если она не теряет веры, постепенно становящегося сладким и вкусным».

То есть, Бог отрывает её от ощутимых вкусов для её же блага, но так как «её нёбо ещё не привыкло к более изысканной пище», она не может воздать ей должное и поэтому страдает. Однако без такого очищения чувств душа не смогла бы наслаждаться созерцанием, ибо оно есть «нечто совершенно духовное».

Ночь чувств — это ночь отлучения от груди. Но чтобы достичь полной зрелости, душа должна пройти «через ещё одно испытание, которое называется сном разума». Тогда сам разум очищается от всех препятствий, всех шлаков, мешающих полному расцвету чистейшей Любви.

«Когда Господу будет угодно привести вас в это состояние, ваша душа испытает такую резкую боль, какой вы и представить себе не могли. Вы почувствуете себя окутанной густым мраком, ваш разум испытает жесточайшее отвращение. Именно тогда вы начнете служить Господу и любить Его более чистой любовью, самозабвенно, ради Него одного.

Чем ближе Господь приглашает вас к Себе, тем больше вкладывает Он в вашу душу Своего чистейшего света, который сперва ослепляет её.

Страдания, испытываемые при этой душой, столь жестоки и ужасны, что мы можем уподобить их только тому, что испытывают души в чистилище, более того — осуждённые на вечные муки».

Пока душа не очистилась полностью, свет Господень для неё — ночь и тьма, но «когда она будет готова принять поцелуй совершенного союза любви — этот свет, мучающий и пытающий её, просветит её».

Падре Пио писал эти строки в декабре 1914 г. Он не цитирует тексты, а говорит от избытка сердца. Внимательного читателя не обманет эта кажущаяся объективность стиля. То в одном, то в другом непередаваемом обороте речи чувствуется дрожание неприкрытых эмоций. Молодому капуцину только-только исполнилось 27, а он уже исследует эти ночи!

Этот опыт непередаваем, и он навсегда поставил падре Пио в условия полного одиночества! Ибо как тебя услышат те, кто не знает этого живого огня, сжигающего тебя, не знает, до какой степени все мирское отныне несёт для тебя привкус пепла?

«О, наша бедная жизнь! — пишет он 28 сентября 1916 г. — Если бы наш божественный Супруг мог разорвать завесу, отделяющую нас от Него, и дать нам

наконец ту полноту любви, которой мы так желаем, с такими стонами, с такими слезами!»

Между тем Бог работает над ним. Постепенно созерцатель повышается в чине: становится апостолом. Ностальгия по небу сменяется неутолимым голодом — он изголодался по душам. Ежедневно падре Пио убеждается в том, каково это — быть отцом! Но так хочет Бог. Именно ради этого Бог призвал его и сохраняет ему жизнь. Не более чем через год после только что цитированного письма он внезапно открывает свою душу в советах:

«Порыв к вечному кресту — это хорошо, это святой порыв: но его ещё нужно умерять посредством полного отказа от божественного удовольствия. Исполнять волю Божию на земле — лучше, чем наслаждаться Раем. "Страдать не умирая", — таков был лозунг святой Терезы. Само чистилище сладко, если страдаешь из любви к Богу!»

Примем эти признания буквально. Чтобы сохранять жизнь этому апостолу, нужны, по меньшей мере, целые толпы, осаждающие его и с жадностью пожирающие его — падре Пио отдан «на съедение» толпе, в полном значении этого слова. В тот день, когда он уже не сможет спуститься в свою исповедальню, — хранилище стольких тайн любви и милосердия, — в тот день единым махом разорвется завеса, удерживающая его

на земле, и он упадет наконец на руки своего Бога — счастливой жертвой.

И вот он отдан этим душам и каждый день убеждается в том, какой ничем не выразимой ценой приходится за них платить. Чтобы вырвать их из костей зла и самого лукавого, недостаточно благочестивых разглагольствований: всякое искупление есть кровавая мистерия.

Задолго до того, как Господь отметил его видимым сходством с Распятием, падре Пио бросил на весы справедливости всю кровь своих жил и своего сердца. Стигматы — лишь видимый знак той внутренней искупительной жертвы, которая отдаёт его всего без остатка на служение людям.

«Как могу я забыть тебя, — пишет он одной из своих духовных дочерей, — тебя, ради которой я принёс столько жертв, которую я породил для Бога в тяжёлых муках моего сердца?»

А юноше, вернувшемуся из дальних краев, он пишет: «Я купил тебя ценою моей крови».

«*Filioli quos iterum parturio...*» «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (Гал 4,19). Эти слова святого Апостола Павла навсегда стали путеводными для всех апостолов. Представление о том, что души для Христа можно завоевать, не расплачиваясь собой, — одно из самых коварных заблуждений нашего времени и скрытая

причина стольких неудач в апостольских делах, в остальных отношениях превосходно рассчитанных и «реальных». Кто знает? Может быть, весть, которую несёт нам падре Пио, прежде всего обращена к священникам, пригвождённым ко кресту своего сана с самого дня рукоположения? Для того, чтобы жертва была принята, вовсе не обязательно видимое для всех кровотечение их ступней и кистей, но не выигрывает ли эта элементарная истина от наглядных уроков самой жизни?

Начиная с 1916 г. письма падре Пио всё больше и больше обжигают преисполняющей их любовью. Нет таких жертв, на которые он бы не был готов для духовного блага своих сыновей и дочерей! Жизнь в казарме для него тяжела? Пусть! «Что я могу пожелать вам из этого узилища, в которое я заключён ради вашего освящения? — пишет он из Неаполя 1-го октября 1917 г. — Будьте как пчёлки духовные, собирающие в свои соты чистейший мед и воск...»

И напоминает им, чтобы ещё раз как следует прищипорить, об «отеческой нежности», с которой он ревностно следит за их духовным ростом. «Ваш отец, любящий вас, как собственную душу», — пишет он общине терциариев.

Если обратить внимание на даты, некоторые места из его писем звучат просто пронзительно:

«Я очень хотел бы жить, умирая, — пишет он в январе 1919 г., — чтобы из смерти моей была ключом вечная жизнь, и Тот, Кто есть Жизнь, воскрешал бы мертвых».

Он с трудом выводит эти слова, почерк его неуклюж, ибо уже четыре месяца, как кисти рук его пронзены.

Наивные писатели способствовали распространению легенды о божественных восторгах, восхищавших душу падре Пио с самого дня принятия стигматов. Из писем его видно, что на деле это было совсем не так. Не уточняя, о чём идёт речь, он умоляет своих духовных дочерей препоручить его «милосердию Божию», ибо, говорит он, «душа моя падает под грузом тяжчайшего и горчайшего испытания» (13 октября 1918 г.).

А вот полный текст письма, которое он написал 23 сентября 1918 г., всего через три дня после памятного события, преодолевая боль, в ответ на настойчивые вопросы одной из своих духовных дочерей:

«Да царит Иисус в твоём сердце! Да наполнит Он его до краёв Своей святой любовью! Сожалею, что не могу ответить по пунктам на все твои вопросы. Уже три дня, как я болен, и встаю с постели только чтобы писать тебе. Извини меня за краткость...»

Всё проще простого. Он болен. Всем известно, какое у него хрупкое здоровье... Эх, если бы всё зависело

от падре Пио, история с его стигматами не получила бы такой скорой огласки.

«Уверяю тебя, — продолжает он, — что о твоей душе можешь не беспокоиться. Но я не могу освободить тебя от обязанности размышлений по той простой причине, что ты считаешь, что тебе от них нет никакой пользы! Священный дар молитвы, добрая моя дочь, в руке Спасителя, и чем больше ты освободишься от себя, то есть от твоих чувств и от всякой плотской привязанности, вращая корнями в святое смирение, тем больше Он даст его твоему сердцу.

Поэтому надо, чтобы ты с великим терпением и настойчивостью продолжала упражняться в святом искусстве размышления и довольствовалась продвижением вперёд маленькими шажками, пока не обретишь ноги для бега или, ещё лучше, крылья для полета. Довольствуйся тем, чтобы жить в послушании — в любом случае это уже немало для души, решившей посвятить себя Богу. Смирись с тем, что ты ещё маленькая пчела, едва только вышедшая из личинки, пока не станешь взрослой пчелой, умеющей давать хороший мёд.

Смирись с любовью перед Богом и людьми, ибо Бог говорит лишь с теми, кто держится перед Ним с великой скромностью.

Между тем, подлинная причина, по которой тебе не всегда хорошо удаётся размышление, — вот она, и думаю, что я не ошибаюсь!

Ты приступаешь к размышлению в каком-то возбуждении, с тревогой и беспокойством, и упорно стараешься найти для него предмет, который успокоит и утешит твой дух. Так вот, одного этого уже достаточно, чтобы ты не нашла того, что ищешь, и чтобы ни твой разум, ни твоё сердце не смогли освободиться и сосредоточиться на той истине, о которой ты размышляешь. Знай, дочь моя, что когда мы в спешке и с лихорадочным нетерпением ищем что-нибудь потерянное, оно может сто раз попасться нам на глаза, мы можем задеть его рукой — и все равно не заметим!

Это бесплодное беспокойство лишь утомит твой дух и лишит твою мысль малейшей возможности остановиться на тех пунктах, о которых ты размышляешь; отсюда произойдут некоторая холодность и какое-то оупение, особенно в области чувств.

Я знаю лишь одно средство от этой беды — прогони это беспокойство, ибо это одна из самых грозных ловушек для истинной добродетели и подлинной внутренней жизни; тебе кажется, что она придаст жару твоей душе — а душа охладевает; ты улыбаешься — и попадаешь впросак.

Итак, дочь моя, сколько раз говорил я тебе и не на бумаге: будь настороже, особенно во время молитвы! Не забывай, что благодать и расположенность к молитве — это воды не земные, а небесные! Никаких наших усилий не хватит, чтобы заставить их излиться, и

тем не менее необходимо готовить себя к ним тщательным образом, но всегда спокойно и смиренно.

Раскрой своё сердце навстречу Небу и жди, когда снизойдет небесная роса! Не забывай об этом во время молитвы, дочь моя, ибо так ты приближаешься к Богу по двум причинам, первая из которых — воздать Ему должное. А ведь для этого не обязательно Ему говорить с нами и нам — с Ним! Достаточно признать, что Он — наш Бог, а мы — Его бедные создания, мысленно простертые перед Ним и ждущие Его приказаний. Сколько царедворцев по сто раз проходит перед королем взад и вперёд не для того, чтобы с ним говорить, не для того, чтобы слушать, а просто, чтобы засвидетельствовать своё присутствие. Для чего это прилежание? Чтобы он признал их своими верными слугами. Этот способ находится в присутствии Бога просто для того, чтобы Он признал нас Своими слугами, — святой, превосходный, чистейший и совершеннейший способ.

Можешь смеяться, если хочешь — я не шучу! (Не правда ли, отменно? Даже под пыткой он не теряет чувства юмора. — М.В.).

Вторая причина, по которой мы предстаем перед Богом во время молитвы — чтобы говорить с Ним и слышать Его голос через посылаемые Им вдохновения и внутренние озарения. Это обычно даёт нам великое удовлетворение, ибо для нас это большая благодать —

иметь возможность говорить с таким знатным Господином, изливающим на нас, когда удостаивает нас ответа, тысячи благовоний и драгоценных масел, наполняющих нашу душу радостью.

Так вот, моя дорогая дочь: молитва всегда даёт тебе по крайней мере одно из этих преимуществ.

Если ты можешь говорить с Господом, воспой Ему хвалу.

Если ты не можешь говорить с Ним, ибо все в тебе отупело, тогда главное — не отчаивайся: подражай царедворцам, сделай Ему изысканный реверанс.

Он сумеет оценить твоё присутствие и твоё молчание, и когда-нибудь в другой раз сердце твоё возрадуется, когда Он возьмет тебя за руку, и заговорит с тобой, и, беседуя, пройдёт с тобою тысячу раз по аллеям Своего сада молитвы. А если этому не суждено случиться никогда (что маловероятно, ибо сердце столь нежного Отца не устоит, Он не оставит тебя в вечных колебаниях от надежды к отчаянью) — даже и тогда тебе следовало бы быть довольной. Следовать за Ним — наш долг, и Он оказывает нам слишком много чести, терпя наше присутствие!

Так ты никогда не будешь спрашивать себя в смущении: "Что я скажу Ему?" — ибо когда ты просто находишься в Его присутствии, ты исполняешь не менее важный долг — может, и более важный, хотя он и не так отвечает твоим вкусам.

Итак, когда ты предстаешь перед Богом во время молитвы, осмотри себя при свете истины, заговори с Ним, если можешь, а если не можешь — просто покажись Ему и не тревожься ни о чем.

Что до твоего путешествия, тебе лучше всегда подчиняться желаниям других, то есть твоих близких — так ты избежишь новых неприятностей. Я не забуду тебя в своих молитвах, ибо как могу я забыть тебя — тебя, ради которой я принёс столько жертв, которую я породил для Бога в тяжких муках? Надеюсь, что и ты в милосердии своём не забудешь того, кто несёт крест за всех. Благословляю тебя и остаюсь...»

Если бы не скрытый намек в последней фразе и неуклюжий почерк, ничто в этом письме не указывало бы на происшедшее три дня назад событие, взбудоражившее всю страну.

Через несколько недель, 13 октября 1918 г., падре Пио снова пишет той же корреспондентке: «Что тебе сказать о себе? Я онемел от жестокой боли, парализован ею». И добавляет слова, прочитав которые, я вздрогнула:» Молись, чтобы моя душа не заблудилась, не погубила себя в этом жестоком испытании!»

Ах, конечно же, не «украшения» пожаловал ему Господь, Который любит ставить Своих друзей в труднейшие положения! В то время как люди добрые если и видели его, то в постоянном трансе, — душа падре Пио билась в бедном мучавшемся теле. Христос на по-

зорном древе не наслаждался жизнью, а слуга не выше господина своего! Заживо пригвожденный ко кресту, он молча страдает в пучине мерзости и позора. С дорогим его сердцу одиночеством покончено навсегда. На нём теперь как бы клеймо. Он мишень и подопытный кролик — даже его плоть, нескромная соучастница слишком великой любви, уже не принадлежит ему! Святое послушание отдало его в руки медиков.

ГЛАВА IX

Падре Пио в руках медиков. Специалисты в растерянности. Доктор Биньями опечатывает стигматы. Заключение доктора Романелли. Раны не подпадают ни под какую медицинскую формулировку. Доктор, предпочитающий теориям факты. «Реклама» стигматов. Он подстерегает пленные души. Падре Пио — узник исповедальни. Как Церковь его защищает.

Церковь, как и Бог, не нежничает с теми, кто исследует вершины духа, и, конечно, имеет на то причины. Величие даров может быть уравновешено лишь бездной уничтожения. Бог и Церковь, испытывая души, выковывают их.

И вот наш падре Пио на наковальне. Молот, в лице доктора Луиджи Романелли, специально вызванного отцом-провинциалом из Фоджи, делает все, что ему положено. То есть: тщательный осмотр «ранений», их клиническое описание и надлежащее лечение вплоть

до их полного исчезновения. Медицина ведь обязана лечить больных и перевязывать раненых. Априори, врач не имеет права допустить, что болезнь, которую он лечит, вызвана сверхъестественными причинами. Под испытующим, пронзительным взглядом д-ра Романелли падре Пио — патологический случай. У каждого своё ремесло!

Если только здесь не самозванец. Вызванный на помощь д-р Биньями из Рима счел нужным запечатать повязки, наложенные лечащим врачом на эти подозрительные раны. Кто знает, что они придумали, эти фанатики? Д-р Биньями — неверующий, и считает монахов каким-то противоестественным явлением, не ладящим с законами природы. Ход его мыслей прост: поскольку имеются ранения, надо искать их причину. Эти мошенники *frati* способны на подделку для рекламы. Если эти сенсационные раны будут защищены от их уловок, их можно будет скоро разоблачить. Д-р Биньями проверяет нетронутые печати и ждёт.

А теперь представим себя на месте бедного падре Пио, с которым обращаются как с подопытным кроликом или каким-нибудь диковинным животным. К физическим страданиям, зачастую невыносимым (как например, когда они с удовольствием прощупывают сквозную рану, нажимая пальцами с двух сторон и всякий раз убеждаясь, что там ничего нет), добавляется духовная агония, в которую погружает его Господь,

ощущение профанации «Царской тайны», моральное одиночество посреди всех этих ученых мужей, мысли которых он читает и во власти которых находится. Наконец, через пятнадцать месяцев, д-р Романелли решился написать следующее заключение:

«Повреждения на кистях падре Пио покрыты тонкой красноватой пленкой. Нет ни грануляций, ни припухлости, ни воспалительной реакции тканей. Я думаю и даже уверен, что раны эти не поверхностные. Надавливая их пальцами с двух сторон, я чувствовал пустоту, проходящую насквозь через всю кисть.

Не могу сказать, смог бы я соединить пальцы, если бы надавил сильнее, ибо эти опыты, как и любое надавливание, вызывают у пациента резкую боль.

Тем не менее я неоднократно подвергал его этому мучительному испытанию по утрам и вечерам и должен признать, что каждый раз констатировал одно и то же.

Повреждения на ступнях имеют те же признаки, что и на кистях, но по причине толщины ступни я не мог произвести таких же опытов, как на кистях.

Рана на боку представляет собой разрез с четкими краями, параллельный ребру, длиной в 7-8 см, проходящий через мягкие ткани на неопределенную глубину и обильно кровоточащий. Эта кровь имеет все характеристики артериальной крови, края раны свидетельствуют, что она не поверхностная.

В тканях вокруг раны не наблюдается никаких признаков воспалительного процесса; они болезненно реагируют на малейшее прикосновение. На протяжении 15-ти месяцев я посещал падре Пио четыре раза, и хотя констатировал некоторые изменения, не нашел медицинской формулировки, позволяющей классифицировать эти раны».

Тем временем д-р Биньями, к своему величайшему удивлению, вынужден был констатировать, что несмотря на все его меры предосторожности, «радикальные» повязки, которые он наложил на раны бедного падре, не дали никаких результатов и что эти «странные повреждения» не проходят, причем «никогда не инфицируясь и нисколько не гноясь».

Поэтому врачам пришлось искать других объяснений, столь же научных. Падре Пио подвергли тщательнейшему медицинскому осмотру, все его органы прошли через придирчивый анализ. Интересно, что не было обнаружено ни малейших следов его прежних легочных болезней, никаких симптомов заболевания — органического, психического или нервного. Медики не знали, что и подумать, и, по своему обыкновению, укрылись за плотной завесой тарабарщины, недоступной профанам.

Наконец, пришел д-р Феста. Поначалу он был так же недоверчив, как и его коллеги, но он умел смотреть и был достаточно скромн, чтобы предпочесть теори-

ям факты. Ему пришла в голову счастливая мысль — смотреть на падре Пио не только как на «случай», требующий объяснения, но и как на живое существо. После того, как он подверг падре не менее тщательным осмотрам, чем его коллеги, у него хватило мужества признать, что «такого рода ранения» наука объяснить не может. Покоренный кротостью и терпеливостью «больного», он подружился с ним, и ни он, ни падре никогда не имели повода разочароваться в этой дружбе. Его умное и объективное заключение способствовало тому, чтобы рассеять предубеждение некоторых кругов в Ватикане и монастырского начальства падре Пио. Наконец его отпустили с миром.

Но не забудем, что помимо священных ран бедный падре разделял с Христом на протяжении более двух лет позор, унижение и рубище сумасшедшего. Это моральное испытание было для него более жестоким, чем непрерывная боль в стигматах.

Вот уже пятьдесят лет, как он ими «украшен» — для поучения одних и к возмущению других. Ибо не будем строить иллюзий: до самой своей смерти падре Пио будет, как его Учитель, камнем преткновения и символом противоречия. Злоба и глупость никогда не сложат оружия, и за кулисами истории кто-то их разжигает! Как знать? Может быть, некоторые слишком пылкие друзья падре Пио больше ему навредили, даже в глазах церковных властей, чем явные враги? Кано-

низируя его при жизни, они не только нарушали мудрые предписания Святого престола, но и мешали деятельности апостола, знающего, что он — ничто по сравнению с Тем, кого он представляет.

Осмелюсь сказать, что для того, чтобы узнать падре Пио, надо быть выше «рекламы» его стигматов. Что тут бесспорно, трогательно и восхитительно — это то, что на протяжении пятидесяти лет этот человек расплачивается за людские души своей кровью. Некоторые уточняют: ежедневно «он теряет примерно чашку» крови. Поэтому ему приходится постоянно принимать меры предосторожности. За исключением того времени, когда он служит мессу, он всегда носит митенки, — днём коричневые, ночью белые; стирает он их сам, в своей келье. Рана на боку так кровоточит, что ему приходится по несколько раз в день менять повязки. Святейшая Канцелярия строго запретила раздавать эти окровавленные тряпки.

Эта мудрая мера предосторожности не должна ли напоминать нам, что не только тело падре Пио, но и душа его кровоточит? И что искупительное значение этих стигматов — в слове «да», которое он снова и снова повторяет, по своей доброй воле, своему Господу, приглашающему его разделить божественную Агонию? Благодать не дается раз и навсегда даже падре Пио! По величию его харизм мы можем догадываться о том, как он рискует и на каком осадном положении

он живёт всю свою жизнь. Ибо враг рода человеческого, *se bruto cosaccio*, как называет его падре Пио, «этот скверный малый», так и норовит внести раздор между этим носящим стигматы телом и душой, погруженной в смертные муки. Пока длится жизнь, не прекращается и спор, сохраняется риск. И, приняв его за существо «сверхчеловеческое» — как говорят к слову и не к слову его слишком наивные почитатели, — мы окажем ему дурную услугу. Ибо его величие в том, чтобы быть живым изображением своего Распятого Учителя, Человека страданий (а не «сверхчеловека»), каждое мгновение приглашающего его продолжить Свои Страсти — и падре Пио должен каждое мгновение подтверждать свой выбор. Повторяем: все значение его телесных ран — лишь в том, что они знаки его души, беспрестанно соглашающейся «восполнять недостаток в плоти своей Скорбей Христовых» для спасения мира (ср. Кол 1,24). Что ж, Церковь не смеётся над ним, а защищает его.

Ближних ему людей падре Пио просит молиться за него. То, что наша суетность принимает за знак отличия, для него по-прежнему тяжелейшее испытание. Сперва оно оглушило его, через несколько месяцев он начал привыкать. Вместе со Своими ранами Господь даёт ему Свою силу. Все те, кто знают его с памятного дня 20 сентября 1918 г., говорят, что несмотря на постоянные кровотечения и недостаточное питание, со-

стояние его здоровья, бывшего до того таким хрупким, значительно улучшилось. Чтобы не стеснять своих собратьев, он разделяет с ними полуденную трапезу, но вот уже скоро сорок лет, как его меню включает лишь салат, зелень, иногда рыбу, сыр, лимонад или вино. Утром, после мессы, он выпивает большой стакан воды.

Чем выше душа, говорит святой Иоанн от Креста, тем глубже внутрь уходят испытания. Достаточно сравнить лицо юного падре Пио, — пылкое, но слегка напряженное, измученное лицо, — сфотографированное по приказанию его начальства после получения стигматов, с его прекрасным, умиротворенным, сияющим лицом в зрелом возрасте, чтобы догадаться о его взлетах. Страдает ли он меньше? Думается, что скорее наоборот, но в его душе верного служителя царит радость. Когда душа расцветает в благодати, тело преображается и становится светом, как сказал Господь. Власть, которой он обладает над осаждающими его толпами, очевидно, происходит от харизматических даров, которыми он наделен, но ещё более — от присутствия Того, Кто в нём отражен, Кого он символизирует. Если вы не пойдёте дальше его внешности, его стигматов, его дорогой для нас улыбки — к Тому, Кто есть душа его души и жизнь его жизни, — вы не принесёте падре ничего, кроме вреда!

Сан сделал его ловцом человеков, его стигматы и целая гамма страданий, физических и духовных, о которых мы едва догадываемся, связали его со Страстями — падре Пио служит душам, и в этом смысл его жизни.

Бог дал ему для этого чудесные харизмы. Духовные приключения, которые начинаются с его чудес, заканчиваются у решетки его исповедальни. Как и святой кюре из Арса (на которого он, кстати, немного похож), он буквально стал добычей грешников.

Из рассказов его братьев по ордену и духовных сыновей я начала догадываться, чего ему стоят некоторые обращения. Он чувствует их приближение издали — этих блудных сыновей, покрытых с ног до головы липким слоем грязи и пороков. За несколько дней до их появления он начинает оспаривать их у Справедливости! «Ещё одна крупная рыба плывет в ваши сети», — сочувствуют ему братья-монахи. И падре Пио все предлагает и предлагает в качестве выкупа свои раны — кровь своего тела, кровь своей души. «Без пролития крови не бывает прощения», — сказано в послании к Евреям. Почему же наша короткая память об этом забывает? Если души от нас ускользают, то это потому, что мы не платим за них настоящей цены.

Перебирая список его изумительных «деяний», не будем забывать об этих основополагающих принципах. Падре Пио — нечто гораздо большее, чем святой

фокусник, имеющий в запасе тысячи трюков для утоления нашей ненасытной потребности в сверхъестественном. Его чудеса — это не «происшествия», а наживка: о самых прекрасных его чудесах, освобождающих все новые и новые пленные души, мы в этом мире ничего не узнаем.

Прежде чем продолжить историю этих «деяний», мы сочли необходимым дать это уточнение, ибо недоверие — иногда враждебное — к великому апостолу из Сан-Джованни-Ротондо в некоторых кругах, нам кажется, вызвано в первую очередь определенной литературой — сенсационной, наивной и поверхностной.

И вот он окончательно поселяется в Сан-Джованни-Ротондо. После двух лет тщательных обследований занимавшиеся диагнозом медики вынуждены были признать, что такие ранения современной медицине неизвестны. Внимательно следящий за событиями Ватикан рекомендует крайнюю осторожность. Достаточно одной искры, чтобы вспыхнул фанатизм, а «святые», канонизированные при жизни, могут вырождаться в идолов: разве в гуще народа не тлеют всегда остатки язычества? Слишком поспешно воздвигнуть пьедестал падре Пио — значило бы поставить под удар его апостольскую деятельность (он продолжал исповедовать). Монастырское начальство получило приказ проявлять величайшую бдительность и подумыва-

ло о том, не лучше ли перевести его куда-нибудь в другое место, где он не так известен.

Эта новость быстро распространилась в округе. Все так и вскипело. Добрые апулийцы никак не согласны! Это ещё что такое — отнимать у них их *santo*? Пусть только попробуют!

В одно прекрасное утро монастырь отцов-капуцинов оказался в осаде. Крестьяне, собравшиеся отовсюду с «топорами, косами и дубинами», контролировали все подступы и наблюдали за выходами. Кто-то мне рассказывал — правда или нет, не знаю, — что толпа ревела: «Живым он отсюда не уйдет!» И то сказать, ведь *santo* — это слава всего края. Если он умер, он останется в краю... Поведение осаждающих было таким угрожающим, их физиономии столь решительны, что монастырским властям пришлось смириться перед реальностью. Раз его не выпускают, падре Пио не уедет.

Но раз уж так, его окружают тысячью предосторожностей. Никаких «реликвий». Никаких ножниц, так и рыщущих у подола его рясы! Несколько здоровенных братьев довольно свирепой наружности назначаются ему в телохранители.

Начиная с 1924 года, ему запрещено писать (самому? — А. М.). Мера предосторожности — и милосердия, ибо его бедным негнушимся пальцам трудно держать перо. С 1918 г. он не может сжать кулак. По-

скольку его корреспонденция все возрастает, у него появляются секретари, попеременно записывающие его ответы, обычно очень немногословные: «Падре Пио молится за вас. Вера и *corragio* (мужество)». Но это не пустые слова. Падре Пио принимает близко к сердцу всё, за что его просят молиться.

В 1924 г. какие-то жалкие людишки начали против него клеветническую кампанию, и в результате падре Пио был приговорен к полному затворничеству, лишь в 1939 году ему было разрешено переступить порог монастыря. Одно время было даже запрещено ходить к нему на мессу.

Там, где другие кричат о несправедливости, мы видим лишь испытание, наверняка пошедшее на пользу падре Пио и даже его апостольской деятельности. Как атлету перед прыжком надо сперва отбежать назад, чтобы разбежаться, так и апостолу уединение, даже вынужденное, идёт на пользу. Не уверяет ли нас святой Павел, что друзья Господа никогда не проигрывают от колебаний денежного курса?

С 1939 г. у падре Пио развязаны руки, что ещё не значит, что его оставили в покое! «Тем лучше, — говорит он смеясь, когда ему рассказывают о какой-нибудь новой сногшибательной глупости, распространяемой на его счёт, — тем лучше! Раз дьяволу нейдет, значит он недоволен. Что должно нас тревожить — так это его молчание».

Он невозмутимо идёт своим путем. У его исповедальни всегда толпы.

Падре Пио приходится сражаться со столькими несчастьями, физическими и моральными, и он не может исцелить всех, раз на это нет воли Божией. Поэтому однажды ему пришла в голову святая мысль — нельзя направить все эти страдания в одно русло и, так сказать, «использовать»? Он основал знаменитый центр *Casa Sollievo della sofferenza*, на протяжении многих лет собирающий дары и приношения паломников. Строительные работы удалось завершить благодаря крупной сумме, пожертвованной президентом ЮНПРА*, Фьюрелло ла Гуардиа, уроженцем Фоджи**. И тут, как и во многих других делах, «слишком человеческое» мешало божественному, и на это дело, столь дорогое сердцу падре Пио, обрушились жестокие испытания. Недавняя смерть его духовного сына и друга, д-ра Сангвинетти, повергла его в пучину скорби, пишет он мне.

Это тоже запрограммировано. Святость измеряется не успехами, а поражениями, которые оборачиваются плодами искупления, как крест оборачивается пасхальной радостью. В этом дерзком предприятии, в этом строительстве для нас интересна движущая идея.

*Администрация Объединенных Наций по вопросам помощи и послевоенного восстановления.

**См. Эпилог, стр. 293 и след.

Страдание в этом мире подобно силе, направленной в пустоту и рассеивающейся в пустоте. На протяжении многих лет, скрытый за решеткой своей исповедальни или восхищаемый Богом, падре Пио улавливает эту силу, направляет её, вырывает у неё ядовитое жало, преобразует её в движущую энергию, словом — прививает её ко Кресту. И это белое здание работает как мощная плотина, преобразующая примитивную грубую силу в свет и тепло. Несомненно, такое «инженерное регулирование» страданий — гораздо более прекрасное чудо, чем их устранение.

Такова история падре Пио, апостола из Сан-Джованни-Ротондо, если окинуть её взглядом с высоты птичьего полета.

А теперь посмотрим на неё вблизи.

Почти все факты, о которых я здесь сообщаю, были переданы мне устно людьми, заслуживающими доверия, иногда очевидцами. Попытаемся же сквозь «золотую легенду», окутывающую и иногда искажающую его образ, лучше разобраться в чертах этого образа и в том «новом имени», которым Господь называет его в великом деле Искупления.

ГЛАВА X

*Неожиданные посещения и странные «провалы в памяти». Приключение генерала Кадорны. Падре Пио держит слово! Красноречивое молчание. Он «отсутствует». Падре Пио и святая Тереза из Лизьё. Как он избегает встреч с непрошеными гостями. Его духовные дети. Слепой Петруччо. «И ночью мне нет от вас покоя!» Спасение **in extremis. Basta!** Прогулка под сухим ливнем. Чрезмерное раскаяние. «Этот дождь не мочит». Бегство гусениц.*

В тех нескольких письмах падре Пио, которые у нас под рукой, есть два места, содержащие скрытый намек на факты, не объяснимые общеизвестными законами природы; значение этих намеков становится ясным в контексте последующих событий.

10 декабря 1914 г. молодой двадцатилетний монах пишет: «Несколько дней назад Господь позволил мне навестить Джовину и через моё посредство осыпал её

своими милостями... Мне показалось, что ей стало лучше. Прежде всего, прошу вас, чтобы Джовина ничего не узнала о моем посещении: тайну Царя надлежит хранить».

Это означает ни больше, ни меньше, как то, что падре Пио может наносить такие визиты, которых благодетельствованные им люди даже не замечают. По-видимому, речь идёт об одной из его духовных дочерей, серьёзно больной, которой после этой таинственной встречи вдруг полегчало.

Второе такое место есть в письме от 28 сентября 1918 г. Самое забавное в этих признаниях, что он приносит их в виде извинения! «Вы жалуетесь, — пишет он группе терциариев, — что я не удовлетворяю всех ваших просьб, и шлёте мне свои милые упреки (*dolce rimprovero*). Поэтому мне остаётся только извиниться... Знайте, что с некоторого времени я страдаю провалами памяти (*dimenticanze*), несмотря на все моё желание удовлетворять ваши просьбы. Но я догадываюсь, что, в сущности, это великая благодать, что Господь напоминает мне только о тех лицах и вещах, о которых хочет. Ибо это Он, Господь, неоднократно показывал мне людей, которых я никогда в жизни не видел и о которых никогда не слышал, с единственной целью — чтобы я помолился о них; и в этих случаях Он всегда мне внимает. Напротив, когда Господь не хочет внять моей просьбе, Он делает так, что я забываю по-

молиться даже за тех, кого я твердо обещал не забыть в своих прошениях. Иногда память изменяет мне настолько, что я забываю о насущных нуждах, как-то: пить, есть и тому подобное. Однако я благодарю Провидение за то, что Оно никогда не позволяет мне забывать об обязанностях моего сана».

Неуверенный тон этого отрывка, какая-то растерянность, чувствуемая в этих признаниях, совершенно явно свидетельствуют о том, что когда падре Пио писал это письмо, он ещё не привык к тому высшему пилотажу духа, который станет одной из главных его харизм.

Во всяком случае, очевидно, что начиная с этого времени, он знает, что такое биолокация, и, что ещё важнее, он полностью отдал свою душу в распоряжение Святого Духа, так что Господь может располагать его молитвой по Своей воле. «Странные провалы памяти», на которые он жалуется, не что иное, как «стопорные вырезы», в которые она упирается, предусмотренные провидением в программе его апостолата. Вот эти души специально ему поручены, а те — нет. Тут уж ничего не поделаешь: он даже не запоминает имен тех, за кого он «не отвечает». И тут тоже: Господь — единственный Хозяин, а падре Пио лишь располагает «талантами», доверенными его верности.

Мы никогда не устанем повторять: все харизмы падре Пио поставлены на службу душам, даже те, ко-

торыми пользуются тела. Сколько обращений начиналось с чудесного исцеления или с неожиданного появления! Приведем факты — преимущественно малоизвестные или плохо известные.

После одного поражения генерал Кадорна предаётся мрачным мыслям, помышляет о самоубийстве. Однажды вечером генерал, расставив часовых, удалился в свою палатку и взял в руки револьвер... Вдруг какой-то монах в грубошерстной рясе на мгновение замер у входа, предостерегающе грозя ему пальцем: «Ну-ну, генерал, без глупостей!»

А ведь генерал строго-настрого запретил его беспокоить! Вне себя от гнева, он выбегает из палатки — никого. Он спрашивает у часовых — они клянутся и божатся, что никого не видели, никого не впускали. Гнев сменяется удивлением, и вот он уже не так одержим самоубийством. Генерал даёт себе отсрочку. Он спасен. Однако он снова и снова возвращается к этой истории, упорно стараясь найти к ней ключ. Что это за молодой монах францисканец, у которого хватило дерзости нарушить его одиночество и достало силы, чтобы револьвер выпал из рук генерала? Война заканчивается. Появляются слухи о падре Пио. Генерал Кадорна хочет сам удостовериться во всём и отправляется инкогнито и *in borghese* (в штатском) в Сан-Джованни-Ротондо.

А это как раз то время, когда падре Пио сидит под замком и отдан в руки медицины. Говорить с ним нельзя! Генерал настаивает: «Разрешите хотя бы посмотреть на него!» «Хорошо, — отвечает отец-гвардиан, — вы останетесь вон там, в коридоре. Когда мы будем проходить в церковь на послеобеденную молитву, вы его увидите». Генерал притулился в уголке и ждёт. Проходят монахи — он узнает своего ночного гостя. Падре Пио улыбается ему и грозит пальцем — не то грозит, не то дразнит, словно хочет сказать: «Вы ещё дешево отделались!»

Монсиньор Фернандо Дамиани, генеральный викарий Сальтской епархии в Уругвае, хотел, как и многие другие, окончить свои дни близ падре Пио в Сан-Джованни-Ротондо.

— Нет, — сказал падре, — ваше место в вашей епархии.

— Но тогда, падре, — ответил монсиньор Дамиани, — обещайте мне, что в смертный час вы будете со мной.

Падре на мгновение задумался: «Да, я вам это обещаю».

В 1941 г. монсиньор Альфредо Виола, архиепископ Сальто, отмечал свою «серебряную мессу»*. На юбилее присутствовали все уругвайские епископы и многие

*25-летие рукоположения.

аргентинские. Ночью монсиньор Барбьери, архиепископ Монтевидео, от которого мы узнали эту историю, вдруг проснулся от стука в дверь. Он крикнул: «Кто там?» Вошел неизвестный капуцин и сказал: «Идите к монсиньору Дамиани, он умирает». Архиепископ разбудил нескольких священников и бросился к монсиньору Дамиани, у которого только что был сильнейший приступ грудной жабы. Находясь в полном сознании, он безропотно принял последнее причастие и соборование; затем, после недолгой агонии, спокойно отошел, умиротворенный. Каково же было удивление присутствующих, когда они обнаружили на его ночном столике эти несколько слов, нацарапанных карандашом, слабеющей рукой: «Падре Пио пришёл!»

Архиепископ Монтевидео берег эту последнюю весточку от своего друга, как зеницу ока. Он захотел увидеть собственными глазами падре Пио, чтобы убедиться, что это он позвал его к постели умирающего. 13 апреля 1949 г. представился случай — визит *ad limina*^{*}, он навестил падре Пио и узнал его. Однако, чтобы уж полностью удостовериться, он неожиданно задал ему прямой вопрос. Падре Пио не ответил.

^{*}Полностью *Ad limina Apostolorum* (от лат. *limen* – «порог, рубеж»; в переносном смысле «могила») — обязательный, раз в 5 лет, визит епархиальных епископов и других прелатов Католической Церкви в Рим для встречи с Папой и молитвы на могилах Апостолов.

Подумав, что падре его не расслышал, архиепископ повторил вопрос. Падре Пио по-прежнему молчал. И тогда монсиньор Барбьери рассмеялся:

— Понимаю!

— Ну да, — тонко улыбнулся падре Пио, — понимаете.

Биографы падре Пио употребляют к месту и не к месту термин «вездесущность», от которого у теологов волосы встают дыбом. Некоторые из его поклонников, и особенно поклонниц, распускают слухи о том, что «он слышит всё, он везде». Это глупости. Харизмы падре Пио имеют строгие пределы, поставленные Богом. Его биолокации, которые не происходят по его воле, а отвечают определенным замыслам Безграничного Милосердия, скромным служителем которого он является, никогда не совершаются по каким-нибудь пустячным поводам или вовсе без повода, как можно было бы подумать, читая описания некоторых происшествий, составленные пылкими поклонниками. Падре Пио «разгуливает» по свету не ради своего удовольствия, а потому, что так требует Господь, потому что его воля полностью починена воле Божией. И тут нам не следует путать ни причину с орудием, ни просто галлюцинации с бесспорными фактами. Такой некритичный подход наносит величайший вред великому апостолу из Сан-Джованни-Ротондо, заслуживающему лучшей

репутации, чем репутация фокусника, способного на сверхъестественные трюки. Некоторые из приписываемых ему спектаклей не могут вызвать ничего, кроме улыбки...

Биолокация, хорошо известная в жизни святых, — это как бы предвкушение той «эфирности», которую обретут тела, когда восстанут во славе. Однажды падре Пио задали вопрос на эту тему, и он ответил — как всегда, в своём ворчливом тоне:

«Ну, ну, они всё же не так глупы, чтоб не замечать, что они перемещаются. Как — это уже другой вопрос. Душа ли увлекает за собой тело или тело душу? Во всяком случае, они полностью сознают это и знают, куда направляются».

Друзьям падре Пио хорошо известны те минуты, когда он внезапно преображается и смотрит с отсутствующим видом. Это «находит» на него в самых разных местах, зачастую в исповедальне. Одна из его духовных дочерей мне рассказала, что однажды, когда она только начала свою исповедь, падре Пио резко прервал её: «Молчи!» Казалось, он к чему-то прислушивается. «Его лицо стало совсем другим, — рассказывала она, — но мёртвым он не казался». Она терпеливо ждёт, не вставая с колен. Это продолжается довольно долго. Наконец, падре Пио глубоко вздохнул, что-то пробормотал, склонился к окошку, и исповедь продолжилась.

Такое с ним происходит часто, и братья уже привыкли к тому, что падре Пио иногда «отсутствует». Однако я бы не советовала задавать ему нескромные вопросы на эту тему! Нескромных он так умеет «послать прогуляться», что начисто отбивает у любопытных всякое желание настаивать. Однако некоторые факты имели слишком многих или же слишком уважаемых свидетелей, чтобы в них можно было усомниться. Например, дон Орина — его показания находятся в стадии рассмотрения — своими глазами видел падре Пио в базилике Святого Петра в Риме в день беатификации святой Терезы из Лизьё. Один римский прелат потребовал у него официальных показаний на этот счёт, и он все подтвердил. Между тем падре Пио в это время находился под замком в Сан-Джованни-Ротондо... Сопоставление фактов проливает свет на этот случай. Один человек, хорошо знавший апостола из Сан-Джованни-Ротондо, как-то сказал мне, что «святая Тереза от Младенца Иисуса для падре Пио дороже всех других святых». Чудотворец и смиренная кармелитка, в жизни не творившая никаких чудес, идут одним и тем же «малым путем» — путем полного самоотречения — и во многом сходны друг с другом. Когда за несколько лет до беатификации м-ль Б. показала падре Пио фотографию юной кармелитки и попросила её освятить, он сказал: «Я не могу освятить изображение этой монахини, ибо она ещё не причислена к лику святых, но

когда-нибудь оно будет над алтарями, ибо это святая, великая святая».

Просто чудесно, как Господь заботится о Своих друзьях. Раз итальянский капуцин и французская кармелитка относились друг к другу с такой теплотой и доверчивостью, то почему бы не сделать так, чтобы один из них присутствовал там, где воссияла слава другой? Ручаюсь, что туда явилась и святая Тереза — в венке из роз.

Бывали случаи, когда падре Пио проходил сквозь закрытые двери, к великому изумлению тех, кто его подстерегал. Это изящный способ осадить докучливых посетителей и избежать встречи с любопытными.

Вот два факта, о которых мне рассказали свидетели.

Группа паломником сторожила у двери, через которую должен был пройти, направляясь в церковь, падре Пио. Настоящая засада, никуда не денешься! Проходит час, два часа, три часа... Время тянется медленно, но ничего: «Падре Пио должен пройти через эту дверь — и пройдёт!» Наконец их замечает какой-то капуцин: «Кого вы ждёте, люди добрые?» — «Падре Пио, *tagari!*» — «Но он уже давно в церкви, он исповедует!» Паломники растерялись: «Через какую дверь он прошёл?» — «Разумеется, через эту!» — «А мы его не видели!» Монах улыбнулся: «Раз вы его не видели, значит,

он не хотел вас видеть. Падре Пио здесь, чтобы исповедовать, а не болтать...» Тогда они поняли.

В другой раз жителей Сан-Джованни-Ротондо переполошил роскошный лимузин, остановившийся у паперти; из лимузина высыпала стайка наруганных дамочек в коротких юбках, и с ними зубоскал, их альфонс. Это была какая-то театральная компания, специально сделавшая крюк, чтобы посмотреть на *il santo* и поржать в своё удовольствие. Юнец декламировал с актерским пафосом: «Где падре Пио? Я пришёл, чтобы он меня обратил!» Его дамы прыскали от смеха, а брат-привратник не знал, как быть. Как-никак человек обратиться хочет... Пошлю их к падре, пусть он сам разберётся! «Идите в ризницу, люди добрые, он уже начинает исповедовать!»

Продолжая зубоскалить, они идут через всю церковь, проходят мимо главного алтаря, не преклонив колен даже для виду. «Где падре Пио?» — спрашивает альфонс. «Только что вышел, — говорят ему, — вы, наверное, видели, как он выходил». — «Нет...» — «Не может быть!» Собравшиеся в ризнице паломники с некоторым удивлением посматривают на эту шумную компанию, но, привыкшие к тому, что в сети падре Пио попадают *pezzi grossi*^{*}, любезно предлагают свои услуги...

^{*} «Крупная рыба» (букв. «крупные куски») (ит.).

Падре Пио ищут в церкви, в монастыре, в саду — безрезультатно! Шутники упорно ждут, им не терпится, у них вытягиваются лица, насмешливые улыбки застывают на губах. «*Ci dispiace* (сожалею), — говорят капуцины, — мы не можем его найти». — «Он что же, вышел?» — «Конечно же нет!» — «Так где же он?» Фра Джерардо пожимает плечами: «*Chi lo sa?* (Кто его знает!)»

Взбешенные и растерянные незваные гости садятся в машину: она исчезает в облаке пыли, под крики и ругательства отъезжающих. У порога церкви люди глядят им вслед, затем оборачиваются — и видят падре Пио. «Где же вы были, падре? Где только вас не искали!» Падре Пио улыбнулся: «Расхаживал перед вами взад-вперёд, только вы меня не замечали». И спокойно вернулся в исповедальню.

Нам не известно, чем кончилось это приключение, но те, кто знает падре Пио, очень бы удивились, если бы оно не завершилось каким-нибудь «великим обращением». Чтобы пробудить некоторые души, падре Пио иногда поступает круто, но он не так-то легко отказывается от *pezzi grossi*.

Как ревностно следит он за духовным ростом своих сыновей и дочерей! Сквозь густую поросль «золотой легенды», буйно разрастающуюся на распахиваемых им угодьях, можно без труда разглядеть обильный уро-

жай подлинных фактов, свидетельствующих (как раз это нас интересует больше всего) о его нежнейшей и требовательнейшей отеческой любви.

Если он берёт на себя заботу о чьей-либо душе, ничто на свете не заставит его отказаться от «добычи». Он следует за ней, будь то вблизи или издали, так «неумолимо», сказал мне с улыбкой один мой знакомый, «что хочешь-не хочешь, надо идти вперёд».

«Я никого не зову и никого не прогоняю», — говорит он тем, кого смущает вид осаждающей его толпы. Конечно, его стигматы и его чудеса делают ему рекламу, но достаточно самого поверхностного опроса его *bella brigata*¹, чтобы убедиться, что все эти души притягиваются к нему ничем иным, как его ненасытной любовью. Как устоять перед тем, кто готов отдать за вас свою жизнь? А ведь именно так любит падре Пио тех, кто доверился ему!

Никак не скажешь, что он их балует! Самые любимые его дети должны без отдыха бежать за ним по пятам, разделять все его апостольские заботы и страдания. Может ли он предложить им подарок больший, чем божественное подобие? Между тем, чтобы уподобиться Господу нашему Иисусу Христу, нужен крест. Люди, близкие падре Пио, рано или поздно обретают свой крест. И неотделимую от него радость, пылаю-

¹ «Прекрасная команда» (ит.). Так называла своих духовных детей святая Екатерина Сиенская.

щую, как огонь славы в триумфе третьего дня. Ибо Крест — это только вопрос, а ответ на него даёт Пасха. Именно это не устаёт проповедовать падре Пио, и его непоколебимый оптимизм сообщает его духовным сыновьям и дочерям этот дерзкий, воинственный дух, готовность с улыбкой пойти на любые жертвы. Если правда, что дерево узнают по плодам, — что ж, в детях падре Пио отражается душа их отца.

Они не поднимают шума. Я бы даже сказала, что чем больше они преданы своему делу, тем меньше их видно. Их можно безошибочно отличить от других прежде всего по их особому стилю — простоте, смирению и францисканской радости. Если кто знает больше других — так это они, но говорят они меньше всех. На мой наивный вопрос одна из его самых любимых духовных дочерей, не задумываясь, ответила прямо: «Падре запрещает нам привлекать внимание к его делам и восхвалять их. Этим занимается Бог».

Отсутствие всякой рекламы делает узкий круг его духовных детей самой привлекательной рекламой — приближаясь к ним, нельзя не почувствовать исходящего от них особого благоухания.

Даже его чудеса предназначены в гораздо большей степени для людей чужих и для *pezzi grossi*, чем для друзей падре Пио. В самом деле, что может он им предложить более прекрасного, чем возведение в ранг апо-

столов — что означает: тружеников Искупления? В начале этой книги мы мельком видели слепого Петруччо.

Ему тридцать восемь лет. В четырнадцать лет его зрение начало меркнуть. Падре Пио его очень любит. Он начал осторожно прощупывать его:

— Знаешь ли ты, сынок, что на свете есть множество людей, которые грешат глазами?

— Что ж, падре, пусть Бог заберёт мои глаза: я отдаю их Ему за грешников.

Падре Пио не просил о его исцелении! Тот самый падре, который смог вернуть зрение глазам без зрачков, — я имею в виду глаза Джеммы ди Джорджи, — держит при себе слепого Петруччо, как самое дорогое из сокровищ! Все те, кто совершил паломничество в Сан-Джованни-Ротондо, знают Петруччо. Живой и веселый, как зяблик, он без малейшего затруднения передвигается по всему монастырю и его окрестностям, расточая юмор, всегда готовый оказать другим свои скромные услуги — скажем, отнести на почту скопившиеся за день письма или ответить на вопросы приезжих. Его прекрасное лицо, освещенное внутренним светом — неотъемлемая часть обстановки этого места, где на людей нисходит благодать. Это лицо говорит о падре Пио больше, чем десятки книг.

«Мне иногда кажется, — сказал мне один из его духовных сыновей, — что падре Пио круглые сутки при-

слушивается к тем, кто его зовёт». И рассказал мне такую историю.

Однажды вечером они приехали в Сан-Джованни-Ротондо большой компанией. Приехав, они сразу же заговорили о падре, в простоте душевной перечисляя благодати, которые будут у него просить, и поручая своим Ангелам-хранителям как можно скорей сообщить ему о них.

На другой день они подступили было к падре Пио после мессы, но он тут же их осадил: «Birichini! (Сорванцы!) И ночью мне нет от вас покоя!» Его улыбка противоречила его словам. Они почувствовали, что все их просьбы исполнены.

— Ему никогда не нужно повторять что-нибудь по десять раз, даже мысленно! — уверял меня кто-то другой. И в подтверждение этого привел такой чудесный пример.

У одной славной женщины из местных серьёзно заболел муж. Она бросилась в монастырь, но как подступить к падре Пио? Чтобы попасть к нему в исповедальню, нужно ждать своей очереди не менее трех дней! Во время мессы бедняжка места себе не находит, суетится, то туда пройдёт, то сюда; наконец, вся заплаканная, она рассказывает о своём великом горе Мадонне делле Грации, через посредство её верного служителя. Начинаются исповеди — она прибегает к

тому же приему. Наконец — «чего хочет женщина, того хочет Бог» — ей удастся проникнуть в знаменитый коридор, где можно «взглянуть одним глазком» на падре Пио. Увидев её, он сделал большие глаза:

— *Donna di poco fede* (маловерная), ты мне уже все уши прожужжала, у меня от тебя голова болит! Что я, глухой, по-твоему? Ты мне уже пять раз все сказала — в правое ухо, в левое ухо!.. Я понял, понял...

Тут он улыбнулся: «Беги домой. Все в порядке».

В самом деле, её муж выздоровел.

Иногда помощь, которую он оказывает *in extremis**, приходит более эффектно. Во время Освобождения одна из его духовных дочерей была задержана как «фашистка». Военный суд партизан приговорил её к смерти. Она не совершала преступлений, в которых её обвиняли, но как это доказать? Когда на неё надевали наручники, чтобы отвести к месту казни, она схватила чётки и фотографии падре Пио. «Падре, — всхлипывала она, — падре, помогите!»

Когда её вели, толпа неистовствовала, в неё швыряли камнями, оскорбления сыпались градом. Ни жива, ни мертва, она уже пришла, наконец, к месту, где её ожидал взвод, назначенный для расстрела, как вдруг всё движение на улице остановилось из-за длинной колонны танков, санитарных автомобилей и сол-

* «В последний момент» (лат.).

дат, шедшей на север. Командир взвода велел подождать, пока пройдёт колонна. Он стоял на танке, и ждал, «как загипнотизированный».

«Когда все они пройдут, — думает девушка, — пробыет мой последний час. О падре, падре, почему ты не здесь!»

Время идёт, колонна не кончается. Партизаны устали; может быть, они не так уж и уверены, что поступают, как надо; они начинают расходиться. Остаётся только «майор»; он стоит, прямой, как восклицательный знак, оцепенелый, как сомнамбула.

Так вот, этой отсрочки хватило друзьям девушки, чтобы установить её алиби и доказать её невиновность. Доносчики, поняв, что попали в переплет, теперь уже сами тряслись от страха перед возмездием, как вдруг кто-то принёс известие, что казнь отложена из-за прохождения войск. В тот момент, когда на роковую дорогу выходили последние отряды, девушка встрепенулась, услышав треск мотора. Неизвестный синьор, приехавший в автомобиле, вдруг объявил ей, что она может быть свободной, и запросто отвез её домой. В те времена расправа была коротка...

Но самое интересное в этой истории ещё впереди. В Италии, как и во Франции, банды грабителей врывались в дома осуждённых и под шумок грели руки — под предлогом, что ищут — что бы вы думали? — взрывчатку. В тот самый момент, когда несколько та-

ких налетчиков уже начинали грабить квартиру этой девушки — на глазах её сестры, обомлевшей от ужаса, — их ошеломил громкий и властный голос: «*Basta!*»^{*} Они в ужасе переглянулись, ибо голос, казалось, исходил из мегафона, а никаких признаков мегафона в доме не было. И снова раздалось: «*Basta!*», ещё более громкое и гневное — и тут они бросились наутёк. Когда приговорённая девушка вернулась домой, сестра кинулась её обнимать, всхлипывая от счастья. «Это был голос падре Пио, — говорила она, — это он вспугнул воров!»

Через несколько месяцев, когда были сняты запреты на передвижение, девушка, о которой мы рассказывали, отправилась на поезде в Сан-Джованни-Ротондо. Падре Пио встретил её с улыбкой:

— Ну и заставила ты меня побегать, дочь моя, своей верой!

И больше не стал ничего объяснять.

В других случаях ситуация не такая трагическая, и помогать легче. Кто в Сан-Джованни-Ротондо не знает чудесного приключения римского инженера Тодини?

Однажды он допоздна задержался в монастыре и, выходя, увидел, что идёт проливной дождь.

— А у меня даже зонтика с собой нет, — сказал он падре Пио. — Вы бы не могли приютить меня до завтра? Иначе я промокну, как курица.

^{*} «Довольно!» (ит.).

— Нет, дитя моё, это невозможно. Но ты не бойся, я буду с тобой.

Инженер подумал, что такая «епитимья» — это уж слишком, даже если падре Пио будет мысленно с ним рядом, но ничего не сказал, поднял воротник, нахлобучил шляпу поглубже и храбро вышел под дождь, чтобы прошагать около двух километров, отделяющих монастырь от деревни. Каково же было его удивление, когда, ступив за порог, он увидел, что ливень вдруг прекратился! Когда он пришел к добрым людям, у которых снимал комнату, дождь чуть накрапывал.

— *Madonna mia*, — вскричала его хозяйка, услышав, как он открывает дверь, — вы, наверное, промокли до нитки?

— Вовсе нет, — ответил он, — дождь почти кончился.

Крестьяне изумленно переглянулись:

— Как «почти кончился»? Да это настоящий потоп! Вот, послушайте!

Они вышли на порог и увидели — в самом деле, «настоящий водопад».

— Вот уже целый час, как льет без передышки, как из ведра. Как это вы ухитрились не промокнуть?

— Падре Пио сказал, что будет со мной.

— А, ну раз падре Пио сказал...

Вопросов больше не было. Сели ужинать.

— Конечно, — сказала хозяйка, неся блюдо дымящейся «пасты»*, — конечно, падре Пио лучше любого зонтика!

Несмотря на суровый вид (это его способ защищаться), падре Пио — нежнейший отец, заботящийся о том, чтобы ни единый волос не упал с головы его детей. Как специалисту по «великим возвращениям», ему приходится умерять слишком уж неистовые порывы кающихся с помощью мудрых мер: иногда ему приходится нарушать для этого законы природы.

Красавица, богачка синьора Луиза Ваиро приехала в Сан-Джованни-Ротондо из чистого любопытства — впрочем, к нему примешивалось и желание эпатировать общественное мнение.

Как только она туда приехала, она почувствовала такую скорбь, её грехи показались ей такими чудовищными, такими ужасными, что она разрыдалась прямо в церкви и плакала, не стыдясь своих слёз. Её душераздирающие рыдания привлекли к ней внимание некоторых духовных дочерей падре Пио — он в тот момент как раз приступал к исповеди. Ему сказали, он подошел к синьоре Ваиро и сказал:

— Успокойтесь, дитя моё, милосердие Божие безгранично, и кровь Христова смывает все преступления мира.

*Блюдо из макарон.

— Я хочу исповедаться, падре, — сказала незнакомка (час назад она бы беспощадно издевалась над всяким, кто обратился бы к ней с таким предложением).

— Сперва успокойтесь, — сказал он мягко. — Завтра вернетесь.

Всю ночь синьора Ваиро перебирала свои грехи. Она не исповедывалась с самого детства! Представ перед падре, она (как и многие другие) вдруг обнаружила, что не может вымолвить ни слова. Она никак не могла начать свою исповедь — в горле стоял ком! Увидев её в таком плачевном состоянии, падре начал мягким голосом перечислять все события её прискорбной жизни. Подконец он сказал:

— Помнишь ещё что-нибудь?

Она так и задрожала от искушения. Неужели надо признаться и в этом страшном грехе, о котором он не сказал? Неужели не хватит этого потока грязи, этого стыда?

Падре Пио ждал, тихонько шевеля губами.

Наконец она решилась:

— Остаётся ещё вот это, падре.

— Слава Богу, — радостно вскричал он, — этого-то я и ждал!¹ Отпускаю тебе грехи, дочь моя.

¹ Обычный прием падре Пио, когда он «помогает» исповедоваться.

Обратившись, синьора Ваиро с рвением неофита принялась следовать примеру кающихся великих грешников.

Одним зимним утром она решила пойти в церковь босой. Дул ветер, шел дождь, стоял собачий холод, как это часто бывает на склонах Монте-Гаргано.

Промокнув до нитки, с окровавленными ногами (в те времена дорога в церковь была каменистой), она наконец дошла до церкви и потеряла сознание на пороге от холода и боли.

Открыв глаза, она увидела склонившееся над ней лицо падре Пио:

— Дочь моя, даже в святом раскаянии надо соблюдать меру, — сказал он ей. Затем, легонько дотронувшись до её плеча, добавил:

— К счастью, эта вода не мочит. *Questa aqua non bagna...*

Каково же было удивление всех присутствовавших, когда они увидели, что одежда синьоры Ваира высохла во мгновение ока!

Крестьянский сын, падре Пио очень остро реагирует на бедствия, угрожающие урожаю; бывает так, что он справляется с ними одним махом.

15 мая 1932 г. группа паломников из Болоньи направлялась к монастырю; вдруг они увидели, что дорога перед ними буквально кишит черными гусеница-

ми. Им стало противно, они попытались обойти гусениц, но не смогли: с двух сторон дороги поднимались крутые обрывы, над которыми цвел миндаль. Как им ни было противно, пришлось им идти по гусеницам. Придя в городок, они спросили об этом странном явлении.

— Очень просто, — ответили им. — Рядом с монастырем есть миндальная роща. Там вдруг развелось столько гусениц, что весь урожай был под угрозой. А ведь на доходы с этого урожая живёт целая семья. В отчаянии бедняги обратились к падре, умоляя помочь. Тогда падре Пио вышел на эспланаду и размашисто перекрестил миндальные деревья. Гусеницы тут же бросились наутек. Вы видели, сколько их было! Бедняги теперь могут спать спокойно. Этой зимой они без хлеба не останутся.

ГЛАВА XI

Недоумения доктора Романелли. Надушенный капуцин? Доктор Феста развлекается — ставит всё новые и новые опыты. Надо же как-то переписываться, когда нельзя писать! Благоухающая мансарда. «Вы что же, ничего не почувствовали?» «Будешь знать, как пятиться!»

Во время своего первого посещения Сан-Джованни-Ротондо, в июне 1919 г., д-р Романелли был шокирован — он обнаружил, что падре Пио пользуется духами.

Что ни говори, для капуцина, умерщвляющего свою плоть и «украшенного» стигматами, это необычно! Духи, должно быть, были «дорогими, хорошего качества», ибо вся келья благоухала «изысканным, тонким» ароматом. «Подарок какой-нибудь блаженненькой», — проворчал сквозь зубы доктор и отправился поделиться своими недоумениями с отцом Валенциано.

Тот расхохотался ему в лицо:

— Капуцин? Духи? Этого ещё не хватало... Вот так в миру и сочиняют о нас всякие истории! И не просто истории, а небылицы... *Niente ptofumi* (никаких духов), дорогой доктор. Это благоухает кровь падре Пио.

Д-р Романелли покачал головой. Ещё одна легенда *frati*. Свернувшаяся кровь пахнет дурно! Между тем «ранения» падре Пио обильно кровоточат и нарушают все законы гигиены.

Чтобы как следует во всем разобраться, он вернулся в келью носящего стигматы капуцина; там его ждало... жестокое разочарование. На этот раз — никакого запаха. Ни хорошего, ни дурного. Сколько он ни принюхивался — ничего.

Обонятельные галлюцинации довольно редки; они с трудом поддаются объяснению, ибо наука ещё не сказала своего последнего слова. На протяжении двух дней доктор принюхивался, как собака-ищейка — ничего...

Накануне отъезда он в задумчивости поднимался по монастырской лестнице, как вдруг его настигла волна все того же запаха, притом сильного. Это длилось всего несколько секунд, но этого хватило, чтобы в голове у доктора появился ещё один вопросительный знак.

«И соблаговолите заметить, преподобный отец, — писал он в отчете для отца-провинциала, — что самов-

нушение тут полностью исключено. Прежде всего, мне никто раньше не говорил об этом феномене, и кроме того, в случае самовнушения я должен был бы чувствовать этот запах все время или, во всяком случае, неоднократно, а не два раза с таким длинным перерывом. Заявляю об этом честно, ибо обычно врачи слишком склонны приписывать труднообъяснимые явления внушению».

После доктора Романелли с той же загадкой пришлось столкнуться и другим. Самые изящные опыты провел д-р Феста из Рима, от рождения лишенный обоняния и, следовательно, лицо беспристрастное.

Окончив своё расследование в Сан-Джованни-Ротондо, он возвращался в Рим с образцом ткани, пропитанной кровью из «бокового ранения» падре Пио — он хотел подвергнуть его лабораторному анализу; вдруг его спутники стали расспрашивать: «Что это так хорошо пахнет? Какой изысканный аромат! Что бы это могло быть? Это непохоже ни на что...»

Ситуация явно забавляла доктора. Сам-то он ничего не чувствовал... Между тем, жаль было бы упустить такой случай. Он попытался выяснить, что чувствуют пассажиры.

Но напрасно они искали названия для этого странного аромата; они не смогли даже договориться между собой, на что он похож. Амбра? Фиалка? Гелиотроп? Нард? Ладан, фимиам? Жасмин? Жаркий спор шел в

купе с настежь распахнутыми дверьми. Поезд мчался со скоростью сто километров в час, и этого сквозняка должно было быть достаточно, чтобы выветрился запах каких-бы то ни было духов!

Так продолжалось примерно четверть часа, затем странный запах исчез, и разговор перешел на другую тему.

Д-р Феста не знал, что и подумать. Он стал проводить новые «эксперименты». Он нарочно положил пресловутый кусочек ткани в ящик своего письменного стола. В последующие дни некоторые из больных, приходивших на консультацию, были поражены «таким чудесным ароматом» и даже спрашивали, что это и откуда? Другие же, причем не страдавшие отсутствием обоняния, ничего не чувствовали.

За пятьдесят лет об этом запахе засвидетельствовало столько людей, и столько людей он сделал счастливыми, что сомневаться в существовании этого странного явления не приходится, хотя в чем его смысл — до сих пор спорят.

Что личные вещи падре Пио и даже просто предметы, к которым он прикасается, источают благоухание — это факт. Что этот аромат «ни на что не похож», хотя напоминает целую гамму известных запахов — тоже факт. Что он может действовать на расстоянии — факт. И наконец, нет никакого сомнения, что этот запах имеет вполне определенное значение и в апос-

тольском арсенале падре Пио входит в число тех харизм, которые даровал ему Бог для того, чтобы помогать доверенным ему душам, привлекать, утешать или предостерегать их.

Расскажем в этой связи об одном неопубликованном эпизоде, служащем тем более веским аргументом, что свидетели не подозревали об «ароматах» падре Пио.

Молодой супружеской паре (это были поляки, жившие в Англии) нужно было принять важное решение. Они долго взвешивали все «за» и «против» и зашли в тупик; их охватило чувство безысходности. Казалось, найти выход из такого положения — выше человеческих сил. Что делать? Кто-то сказал им о падре Пио. Они ему написали. Никакого ответа! Тогда они решили поехать в Сан-Джованни-Ротондо, надеясь, что он выслушает их, даст совет и помощь.

Из Англии в Апулию — дорога неблизкая! Наши путешественники остановились в Берне. Им было тоскливо, они не знали, стоит ли ехать дальше? А если падре их даже не примет? Перед отъездом им кто-то сказал, что он «заточён» (sic). Значит, всё это путешествие, все эти расходы — ни к чему?

Был вечер. Они грустно беседовали между собой в жалком и грязном гостиничном номере. Из экономии они сняли номер в мансарде — «номер последней категории». Была зима, шел снег. Окоченевшие от холода,

изверившиеся, они уже готовы были повернуть назад, как вдруг они почувствовали, что их «окружает облако чудесного сильного аромата, настолько приятного, что они совершенно утешились».

Молодая женщина была практичной особой — она стала шарить в комоды, в стенных шкафах, искать «забытый каким-нибудь рассеянным путешественником флакон духов, источавший такой очаровательный запах». Тщетно! Вскоре аромат улетучился и комната стала пахнуть, как раньше — затхлой сыростью и зловонной клоакой. Заинтригованные путешественники стали расспрашивать хозяина гостиницы — но тот понятия ни о чём не имел, как с луны свалился. Впервые постояльцы его гостиницы, благоухавшей отнюдь не розами, утверждали, что в ней хорошо пахнет! Как бы то ни было, «всё это приключение» «подняло настроение» нашим путешественникам и «утвердило их в намерении продолжить путь во что бы то ни стало».

Прибыв в Сан-Джованни-Ротондо, они сразу же отправились к падре Пио. Он встретил их с распростертыми объятиями. Молодой человек (он владел итальянским) стал бормотать извинения:

— Мы вам писали, падре. Поскольку вы не ответили...

— То есть как не ответил? А в тот вечер в швейцарской *albergo* (гостинице), вы что же, ничего не почувствовали?

Двумя словами он разрешил все их затруднения и отпустил их с миром. Только тогда, счастливые, переполненные радостью и благодарностью, узнали они, каким способом падре Пио «переписывается» с теми, кто зовёт его на помощь.

Решающим критерием, по которому мы можем судить об этих ароматах, является их конечная цель. Падре Пио не благоухает ради удовольствия благоухать, в чем нас хотели бы уверить некоторые его поклонники, ссылаясь на неубедительные примеры — ему это нужно для целей апостольства или для того, чтобы совершить конкретное добро. Его «благоухания», доносящиеся сблизи или издалека, воодушевляют, ободряют, привлекают внимание к страшным опасностям, служат укором и предостережением, напоминают о его присутствии и о его советах, о том, что он руководит.

— Он как бы говорит: *«Riga diritto, se no, ti frusto!»* («Иди не сворачивая, а не то взгрею!»), — сказал мне со смехом один из его духовных сыновей.

В некоторых случаях эти волны аромата могут спасти от смертельной опасности. Однажды в окрестностях Сан-Джованни-Ротондо одна бедная женщина собирала каштаны, пятясь по довольно крутому склону. Вдруг какой-то чудесный запах заставил её оглянуться. *Madonna mia!* Ещё шаг — и она скатилась бы в пропасть... При первой же встрече падре Пио устроил

ей головомойку: «Будешь знать, как пятиться, дочь моя!»

Исцелениям, совершаемым через посредство падре Пио, часто предшествует волна характерного аромата, возвещающего о их приближении. Из множества случаев возьмём любой — например, следующий, тем более замечательный, что он относится к хирургии, где самовнушение мало чем может помочь.

Синьорина Джозефина Маркетти из Болоньи, 24-х лет, сломала правую руку. За три года до этого рука была подвергнута сложной операции. После новой операции хирург объявил отцу девушки, что она никогда уже не будет владеть рукой — после того, как девушке удалили часть лопатки, рука утратила всякую подвижность, а пересадка кости, к сожалению, не удалась.

Убитые горем отец и дочь отправляются в Сан-Джованни-Ротондо. Падре Пио их принимает, даёт благословение и объявляет: «Главное — не отчаиваться! Положитесь на Господа! Рука выздоровеет».

В последних числах июля 1930 г. больная возвращается в Болонью без каких-либо признаков улучшения. Значит, падре Пио ошибся! Они больше не думают о его словах. Так проходят месяцы.

17 сентября, в день стигматов святого Франциска, «вся квартира Маркетти вдруг наполняется чудесным запахом нарцисса-жонкиля и роз». Это длится «при-

мерно четверть часа», к великому изумлению жильцов, тщетно ищущих источник этих ароматов. С этого дня девушка начинает пользоваться правой рукой. На рентгенограмме, которую она хранит как величайшую драгоценность, кости и хрящи — «как новенькие».

Этих случаев столько, что не знаешь, какой и выбрать — глаза разбегаются. Духовные сыновья и дочери падре Пио могли бы многое рассказать, если бы святое послушание не опечатаło их уст. Но зато есть паломники, побывавшие там проездом, и те, кого он неожиданно осчастливил такой благодатью, и вот они говорят о нем не стесняясь, иногда даже слишком громко.

Жительницы Сан-Джованни-Ротондо оспаривают друг у друга честь стирать монастырское белье, ибо, как говорят они мне простодушно, «все, к чему прикасается падре Пио, пахнет так хорошо», что «даже все остальное начинает благоухать».

Любопытно, что «благоухания» падре Пио напоминают «благоухания» преподобной Бенедикты Ранкюрьель из Ло. Так она при жизни предупреждала великих грешников. После её смерти прекрасное чудо продолжается почти три столетия. «Мы никогда не кладем цветов на алтари, — сказал мне два года назад отец-ректор, — чтобы не создавать путаницы».

Как в Ло¹, так и в Сан-Джованни-Ротондо меня, к счастью, заверили, что восприимчивость к этим таинственным ароматам не является критерием чистоты совести — ибо, к моему великому сожалению, несмотря на довольно тонкое обоняние, мне так и не удалось ощутить ничего сверхъестественного. «Что вы хотите, дочь моя, — сказал мне отец Х., лукаво улыбаясь, — там, наверху, умеют экономить и не любят расточать харизмы как попало». Добавим тут же, что он тоже страдает от невосприимчивого обоняния.

¹ Туда надо ехать через Ган (департамент Высокие Альпы). Крупный центр паломничества к Богородице.

ГЛАВА XII

Трофеи падре Пио. «Бог верит в тебя». «Генуэзец, у тебя грязное лицо». Разоблаченный шофер. «Что вы обещали своему папе?» Трубочист Джованнини проходит впереди монарха. Никаких привилегий! Приоритет — блудным сыновьям. Обращение Альберто дель Фанте. Сражения с интеллектуалами. Падре Пио и дети. Доктор-атеист. Как наказывают святые.

Верные своей цели, мы будем стараться выбирать из дел и поступков падре Пио преимущественно те, которые обрисовывают его характер и помогут нам разглядеть его лицо.

Благодать, получаемая им свыше — мы не устанем это повторять — всегда служит его апостолату. Через посредство больных и расслабленных тел он получает души. Самые великолепные его трофеи происходят из исповедальни.

Но все эти блистательные победы готовятся в повседневной работе. И тут его путь усыпан харизмами.

Меткие ответы, остроумные выпады, полные здравого смысла и местного колорита. Благодать эта отнюдь не исчезает бесследно, она пускает корни и приводит к самому пышному расцвету всего, что отпущено природой. Было бы верхом наивности считать, что это его единственная приманка! В осаждающей его денно и нощно толпе мало кто испытал на себе благотворную силу его чудес, что нисколько не останавливает и не обескураживает остальных. Чего они так страстно ищут? Гораздо больше, чем его ощутимые «ароматы», им нужен исходящий от него «аромат святости», который не щекочет ноздрей, зато опьяняет души. Своим безошибочным чутьём, приобретённым благодаря благодати, полученной ещё при крещении, народ Божий узнает в служителях Христа сходство с Учителем. Падре Пио привлекает к себе толпы Тем, Кто живёт в нём в гораздо большей степени, чем он сам живёт в себе.

Таким образом, его характер лучше всего обрисовывается обращениями.

Не подумайте только, что он гоняется за лёгкой добычей. Внимательный анализ свидетельств убеждает нас скорее в обратном.

Франкмассоны. Протестанты. Теософы. Марксисты. Спириты. Воинствующие безбожники. Развратники-извращенцы. Убийцы. Аферисты. Куртизанки. Фигляры. Одержимые. Висельники... Скорее можно ска-

зять, что он специализируется на трудных случаях, пренебрегая мелочью!

Почти всегда великих грешников привлекает к нему с другого края света «реклама» его стигматов. Мы уже видели тому примеры. Возьмём ещё несколько характерных случаев, из числа первых попавшихся.

Вот клюнула большая рыба. Вот она уже трепыхается на крючке. Опытный рыболов, падре Пио подсекает её; зачастую, чтобы нанести ей последний удар¹, достаточно одного слова, вонзающегося, как жало.

— Падре, я не верю в Бога!

— Зато Бог верит в тебя, сын мой.

Попробуйте не пошатнуться, когда перед вами приоткрывается такая бездна!

— Падре, я слишком много грешил, у меня нет больше надежды!

— Бог неустанно преследует самые упрямые души, сын мой: ты слишком дорого Ему обошелся, чтобы Он от тебя отказался.

Некто, пришедший из любопытства, прячется за спинами верующих, собравшихся в ризнице. Едва войдя, падре Пио его обнаруживает.

¹В оригинале непереводаемая игра слов: *coup de grâce* — «последний удар» и «удар благодати». — Прим. пер.

— *Genovese*, — кричит он ему через головы собравшихся, — *Genovese, tu hai la faccia sporca!* Генуэзец, у тебя грязное лицо! Ты живёшь у моря, и не можешь умыться?

Можно представить, как обомлел бедняга. Естественно, все взгляды обращаются к нему. Падре Пио не выпускает добычи:

— Барка твоя крепка, — говорит он, — только у руля никого нет.

Разумеется, инцидент закончился обращением.

Некоторым паломникам он отказывает в причастии. Они могут преклонять колена у стола Господня хоть три раза подряд, хоть пять, десять — он проходит мимо. Одному человеку, прошедшему за ним в ризницу, он сказал:

— Уходи, женись на женщине, с которой ты живёшь, и тогда возвращайся!

Водитель большого междугородного автобуса рассказывает всем, кому не лень, о своей «исповеди» у падре Пио. По правде сказать, он вовсе не собирался исповедоваться! Когда его группа подошла к падре, он отошел в сторону и принялся было терпеливо ждать, когда они кончат, как вдруг падре сделал ему знак:

— А ты, *figliuolo* (сынок)? Ты даже не просишь благословения?

Шофер неуклюже преклонил колено:

— Ну-ка, что ты натворил?

Шофер был славный человек и не чувствовал за собой никакого греха.

— Ничего, падре. Я исповедовался недавно и был на мессе в Монте-Гаргано с этими господами.

— А потом?

— Мы купили реликвии.

— Но богохульствовал ты не из-за святых изображений, а из-за того, что едят (*queste cose che si mangiano*).

Шофер так и разинул рот. В Монте-Анджело он хотел дать своим пассажирам попробовать местное хрустящее печенье, и когда оказалось, что печенья на всех не хватит, с губ шофера сорвалось ругательство.

Падре Пио безжалостно продолжал:

— А ещё ты поносил этого славного извозчика, который не держался правой стороны. Это хорошо, потвоему?

Бедняга не знал, куда деться. Падре Пио «всё видел».

Честным словом шутить нельзя, он этого не любит! В один прекрасный день две только что приехавших девочки хотели (как многие другие) поцеловать ему руки. Падре Пио спрятал их за спиной.

— Ну-ка, — спросил он, — что вы обещали своему папе?

Девочки покраснели. В самом деле, они выклянчили у своего отца, инженера, разрешение съездить посмотреть на падре Пио при одном условии — «что они не будут прикасаться к его рукам, покрытым язвами туберкулезного происхождения». Мы могли бы и не добавлять, что этот случай произвел в семье фурор и что дети притащили к падре Пио и своего отца.

Своим духовным сыновьям падре Пио спуску не даёт: когда они кротко постанывают от его строгости, он парирует со смехом:

— *Mazzate e panelli fano li figli belli* (Взбучки и булочки детям на пользу).

Это не значит, что он поощряет неумеренное самостязание. Одной особе, слишком увлекавшейся самобичеванием, он сказал: «Послушай, дочь моя! Если ты будешь дурно обращаться со своим «братцем ослом»*, то кто тебя повезет? Если ты его забьёшь насмерть, без него ты и шагу ступить не сможешь... Держи его в узде, но знай же меру...» Он всегда проповедует разумную сдержанность.

* «Братец осёл» — так св. Франциск Ассизский называл своё тело.

«Я разрешаю вам неумеренность только в одном, — говорит он, — в святой любви». Тут нет никаких пределов, нет и опасения перейти меру! Ибо «милосердие — царица всех добродетелей. Как в ожерелье нить соединяет все жемчужины, так и в духовной жизни любовь объединяет все добродетели. Если нить оборвать, жемчуг рассыплется; где нет любви, добродетели рассыпаются и меркнут».

Всем в Сан-Джованни-Ротондо известно, что падре Пио не делает исключений ни для кого. Титулы, почести, звания, почётные должности, деньги и гербы не имеют в его глазах никакой ценности — перед святым судом душа предстает голой. Если он и отдаёт кому-нибудь предпочтение, так это великим грешникам. Он говорит, что первые часто оказываются последними.

На этот счёт в Сан-Джованни-Ротондо рассказывают одну забавную историю.

В городке великое волнение. Ожидается прибытие одного из этих свергнутых монархов, путешествующих по всему свету, которыми с некоторых пор кишит Европа. Простой народ провожает его до самой церкви. Естественно, вышеуказанный монарх желает видеть падре Пио.

Между тем, падре несколько не беспокоится и никуда не спешит. На чуточку взволнованные вопросы он отвечает:

— Сейчас очередь Джованнинио.

И трубочист Джованнино проходит впереди монарха.

Монарх задет за живое, встреча получается короткой, он благоразумно уклоняется от исповеди.

— Падре, — спрашивает после его ухода один из духовных сыновей, — как вы могли так унижить человека?

— Какое тут унижение, — парирует падре Пио, — разве право на корону украшает душу? Джованнино черен снаружи и бел внутри, а этот человек снаружи бел, а душа у него черным-черна...

К этому он добавил: «Перед судом Божиим все равны! Если у кого больше прав, чем у других, так это у блудного сына...»

При условии, что он признаёт себя таковым и говорит: «Грешен». Чтобы добыть у него это признание, каких только чудес стратегии не применяет бдительное милосердие! Через какие чащи и пустыни бежит небесная Гончая по следу своей добычи! И вот добыча наконец загнана — потеряв дыхание, она склоняется перед решеткой исповедальни. Падре Пио встречает её с распростертыми объятиями:

— Милосердие Божие, — говорит он, — бесконечно превышает твоё зло, дитя моё!

И по его святым рукам уже струится кровь его Господа, готовая смыть всякую грязь, ставшую явной после признания. Подобно Арсу, Сан-Джованни-Ротондо

— это кузница, в которой куются великие возвращения. Радость, которой светятся лица паломников, рождается в исповедальне из умиротворенных сердец.

Большинство из них, пришедших издалека, хранит свои тайны. Некоторые же, переполненные благодарностью, свидетельствуют. Мы слушали их после церкви, по дороге, в *osterie* (гостиницах)! Чтобы придать своим словам больше веса, они излагают свои свидетельства в письменном виде, оставляя своё имя и адрес. «Для истории, — говорит Альберто дель Фанте, официальный летописец Сан-Джованни-Ротондо, опубликовавший толстенный том под таким названием, переполненный надлежащим образом проверенными свидетельствами. «Церковь разберётся, — скромно говорит автор, — наш долг — дать ей факты, подкрепленные доказательствами. Мы не можем предпринимать её приговора, но не сообщать ей о них было бы тяжким грехом небрежения».

Все писавшие о падре Пио грабят Альберто дель Фанте самым бессовестным образом, без каких-либо ссылок. Некоторые книги, вышедшие за границей, представляют собой ни что иное, как простой пересказ этого драгоценного документа. Тем более мы должны отметить, скольким мы ему обязаны. Тщательный опрос духовных сыновей падре Пио привёл нас к выводу, что дель Фанте отнесся к своей задаче с величайшей добросовестностью. Если ему порой недостает

критического отношения к материалу — он ведь старается записать все свидетельства, хоть сколько-нибудь похожие на правду, — это чрезмерное изобилие сведений наносит падре Пио меньший вред, чем некоторые его слишком пылкие поклонники. В истории всякая правда обрамлена легендами, которые трудно от неё отличить; легенды зависят от умонастроения того, кто отбирает материал. Тут многое зависит от суда, в который все это поступает. *Quidquid recipitur...* — «Всё воспринимается по способности воспринимающего». Тем не менее, при осторожном отборе материала мы легко можем найти в книге Альберто дель Фанте, дышащей нежнейшей сыновней привязанностью, свидетельства первостепенной важности, полученные из первых рук. Вот некоторые из них, из числа первых попавшихся под руку, проверенные на месте и нашедшие подтверждение из уст духовных детей падре Пио. Во избежание всяких недоразумений, я ссылаюсь на книгу Альберто дель Фанте, как на единственный печатный источник.

Сам дель Фанте — один из великолепных трофеев падре Пио. Как и многие другие, он начал с борьбы против падре — в серии воинственных статей, появившихся в *Italia laica* («Италия мирян»), в которых он называет носящего стигматы капуцина «мистификатором», «шарлатаном» и «мошенником», «злоупотребляющим невежеством наивной, легковерной толпы».

Ответ сил небесных не заставил себя ждать, в виде — чего бы вы думали? — разительного и «неопровержимого» исцеления одного из его племянников, неизлечимо больного. Просто один из его друзей обратился без его ведома к «обманщику» из Сан-Джованни-Ротондо, и через двадцать четыре часа молодой человек выздоровел, к величайшему изумлению врачей.

Заинтригованный Альберто дель Фанте решает съездить и посмотреть на этого странного чудотворца собственными глазами. Для большей ясности он изо дня в день записывает все свои впечатления. «Мистификатор или святой?» — спрашивает он себя, прибыв в Сан-Джованни-Ротондо. Падре Пио показался ему «посредственностью», он чувствует сильнейшее желание противопоставить ему себя.

«Я исповедался — без веры, без энтузиазма, как исповедался бы любому другому священнику. Одно меня поразило. Этот человек знал мои грехи. Прежде всего, он сказал мне, что я принадлежу «к обществу, признающему Бога, но не любящему Его служителей». Допустим, он догадался о том, что я франкмасон, по тому, как я говорю! Мы долго говорили о философии, ставящей на место веры совесть. Перед нами прошли парадом святой Августин, Спиноза, Декарт, Стюарт Милль, Спенсер, Дарвин и современные философы.

В заключение я сказал ему: «Что касается меня, отец мой, я всегда старался направлять все свои по-

ступки к добру, и если животное иной раз торжествовало над человеком, очень скоро совесть подсказывала мне: "делай то-то, не делай того-то..." У меня никогда не было веры, что не мешало мне быть честным человеком».

— Честным? — ответил падре, — Честным? А вспомни-ка то-то и то-то...

И он рассказал мне о таких вещах, о которых он не мог ничего знать.

Чтобы очистить авгиевы конюшни, требуется время! В своём вахтенном журнале Альберто дель Фанте смиренно записывает последовательные этапы своего обращения. «Я боролся и плакал от бешенства...» Наконец, он сдался, причём, будучи натурой цельной, сдался раз и навсегда.

Уезжая, он попросил падре молиться за его молодую жену, которая в то время была беременна:

— Конечно, конечно, — сказал падре Пио, — Господь сказал: «Плодитесь и размножайтесь»! Он любит тех, кто творит (*Dio ama chi crea*).

И вдруг спросил:

— А есть у твоей жены молоко для *piccina* (малышки)?

— Но я как раз об этом и хотел просить вас! — ответил изумленный журналист.

— Молоко у неё будет, — сказал падре, — именно так мать должна кормить своё дитя, тем более, что двух последних вы отдавали в семью кормилицы!

Тяжело и неуверенно ступая, он направился в ризницу, а дель Фанте так и остался стоять, разинув рот. Откуда падре Пио знал эти подробности? Как бы там ни было, его предсказание сбылось в точности.

Так значит, падре Пио умеет говорить с интеллектуалами и не боится современных философов? Вот уж, действительно, не совсем обычно для скромного монаха. Сколько раз ему приходилось в исповедальне опровергать возражения, разрушать барьеры, снимать противоречия! Его харизмы не чужаются разума. Сан-Джованни-Ротондо вовсе не царство «блаженненьких», в чем хотели бы нас уверить некоторые — туда со всех сторон стекаются профессора, художники, писатели, философы, интеллектуалы, ищущие веры.

Один из них, Феруччи Каонетти, знаменитый воинствующий материалист, пишет:

«На горе Гаргано я встретил Учителя. Он принял меня с радостью, с улыбкой выслушал рассказ о моих затруднениях и сомнениях, затем очень простыми, но неизмеримо глубокими словами одно за другим разрушил все возражения, переполнявшие мою бедную голову, один за другим отвел все мои аргументы, раздел мою душу догола и, показав мне учение Господа на-

шего, отверз глаза моего разума — я увидел свет; он коснулся моего сердца — я уверовал».

Эти несколько строк, дрожащих от волнения, чудесно передают нам развязку драмы неверующего. Падре Пио — не харизматический фокусник, устраняющий трудности мановеньем руки и прячущий их у вас под носом. Если под конец он заставляет бунтующего интеллектуала, чья совесть для него — раскрытая книга, прислушаться к своим доводам, то это потому, что он бесконечно терпеливо и безукоризненно вежливо рассматривает те жалкие препятствия, которые загромождают его разум. Иначе разве имел бы он такую аудиторию в университетских кругах?

И тем не менее, именно университетскому преподавателю он сказал: «В книгах ищут Бога. В молитве — находят».

Некоторые факты, сообщаемые Альберто дель Фанте, показывают падре Пио в мало известном облике: не столько как чудотворца, сколько как «отца душ», бесконечно нежного и человеческого, всегда готового прийти на помощь.

Крайне строгий ко всякому греху «против жизни и природы», он ревниво печется о святости христианского брака, снова и снова выступая в защиту рожениц

и младенцев, во имя милосердия. В этом отношении его авторитет в тех краях непоколебим. Все молодожёны приходят к нему за благословением. Все малыши проходят через его руки. Его часто просят выбрать имя для ребёнка. Падре Пио охотно соглашается. Однажды к нему в ризницу входит бригадир карабинеров.

— Падре, моя жена в положении! Как нам назвать ребёнка?

— *Chiamalo Pio*, — говорит падре, — назовите его Пио.

Бригадир в восторге — это как раз то, чего он хотел, — но у него ещё один вопрос:

— А если девочка?

— Назовите его Пио. Но detto — я сказал! — отрезал падре тоном, не допускающим возражений.

И родился мальчик.

Через два года тот же бригадир снова стучится в двери монастыря.

— Падре, моя жена ждёт ребёнка! Дайте ему имя.

— Назовите его Франческо, — говорит падре Пио.

Бригадир робко протестует:

— Но падре, раз на раз не приходится, у меня же не серийное производство! Может быть, это будет девочка.

— Маловер! — вскричал падре Пио.

И родился ещё один мальчик.

Что ж удивительного, если этот славный бригадир клянётся именем падре Пио! Было время, он его поносил. Затем, как и многие другие, пошёл взглянуть на него. Падре Пио дал ему нагоняй:

— Что же ты распускаешь обо мне всякие небылицы, а меня самого и в глаза не видел? Сперва посмотри, а потом говори!

Бригадир опешил, забормотал извинения, посмотрел и был покорён.

Занятная фигура в окружении падре Пио, этот славный бригадир! Ему поручена деликатная миссия, и он блестяще с ней справляется. Некогда его предшественники разыскивали некоего Франческо Форджоне. А теперь он стоит на часах при падре Пио, чтобы его никто не украл. Ибо, хоть он и бригадир, его местный патриотизм — такой же, как у всех добрых людей, населяющих Гаргано. Если у тебя есть святой — *tagari*, его надо охранять!

Естественно, падре Пио любит детей, и те отвечают ему взаимностью. Сколько раз он приближал день их первого причастия! «Надо, чтобы Иисус входил в их сердечки до того, как туда войдет зло», — имеет он обыкновение говорить.

Все малыши наделены чуткими антеннами: они «чувствуют» то, чего взрослые зачастую не замечают — влечение к Богу в широко распахнутом Ему навстречу

сердцу, запах святости, иногда явственный. «Что это так хорошо пахнет?» — спрашивал один трёхлетний мальчик у своего отца, когда тот знакомил его с падре Пио. А одна шестилетняя девочка нашла такой красивый ответ: «Падре Пио как будто живёт в цветах».

В этих краях всем известно чудесное происшествие, случившееся с маленькой Джеммой ди Джорджи: она была слепорожденной, у неё не было зрачков; она внезапно обрела зрение — но не зрачки — после того, как приняла причастие из рук падре Пио, 18 июня 1947 г.

Это был вызов науке. Через четыре месяца после чуда ребёнка тщательно осмотрел знаменитый окулист из Перуджи, д-р Караматца, и пришел к заключению, что видеть она не может.

А девочка кончила школу, и зрение у неё и сейчас превосходное. Она часто приезжает со своей бабушкой в Сан-Джованни-Ротондо. Падре Пио качает головой: «Не впутывайте меня в это дело, добрые люди! Это не я, это Мадонна!»

— Но ведь нужно было еще, чтобы об этом её попросили вы, падре, — ответил ему один здравомыслящий человек.

Милости Мадонны делле Грации через посредство её верного рыцаря, падре Пио, достаются не только чужакам! Всем известно происшествие с д-ром Франческо Риччарди, воинствующим безбожником, на про-

тяжении многих лет ведущим клеветническую кампанию против религии и против «стигматизированного капуцина». У него был хороший наблюдательный пункт, у этого доктора — он жил в двух шагах от монастыря, в самом Сан-Джованни, в непосредственной близости от этого очага обскурантизма, этой фабрики шарлатанов! Он собирал влиятельных граждан городка и взывал к их разуму. Размахивая выводами науки, он громил ими *frati* столь успешно, что снискал себе честь стать организатором мощной оппозиции.

Падре Пио молчал и страдал.

Так прошли годы, и наконец настал час возмездия. Друзья Господа мстят очень своеобразно. Вот пример.

Доктор заболел. Коллеги единогласно поставили диагноз: рак желудка. Оперировать поздно! В один прекрасный день по городку прошла новость: д-р Риччарди умирает.

А в тех краях его любили, хоть он и был атеистом: он лечил бедняков бесплатно, у него было щедрое сердце. Отовсюду сбежались крестьяне и молились на коленях прямо на улице, чтобы он примирился с Богом.

Приходской священник, дон Джузеппе Принчипе, собрал всё своё мужество и пошёл к умирающему.

— *Non voglio preti!* (Не хочу священников!) — в бешенстве завопил тот, и для пущей убедительности запустил шлепанцем прямо в лицо священнику.

Дон Джузеппе, нисколько не растерявшись, настаивал.

— Оставьте меня в покое, — кричал больной. — Только падре Пио мог бы меня исповедать. Но я слишком его оскорблял, чтобы он пришел. Впрочем, он не может отлучаться из монастыря. Значит, я умру так, как жил. Довольно!

Кто-то побежал сказать падре Пио. Тот пошёл в церковь, взял масло, всё, что нужно для последнего причастия и соборования и, ковыляя на своих пронзённых ногах, побежал к доктору... Какая это была сцена, мне рассказали очевидцы. Мелкий снег сыпал на спины простершихся перед домом людей и на падре, совершенно растворившегося в Боге, Который был в его сердце. Что это был за диалог? Какой договор они заключили? Войдя в дом, падре Пио сразу широко распахнул объятия и улыбнулся так, как умел улыбаться только он один — совершенно по-детски. Старый безбожник изумленно уставился на него и просветлел лицом: «Простите меня, падре Пио».

Исповедавшись, получив прощение и соборовавшись, он вполне мог умереть спокойно, но тогда «мечь» не была бы столь прекрасной, и Бог, по просьбе падре Пио, решил по-другому. Через три дня он выздоровел. Рак прошел бесследно. Поменяв кожу снаружи и внутри, старый боец перешел на другую сторону фронта и принялся громить противников падре Пио.

Кто в Апулии не знает этой чудесной истории о докторе Риччарди, о его смелых выходках и эксцессах и о его золотом сердце!

ГЛАВА XIII

Профессия чудотворца — палка о двух концах. Самые прекрасные чудеса падре Пио. «Бога благодарю, а не меня!» Платок, мокрый от слёз. Операция без анестезии. «За души надо платить». У изголовья умирающей матери. Падре Пио чтит врачей. Скальпели, окруженные молитвой. Небо приходит на помощь. Импро-визированное справочное бюро.

— Падре, о падре, *fatemi questa grazia*, сделайте такую милость! Вы все можете!

Падре Пио резко поворачивается к умоляющей его женщине и с возмущением отвечает:

— Словом, дочь моя, ты хочешь сказать, что я отъявленный мерзавец. Если я могу всё и не делаю того, что могу, значит, я — *una canaglia!* (мерзавец).

Надо признать, это логично! Осаждаемый со всех сторон, раздираемый на части просьбами, падре Пио яростно отбивается от этой приписываемой ему спо-

способности — творить чудеса по своей воле. Конечно, Богу не так-то легко отказывать, когда у Него просит этот человек, отмеченный ранами Его Сына. Но раны эти означают совсем другое: полное, твердое *Fiat*^{*}, абсолютное тождество воли человека с неисповедимой волей его Бога.

Раз Бог позволяет Своим друзьям нарушать законы природы, значит, это нужно для спасения душ, значит, на то Его добрая воля. Чудо всегда направлено на благо души.

Однако когда в порядок вещей вдруг вторгается чудо, оно может оказаться и поддельным. Церковь знает, как надо остерегаться лжечудес, которыми князь мира сего пользуется, чтобы морочить людей. Она это знает, потому что Господь её предостерег. Вот почему она проявляет крайнюю сдержанность по отношению к чудотворцам. Власть, которой они располагают, принадлежит не им, а за кулисами истории есть некто, с неистовым упорством старающийся смешать им карты, притом обладающий ангельской властью над природой. За истинные чудеса приходится расплачиваться вереницей ляпсусов, запутывающих и искажающих понятие чуда. Думаете, «коварный искусник», *maligno fabro*, не интересуется актами спасе-

^{*}«Да будет» (лат.): начальное слово фразы: *Fiat mihi secundum verbum tuum* — «Да будет Мне по слову твоему» (слова Пресвятой Богородицы Архангелу Гавриилу, Лк 1,38).

ния, свидетелем которых была скромная исповедальная падре Пио? Если по молитве падре Пио, не желавшего причинять неудобства своим собратьям, нечистый прекратил свои ночные сарабанды и изменил тактику, есть все основания полагать, что он постарается отыгаться на чем-нибудь другом.

Что может быть проще, чем приписать носящему стигматы капуцину чудеса собственного изготовления, бессмысленные и смешные? Если сатана осмелился атаковать Лурд, тем более он нападёт на Сан-Джованни-Ротондо! Иначе трудно было бы объяснить скандальную славу, окружающую в определенных кругах столь ясный облик падре Пио, равно как и те нелепые чудеса, которые ему приписывают и которыми буквально напигованы некоторые книги, эксплуатирующие его имя. Крайнее недоверие духовенства к этому священнику, сжигаемому служением, пленнику исповедальни, отданному в полную власть кающимся душам, по-видимому, вызвано этими коварными фальсификациями. Начиная эту книгу, мы не скрывали, что нам самим многое в нём претило!

Профессия чудотворца — палка о двух концах, и падре Пио знает это! Поэтому он с такой энергией укрощает слишком наивный энтузиазм. Если бы это зависело только от него, те, кто должны были бы благодарить за чудо Бога, не ошибались бы адресом! «Люди добрые, не меня надо благодарить, а Бога!»

В свидетельствах, собранных Альберто дель Фанте, на каждом шагу встречаются такие «уточнения»:

«Это Бог оказал тебе такую милость. Бога благодарю, а не меня!»

«Помолимся Мадонне делле Грации. Это Она испросила для тебя выздоровление!»

«Это Мадонна тебя исцелила! Я тут ни при чем...»

Кого-то, просившего его о чуде — и получившего — он оборвал на полуслове:

— Люди ничего не могут, сын мой.

И, подняв палец к небу, добавил:

— *Solo Quello lassù* (только Тот, Который там)! Молись неустанно. Я тоже помолюсь за тебя.

Вот ключ к его чудесам: он молится.

Как может Бог отказать в чём-нибудь тому, кто ни в чём Ему не отказывает?

Так вернем же падре Пио его подлинный, человеческий образ, гораздо более трогательный, чем та атмосфера сверхчеловеческого, которую создают вокруг него некоторые наивные почитатели!

Падре Пио молится и страдает. Всё остальное он с кротостью и благоговением препоручает Господу.

Просят ли у него милости Божией:

— Да, — отвечает он, — я помолюсь за тебя, дитя моё.

И результатом часто бывает чудо. Некоторые души так устроены, что им нужно крепкое, здоровое тело,

чтобы тащить их на буксире. Прося у Бога физическое исцеления, падре Пио заботится о душе.

Бывает и так, что в план Провидения чудо не входит. Падре Пио не настаивает. Разве он служит не величайшей Любви? Чего он достигает всегда — по крайней мере, если душа не артачится, — так это святого самоотречения, которое лучше самых эффектных чудес.

Итак, в Сан-Джованни-Ротондо никто не приезжает напрасно; это правда, но не меньшая правда и то, что о самых прекрасных чудесах падре Пио никто не знает. Мы знаем только, что ему мешает признаваться в них тайная застенчивость, как если письменное свидетельство нарушило бы Царскую тайну. Некая особа, возвращенная в Церковь падре Пио, наотрез отказала мне в разрешении опубликовать рассказ о её обращении. «Оставим это до Страшного суда, когда всё тайное станет явным», — сказала она. Бедные мы, бедные! Мы вынуждены собирать крохи, падающие с Царского стола, так пусть у нас хотя бы достанет честности признаться в этом нашим читателям!

Отец Лев, учившийся вместе с падре Пио в 1905-1906 гг., рассказывает следующее:

«За молитвой падре Пио всегда молча плакал, притом такими обильными слезами, что плитки пола на хорах вокруг него после молитвы были забрызганы.

Мы, молодежь, смеялись над ним. Тогда он завел обыкновение, преклонив колени для молитвы, расстилать перед собой большой носовой платок. После молитвы он забирал этот платок, мокрый насквозь, хоть выжми!»

Этот дар слёз — Церковь просит о нем в специальных молитвах — с тех пор никогда не покидал апостола из Сан-Джованни-Ротондо.

Мы видели, как он плакал у алтаря. Крупные слёзы скатываются по его щекам, падают на напрестольную пелену, на расшитые рукава. В исповедальне он не выпускает из рук клетчатого носового платка, и не только пот вытирает он им в эти жаркие дни.

Мы видели его раздраженным, задыхающимся, изнемогающим перед этим прибоем бурлящей грязи. Несколько раз, когда тошнота подступала ему к горлу, он взывал о пощаде: «*Basta per oggi!* (хватит на сегодня!)».

После некоторых особенно трудных исповедей его рыдания у алтаря были ещё более душераздирающими, чем обычно, град слёз усиливался.

Великие грешники видели, как «по лицу его струился пот», когда он принимал их в разгар зимы, в страшный холод.

О чём и о ком плачет падре Пио?

Один святой сказал, что если бы мы видели, как ужасен грех, мы бы умерли от отвращения. Бедные

мы! Мы привыкли, нам нисколько не противно видеть всю эту грязь, мы отлично с ней уживаемся.

Но есть среди нас люди, не смиряющиеся с грязью, не примиряющиеся со злом. Таков падре Пио — вот почему он плачет.

Он плачет над грешником, для которого его грех дороже его бесценной души. Он плачет над Кровью Господней, для стольких несчастных пролитой напрасно. Он плачет над оскверненным творением и над благодатью, пропадающей втуне. Наконец, он плачет, потому что плакал Христос.

Вот почему он не торгуется с Богом! За души надо платить. Он это знает. В любое мгновение дня и ночи он готов заплатить столько, сколько понадобится. Достигший полной зрелости души, такой степени святого самообладания, которая достигается полной уравновешенностью, падре Пио легко бы мог обмануть нас своей улыбкой, своим жизнерадостным видом. Но мы не поддадимся на обман: это человек, который когда-то потребовал, чтобы его оперировали без анестезии.

Напомним вкратце, в чем дело. Было это в 1925 г., речь шла о скверной грыже да ещё о спайках. Доктор Феста, рассказавший нам эту историю, предложил падре выпить хотя бы добрый стаканчик ликера «бенедиктин».

Падре Пио чуть пригубил и, улыбнувшись, сказал: «Чтобы не ссорились капучины с бенедиктинцами».

Операция затянулась дольше, чем рассчитывали. Падре Пио смотрел на распятие, по щекам его катились крупные слёзы, в какой-то момент он не выдержал и сказал врачам: «*Per carità* (ради милосердия), скорее! Я больше не могу!»

Но тут же взял себя в руки и, глядя на распятие, смиренно произнес:

«Прости меня, мой Боже! Никогда я не предлагал Тебе ничего стоящего, а теперь, когда Ты даёшь мне эту слабую возможность, я жалею без всякой причины! Всё это — ничто в сравнении с тем, как Ты страдал на кресте! Боже мой, прости меня!..»

Операция длилась около двух часов. Когда доктора ушли, падре Пио знаком подозвал к себе собрата по ордену и, когда тот склонился над ним, чуть слышно прошептал:

— Как вы думаете, принял Господь мою жертву за Х.?

Чудеса — для других. Для него — крест. Когда его однажды попросили помолиться о том, чтобы Господь отвел от него тяжёлое испытание, падре Пио воскликнул:

— Ни в коем случае!

Жители Сан-Джованни-Ротондо хорошо помнят смерть его матери в начале января 1930 г., то есть не

больше, чем через два месяца после чудесного исцеления д-ра Риччарди, безбожника.

Старушка жила тогда у мисс Мери Пайл, которая с такой же нежностью и преданностью смотрела до самой его кончины (в 1947 г.) и за отцом падре Пио.

Донна Джузеппа ни за что не соглашалась сменить свою крестьянскую одежду на хорошее пальто из мягкой ткани, которое от всего сердца предлагала ей её хозяйка!

Она простудилась на Рождество, во время всеобщей, которую служил её сын, и заболела воспалением легких. Вскоре она была уже при смерти.

Падре Пио пришел к её изголовью, приготовил её к смерти и окружил самой нежной заботой. Когда он протягивал больной стакан с питьём или лекарство, видно было, как по его пальцам текут струйки крови.

Какой-то врач спросил: «Вы что же, падре, не просите Бога исцелить вашу мать?»

Он поднял глаза к небу, помолчал и тихо промолвил:

— Да будет воля Господня.

Но когда Бог призвал её к себе, страдание его было нестерпимым. «Он причитал, как ребёнок, — рассказывали мне, — он все кричал: *Mamma, mamma mia!*»

Некоторых умников это шокировало. Как может этот человек, на протяжении десяти лет страдающий, как настоящий мученик, душой и телом, проявлять та-

кую скорбь? Подеста Сан-Джованни-Ротондо, Франко Моркальди, сказал ему:

— Послушайте, падре, не сами ли вы учили нас, что скорбь должна быть лишь проявлением любви и что мы должны приносить её Богу? Так почему же вы так рыдаете?

На что падре, «вдруг успокоившись», сказал:

— Это слёзы любви, только любви.

Добрые жители Монте-Гаргано помнили, как за несколько недель до того всё тот же падре Пио добился исцеления и обращения неверующего доктора!

Да, падре Пио не применяет свой дар чудотворца для самого себя, и не медикам его в этом упрекать!

Перелистывая сборник свидетельств, составленный Альберто дель Фанте, мы поражаемся настойчивости, с которой он отсылает больных... именно к врачам. С крестьянским здравомыслием соблюдает он иерархию ценностей: сперва естественные средства, а потом — что ж, посмотрим, что угодно Господу.

Уже в 1916 г. мы читаем в одном из его писем:

«Господу угодно, чтобы в том, что касается нашего физического состояния, мы как можно больше следовали советам врачей. Делайте так, и можете быть уверены, что не ошибетесь. Впрочем, даже в Священном Писании сказано, что "надо чтить врача из любви к Богу"».

Иногда ему приписывают чудеса, к которым приложили руку эскулапы. Например, слепорожденная девушка Грациэлла. Падре Пио говорит ей: «Прооперируйся». Её оперируют, она видит... Чудо падре Пио? Отдадим же предпочтение истине без прикрас: молитве, окружавшей скальпель удачной операции. Какой верующий хирург отказался бы от молитв святого в такой момент? Конечно, но «на Бога надейся, а сам не плошай». Нет на свете человека, менее склонного к квиетизму*, чем падре Пио.

Сколько раз ему приходилось сталкиваться с такими случаями! Больному может помочь только операция. Между тем, операция сложная, врачи не ручаются за успех. Что делать?

Неизменный ответ: «Прооперируйтесь — я помолюсь»¹.

Неудивительно, что у падре Пио столько хороших друзей именно в медицинских кругах.

Он всегда говорит, что думает; так вот, один только раз, причем во вполне определённых обстоятельст-

*Квиетизм — учение, согласно которому вся деятельность принадлежит Провидению. Верующему остаётся только пассивно уповать. Это учение осуждено Церковью.

¹ В некоторых случаях он просто просит отложить операцию на то время, пока он помолится. Даже Богу, создавшему время, требуется время, и в некоторых случаях отсрочка может пойти на пользу и природе, и Провидению.

вах, он отпустил остроту — в данном случае вполне заслуженную:

— Только не говори ничего твоему врачу, — сказал он внезапно выздоровевшей женщине. — Если он узнает, может случиться рецидив.

В одном падре Пио непоколебим: когда кто-то жертвует ребёнком или даже шансами его иметь. Самые прекрасные его чудеса направлены на защиту материнства. Вспомним трогательную историю Джованнино или историю мадам Абресх¹, которой он категорически запретил операцию: «*Niente ferri*».

Какой верующий врач обидится на него за напоминание о том, что есть на свете нечто большее, чем врачи?

Что до неверующих, им надо только, как Фоме Апостолу, проверить подлинность «знаков».

Падре Пио считает, что когда медицина работает на пределе своих возможностей, небо должно её поддерживать. Главным образом в таких случаях он просит и добивается удивительных исцелений. Альберто дель Фанте собрал в своей книге сорок семь случаев, надлежащим образом описанных теми, кому пошли на пользу эти чудеса, и подкрепил их описания медицински-

¹ Совершенно искаженную во французском переводе книги Ч. Мортимера Карти: получается, будто бы автор намекает (стр.139), что падре Пио разрешил м-м Абресх «рискнуть», т.е. согласиться на операцию

ми заключениями, иногда не очень любезными. Это «справочное бюро», явившееся плодом порыва человека большого сердца, когда-нибудь очень пригодится для биографии падре Пио.

Предлагаемые им документы тем более драгоценны, что люди, их подписавшие, в большинстве своём до сих пор живы, и подлинность их показаний очень легко проверить, поскольку имена их и адреса известны. Так вот, насколько мне известно, на сегодняшний день никто из них не отказался от своих слов, не было каких-либо опровержений, хотя книга вышла уже восьмым изданием. Пусть не все эти случаи представляют одинаковый интерес с медицинской точки зрения, многие из них могут соперничать с самыми чудесными исцеления Лурда. Что ж, в добрый час, сказал бы падре Пио, разве не одна и та же Мадонна их совершает? Но чтобы Она могла их совершать, ответим мы, нужна готовность принять Её милости, а готовность эта создается величайшей любовью. Есть лучи, которые улавливаются только святыми; у нас, которые ни горячи, ни холодны, эти лучи гаснут, говорила Богоматерь Екатерине Лабуре, показывая ей руки, отягчённые милостями, которых никто не просит и не догадывается попросить. Конечно, падре Пио такого упрёка не заслужил — он принадлежит к роду горячих и упорных, которых славят Евангелие. Читая перечень

этих чудес, мы не должны забывать, что он их «вырывает» молитвами и страданиями.

Итак, читателя, любопытствующего узнать всё это подробнее и точнее, мы отсылаем к книге Альберто дель Фанте. Рак, полиомиелит, менингоэнцефалит, туберкулез почек и лёгких, тиф, детский церебральный паралич, грудная жаба, паротит... не говоря уже о других болезнях с варварскими или учеными названиями — вот та скорбная основа, на которой под действием благодати расцветают эти чудеса. Между тем, в Сан-Джованни-Ротондо мне говорили сто раз, что многие «чудодейственно исцеленные» не открывают своей тайны — по разным, более или менее уважительным причинам. Некоторые — потому что не хотят называть своего имени. Другие, скажем прямо, молчат из чисто человеческой слабости. У падре Пио, увы, ещё слишком много противников, и кое-кто приходит к нему просить под покровом ночи, как Никодим, опасаясь «скомпрометировать» себя. В филиграни жизни падре Пио мы снова и снова узнаем Евангельские сюжеты.

ГЛАВА XIV

Человек, отданный на растерзание. Падре Пио в жизни общины. Его юмор. Его выходки, сбивающие с толку собеседника. «Моя дорогая Пьетрельчина!» Нашествие журналистов и кинематографистов. Фра Джерардо прибегает к силе. Питигрилли и генуэзский негодянт. «Человек без Бога — урод». Небрежность, ранящая Господа. «В следующий раз получишь звонкую оплеуху». Пост, от которого поправляются. Переодетый доминиканец удивлён. Епископ возвращается назад. «Воистину, падре Пио — человек Божий».

В 1919 г. падре Пио писал своему учителю и другу дону Каккаво:

«Здоровье моё в порядке, но я перегружен работой, ибо я исповедую весь день, а зачастую и ночью, сотни, а то и тысячи человек. У меня нет ни минутки для самого себя, но Господь очень помогает мне в моей службе».

На протяжении пятидесяти лет — всё та же программа, всё та же изнурительная жизнь — ни отдыха, ни срока. Воистину, падре Пио — узник исповедадьни.

Это не мешает ему принимать участие в жизни общины «самым примерным образом», как говорит монастырское начальство. Если его раненые ступни не позволяют ему читать молитвы на хорах вместе со всеми, он с лихвой навёрстывает упущенное, умножая часы молитв в келье. Первым встает (к половине четвертого), уходит из церкви последним. В особо важных и срочных случаях молится всю ночь напролёт.

Его раны зачастую причиняют ему невыносимые страдания. Когда его шаги становятся тяжёлыми и неуклюжими, он с улыбкой встречает сочувствующие взгляды. «Иногда мне хочется, — сказал он одному из братьев, — научиться ходить на руках. Все-таки отдых».

Он всегда в хорошем настроении. В минуты отдыха он развлекает братьев тысячью анекдотов, остроумных замечаний, даже целыми представлениями, как тот «конкурс чихов», который наверняка понравился бы святому Филиппу Нери, «Божьему паяцу», — отцы, «принимавшие парад», хохотали, как сумасшедшие.

С чисто неаполитанским остроумием падре Пио отвечает на нескромные вопросы — да так метко, что невежа так и остаётся стоять, разинув рот.

— Почему вы поступили к капуцинам? — спросила у него не в меру любопытная особа.

— Потому что мне нравятся бородатые монахи, — ответил падре Пио.

Он с ловкостью уклоняется от общения с педантами и терпеть не может, когда к нему относятся, как к гадалею. Приезжающие в Сан-Джованни-Ротондо с суетными целями всегда уезжают ни с чем. Иногда падре Пио без колебаний прикидывается дурачком.

— Что вы мне пишете по-латыни? — сказал он ученому исследователю. — Вы что же, не знаете, что мы тут говорим по-итальянски, даже по-неаполитански?

Инквизитор так и остоленел.

Но французскому священнику, аббату Бенуа из Лилля, бившемуся над важным вопросом моральной теологии, который он не осмеливался предложить никому, падре Пио написал ответ по-латыни на чистой странице из своего breviария; аббат был совершенно изумлён и восхищён, ибо «никто, кроме Бога, не мог просветить его и насчёт моих сомнений, и о том, как их разрешить», — говорил он.

Падре Пио очень любит своё наречие и с удовольствием говорит на нем со своими земляками. Одна из его духовных дочерей, родом из Пьетрельчины, рассказывала мне, что однажды ночью ей «пригрезилось», что падре Пио дал ей хорошую взбучку. Утром она по-

спешила в Сан-Джованни-Ротондо и простодушно спросила:

— Это в самом деле были вы, падре?

— А ты думала, кто? — проворчал падре Пио. — Хорошую нахлобучку я тебе дал? (*T'aggio fatta'na bona scopugliatta?*)

Он был совсем молодым, когда предсказал, что в его «дорогой Пьетрельчине» будет воздвигнут монастырь. Уже несколько лет, как, благодаря пожертвованию мисс Мери Пайл, этот монастырь существует, причем на том самом месте, которое когда-то указал падре, и «бородатые монахи» разносят по всему краю весть любви и мира. Падре Пио не может туда приехать, но при каждой новости о его родном городке сердце его вздрагивает. Обнаружив, что в Пьетрельчине не хватает воды, архитекторы было растерялись, но потом принесли падре Пио план Пьетрельчины. Он не задумываясь ткнул пальцем туда, где следует копать. Все кричали о чуде, но в сущности, тут нет ничего, что превышает возможности хорошего искателя родников. Падре Пио помнил каждую пядь этой местности и при случае вполне мог положиться на свою интуицию или опыт.

Как бы то ни было, в Пьетрельчине есть вода, и единственный колодец, не пересыхающий во время засухи, — это монастырский колодец.

Когда кто-нибудь из его друзей приходит к нему, чтобы рассказать что-нибудь о Пьетрельчине, падре Пио слушает с жадностью, глаза его наполняются слезами, и он говорит со вздохом:

— *O mia cara Pietrelcina!* (О моя дорогая Пьетрельчина!)

Этот крик сердца, столь по-человечески понятный, делает его нам особенно близким и симпатичным. Если человек теряет корни, то не от любви к Богу, и в Царстве Отца небесного нет ни святых без родины, ни святых без плоти...

Даже его юмор сильно отдаёт местным колоритом. Однажды один заплаканный отец привел к нему дочь в последней стадии туберкулеза. Не успел отец войти в ризницу, как падре Пио обернулся к ним и сказал:

— Это ты, Мария Пеннизи, больная? Ты ошибаешься, дочь моя. Ты здоровее меня.

И он положил руку ей на плечо.

Синьор Пеннизи, изумленный и восхищенный, пробормотал что-то нечленораздельное.

— Хорошо, хорошо, — улыбнулся падре Пио, — *ci penso io* (я этим займусь).

На другой день девушка почувствовала себя здоровой. Они с отцом пошли поблагодарить падре Пио и попрощаться с ним.

— Э, нет, — сказал он, — тебе надо остаться ещё на неделю. Не забывай, что от хозяйского глаза лошадка жиреет — *l'occhio del padrone ingrassa il cavallo*.

Думал ли святой о физическом здоровье девушки или о её душе? Не сомневаюсь, что второе для падре Пио важнее первого.

Подальше от любопытных и... журналистов!

Чутье никогда не подводит падре Пио — он разоблачает их корыстные намерения и мигом их выпроваживает.

— Вы проделали такую долгую дорогу только для того, чтобы увидеть меня? — сказал он Орио Вергани, репортеру *Corriere della Sera*. — Стоило трудиться! Что у вас в Милане, молитвенников нет? Благослови вас Бог. Одна *Ave Maria* полезнее всего этого путешествия, сын мой...

Уж эти мне навязчивые посторонние! Мы столкнулись с ними с первых же страниц этой книги. Несмотря на все уплотняющийся «фильтр», состоящий из телохранителей падре, некоторые всё-таки умудряются просочиться, особенно кинематографисты. Незадолго до меня в Сан-Джованни-Ротондо попытались счастья какие-то американцы. Брат-ризничий пытался было им кротко объяснить, что «падре Пио не голливудская звезда», но они, казалось, не поняли, и ему пришлось

прибегнуть к силе — как он сказал, к «общедоступному языку».

В некоторые дни Сан-Джованни-Ротондо весьма напоминает Вавилонскую башню, и отцам-капуцинам приходится жарко. Они не владеют даром говорить на языках, и... как же объясняться со всеми этими иностранцами? Падре Антонию в таких случаях не теряется; однажды он был сильно удивлен, видя, как озадачен француз, которому он настойчиво повторял:

— Вы можете доказать снова в повери... в повери...

Оказывается, это была просто-напросто переделанная на французский лад итальянская фраза:

«*Puo provare di nuovo nel poveriggio*» — «Попробуйте ещё раз во второй половине дня»...*

Когда Питигрилли приехал инкогнито в Сан-Джованни-Ротондо и, стоя в толпе паломников, принялся в упор разглядывать падре Пио, тот вдруг сказал:

— Сегодня среди вас есть очень большой грешник.

Это произвело огромное впечатление на блестящего писателя — того буквально «вывернуло наизнанку»; с тех пор он храбро вступил, как подобает доброму

*Итальянское *provare* («пробовать») и французское *prouver* («доказывать») происходят от одного и того же латинского корня *probare*.

блудному сыну, на путь возврата, ведущий в дом Отца.

В своей автобиографической книге *Pitigrilli parla di Pitigrilli** он приписывает своё обращение падре Пио да Пьетрельчина и «новой Таис», Еве Лавальер**.

Если падре Пио может доказать своё алиби касательно чуда, он только рад. Один человек пересказал мне обрывок диалога, которому сам был невольным свидетелем.

Некий паломник, приехавший издалека, чтобы просить великого чудотворца об исцелении, прибыв в Фоджу, с изумлением заметил, что его злокачественная опухоль попросту исчезла.

Обезумев от радости, он устремился в Сан-Джованни-Ротондо и, представ перед падре Пио, рассыпался в благодарностях.

— Послушай, сын мой, — сказал падре, снисходительно улыбаясь, — если ты выздоровел в Фодже, за-

* «Питигрилли говорит о Питигрилли» (ит.).

** *Таис* — св. Таисия Египетская (V в.), раскаявшаяся ещё в молодости куртизанка, проведшая остаток жизни в суровом покаянии; *Ева Лавальер* — сценический псевдоним Евгении Марии Паскалины Фенольо (Eugénie Marie Pascaline Fénoglio) (1866-1929), известной французской актрисы, обратившейся в 1917 г. и ведшей после этого насыщенную духовную жизнь.

чем же ты ехал ещё сорок километров? Возвращайся домой и благодари Господа! Я тут ни при чем.

— Но вы молились за меня! — вскричал исцеленный.

— Конечно, молился.

— Тогда я знаю, что мне об этом думать, — отрезал паломник.

Однако, чтобы не прогневать падре Пио, он оставил свои выводы при себе.

В некоторых случаях падре Пио сам задерживает слишком спешащих путешественников. Например, один негоциант едет из Генуи в Фоджу, чтобы заключить контракт на покупку купороса. Его друг просит его заодно съездить в Сан-Джованни-Ротондо и передать письмо падре Пио да Пьетрельчина. Естественно, это уловка; по своей воле негоциант никогда не поехал бы к *frate!*

После пятидесяти двух часов утомительного путешествия он приезжает в монастырь в убийственном настроении.

— Вот вам письмо для падре Пио, — говорит он брату-привратнику. — Ответ нужен срочно, я спешу.

Брат улыбается:

— У нас торопиться не следует. Это дом терпения. Я передам ваше письмо. Подождите в ризнице.

И дверь захлопнулась.

Негоциант был вне себя. Видя его в таком состоянии, не знающего, как быть, какой-то молодой артиллерийский офицер, слышавший их разговор, любезно предложил проводить его в ризницу. Негоциант последовал за ним, но хотелось ему только одного: как можно скорее покончить с этим скучным делом и уехать.

С первого взгляда падре Пио не произвел на него ровно никакого впечатления. «Священник как священник», — подумал он с раздражением.

Но вот этот священник поворачивается к нему и смотрит на него в упор:

— А тебе что надо?

— Мне нужен ответ на письмо, которое вам передали.

— Ладно! А тебе самому? Ты хочешь исповедаться?

— Я давно это бросил.

— Как давно ты не исповедовался?

— С семилетнего возраста.

Падре Пио пристально на него посмотрел.

— Так когда же, — сказал он, чеканя каждое слово, — когда ты перестанешь вести эту мерзкую жизнь?

В какую-то секунду этот торопившийся посетитель чувствует, что с него спала маска. Он сам мне буквально так и сказал. Он, не желавший задержаться и на один день — он остаётся на неделю, чтобы как следует прочувствовать радость возвращенной невинности. Ибо падре Пио, естественно, исповедует его, от-

пускает грехи, приглашает на мессу, даёт ему причастие.

«Я, сорок пять лет не ступавший в церковь ни ногой, разве что полюбоваться произведениями искусства, я, скептик и атеист, не променял бы этой утренней службы на все золото мира. Я не смею анализировать ни этой новой чудесной силы, вдруг наполнившей все моё существо, ни этого света, вдруг озарившего мой разум.

Выйдя из церкви, я почувствовал такую легкость, такое счастье, как никогда в жизни. Всем существом я потянулся к добру».

Он заключил свой рассказ такими словами (он убеждён в их правдивости из собственного опыта): «Человек без Бога — урод».

Будучи прежде всего священником, падре Пио наделён особой благодатью по отношению к священникам.

Они приезжают в большом числе, особенно из-за рубежа, ибо в Италии до сих пор сохранились странные предубеждения, и что они здесь находят, сказал мне один из них, так это более глубокое понимание сана и горячую любовь к душам ближних.

«После того, как я побывал на мессе падре Пио, — сказал мне отец Х., — я никогда не осмелюсь служить мессу спустя рукава».

А один английский священник сказал: «Во мне всё задрожало, когда я услышал, как после целого дня, проведенного в исповедальне, он сказал:

— О, эти души! Если бы кто знал, во что они обходятся!»

Тем, кто не верят ему, падре Пио умеет отвечать в свойственной ему манере, когда они к нему обращаются, будь то непосредственно или на расстоянии.

Некий паломник, не признающий других авторитетов, кроме падре Пио, отправляется в Сан-Джованни-Ротондо. Его приходской священник, которого раздражает такое рвение, решает задать святому капуцину трудный вопрос, что называется «на засыпку». И вот, он даёт паломнику запечатанное письмо и просит привести ответ.

Падре Пио принимает синьора Х. вместе со всей группой, тот ещё не улучил минутки, чтобы подступиться к падре, как вдруг падре сам обращается к нему:

— Достань письмо, которое у тебя в кармане, и пиши на конверте ответ.

Когда, вернувшись в свои края, паломник отдал своему священнику нераспечатанный конверт с несколькими строчками, нацарапанными на нем его рукой, тот «побледнел и чуть не упал в обморок». Это был как раз ответ на его вопросы.

Посвятив всю свою жизнь святой жертве мессы, которая, как он говорит, «из дня в день спасает мир от гибели», он терпеть не может, когда кто-либо лишает себя этого великого блага, «величайшего из тех, что мы имеем в этом свете», по легкомыслию и без абсолютно уважительной причины.

Мне рассказывал один священник, какое приключение случилось с его коллегой, приехавшим «очень издалека», чтобы исповедаться у падре Пио. Ехал он с пересадкой, и ему пришлось несколько часов прождать свой поезд в Болонье.

Выслушав его исповедь, падре Пио спросил: «Сын мой, вы больше ничего не можете припомнить?»

— Ничего, падре.

— Ну-ка, подумайте...

Столько он ни испытывал свою совесть, он ничего не нашел.

Тогда падре Пио сказал ему «с величайшей кротостью»:

— Сын мой, вчера утром ваш поезд пришел в Болонью в 5 часов. Церкви были ещё закрыты. Вы не стали ждать, а пошли в гостиницу, чтобы немножко отдохнуть перед мессой. Вы разлеглись на кровати, а затем так крепко уснули, что проспали до 3-х часов дня, когда было уже слишком поздно для мессы. Я знаю, вы сделали это неумышленно, но это было небрежение, оскорбившее и огорчившее Господа.

Все духовные сыновья и дочери падре Пио знают, что он строжайшим образом следит, чтобы они ежедневно ходили к мессе и причащались, и при малейшей расхлябанности умеет призвать их к порядку, даже издалека. На это счёт мне рассказывали очаровательные *fioretti*¹.

В некоторых из дошедших до нас писем, написанных для руководства духовных детей до 1924 г., все советы и рекомендации посвящены Евхаристии:

«Ни за какие блага не пренебрегайте ежедневным причастием! С презрением отвергайте все сомнения, возникающие у вас по этому поводу. Если вы ошибётесь, пусть ваша ошибка будет на моей совести. Вам надо только слушаться и идти по пути, который я вам указал. Если вы не уверены, что совершите серьёзную ошибку, не воздерживайтесь от причастия».

Вот что, на первый взгляд, не вяжется с его кажущимся ригоризмом. Разве он не отказывает часто в отпущении грехов? Конечно, отказывает, ибо он читает в сердцах опасность недостойного или святотатственного причащения. «Те, кого он отсылает, всегда возвращаются», — уверяли меня. И падре Пио считает «величайшей милостью» обращение тех, кто злоупотреблял таинством.

¹«Цветочки» (ит.). «Цветочки св. Франциска Ассизского» — так называется замечательный средневековый сборник рассказов об этом святом. — Прим. пер.

Однажды в его исповедальне преклонила колени одна англичанка из очень хорошей семьи. Падре Пио взглянул на неё и с треском захлопнул окошко у неё перед носом: «Для вас у меня времени нет».

Бедняжка была просто убита. На протяжении двадцати дней она возобновляла попытки — все с тем же результатом. Тщетно духовные дочери падре Пио умоляли выслушать её. Он оставался непоколебимым.

Наконец, на двадцатый день, он принял её со словами, которые она дословно передала своим друзьям:

«Несчастливая ты слепая, вместо того, чтобы жаловаться на мою суровость, спроси у себя, как может Милосердие Божие принять тебя после стольких лет святотатства? Знаешь ли ты, что содеянное тобой ужасно? Совершивший святотатство с каждым куском хлеба ест своё осуждение, и без особой благодати, полученной через души, очень близкие к Богу, спастись не может. Чтобы сохранять видимость респектабельности, не причащалась ли ты на протяжении многих лет, рядом с матерью и мужем, в состоянии смертного греха?»

Так произошло ещё одно «великое возвращение», сопровождаемое страстным желанием «спасать и предостерегать другие души от святотатства». В результате и появилось это потрясающее свидетельство.

Падре Пио не переносит ни малейшего отступления там, где мы должны проявлять уважение к Евха-

ристии. Коленопреклонение на ходу, визиты в церковь мимоходом, «для святых, а не для Царя», небрежное поведение вблизи дарохранильницы — все это в его глазах серьезные оскорбления религии, поругание любви, причитающейся «Божественному Узнику».

Один из его духовных сыновей, живущий в Риме, проходя однажды мимо церкви, постыдился снять, как обычно, шляпу, потому что был в веселой компании и говорил о вещах, не имеющих никакого отношения к религии.

Вдруг он подскочил — хорошо знакомый голос крикнул ему в ухо: «*Vigliacco!*» («Трус!»).

«Как побитая собака», он побежал на вокзал покупать билет на Сан-Джованни-Ротондо. Падре Пио посмотрел на него сердито:

— Слушай меня внимательно, — сказал он, — на этот раз ты отделался выговором, но если это повторится, ты схлопочешь *un sonore scapacione* — звонкую оплеуху.

«С падре Пио шутки плохи», — заключил молодой человек, полный раскаяния.

«Падре Пио — сам величайшее чудо», — не устают повторять все, кто его знает. В самом деле, как ему удастся на протяжении стольких лет сочетать дела покаяния и молитву с такой интенсивной апостольской деятельностью? Брат-фельдшер не знает, что и ска-

зять, а сам падре отщучивается. Однажды у него начались сильные боли в желудке, и больше недели он не ел и не пил ничего, кроме воды (что, разумеется, не помешало ему трудиться, как всегда). Прежде чем он перешёл на свою обычную скудную диету, ему велели взвеситься. Так вот, за время полного поста он прибавил в весе!

«Не может быть, — сказал падре Пио со смехом, — в следующий раз, когда я захочу похудеть, я буду есть как можно больше».

Воистину, личность падре Пио не уместается ни в какие рамки и формулы. Что же удивительного, что она вызывает такие яростные споры, такие недоумения! Было бы удивительно, если бы это было не так.

Его замечательная простота озадачивает больше, чем это сделали бы самые тонкие контroversы. «Все, что он делает и говорит, всегда неожиданно, — признался мне один из его духовных сыновей, — можно подумать, что он видит вашу душу насквозь и показывает её ей самой».

Самые воинствующие из его противников не могут устоять при личном контакте с ним. Те, кто продолжают его поносить, никогда его не видели.

К тому же, он любит приводить в замешательство любопытных и инквизиторов, показав им каким-ни-

будь остроумным, но отнюдь не грубым выпадом, что он их раскусил.

Однажды те, кто собрались в ризнице Сан-Джованни-Ротондо, с удивлением заметили, что падре Пио пристально наблюдает за одним из них, не прерывая исповеди. Это был только что приехавший иностранец; казалось, ему не по себе от этого взгляда — он то и дело переходил с места на место, прятался по углам, за спинами других, становился спиной к свету... Тщетно! Неуловимый взгляд настигал его всюду. Падре Пио сделал ему знак подойти. Тот не верил своим глазам: «Он же никогда меня не видел!» — озадаченно прошептал он своему соседу. «Неважно, он зовет вас, идите!»

Иностранец с видимой неохотой подошел.

— Отец мой, — тихо сказал ему падре Пио, — если вы хотите, чтобы я вас исповедал, наденьте свою одежду.

— Не стоит, — ответил тот, — я все понял!

И убежал.

Это был доминиканец «in borghese» (в штатском), приехавший, чтобы «отдать себе отчет».

Ясновидение падре Пио склоняет его иногда к проделкам — не злым, но, во всяком случае, озадачивающим собеседника.

Однажды Папа Бенедикт XV сказал епископу, предостерегавшему его от «*questo truffatore*» («этого обманщика»): «Сын мой, вы, безусловно, плохо информированы. Настоятельно советую поехать туда и посмотреть всё на месте собственными глазами».

Желание Папы — это приказ. Через несколько дней его преосвященство, не предупредив никого, сел в поезд, отходящий на Фоджу. Не успел он сойти на перрон, как его приветствовали два капуцина:

— *Lodato sia Gesù Cristo!* Слава Иисусу Христу! Падре Пио прислал нас, эччеленца*, чтобы проводить вас в Сан-Джованни-Ротондо.

— Но падре Пио не знает о моем приезде, — сказал совершенно сбитый с толку епископ.

— Наверное, знает, — с тонкой улыбкой ответили капуцины. — Он говорит, что вас послал Папа.

Воцарилось молчание.

Епископ направился к кассе:

— Когда отходит ближайший поезд на Рим?

И повернувшись к отцам-капуцинам, сказал:

— Я вспомнил об одном важном деле. Мне надо вернуться в Рим.

И отпустил их.

Он узнал то, что хотел знать. Видел «своими собственными глазами». «К тому же, — добавлял он со

**Eccellenza* (ит.) – «[Ваше] Превосходительство»: почтительное обращение к епископу.

смехом, — я предпочел бы не подвергать себя новым сюрпризам. При такой информационной службе, падре Пио мог знать и то, что я сказал Папе!»

Альберто дель Фанте опубликовал внушительный перечень князей Церкви, в разное время приезжавших посмотреть на скромного капуцина; четверо из них — кардиналы.

«*Veni, vidi, victus sum*»^F, — писал монсиньор Анджело Поли, епископ Аллахабадский. — Что поражает в падре Пио, это сочетание сверхъестественного с абсолютно естественным. Этот человек всегда владеет собой — *compos sui*. Воистину, *digitus Dei hic est* — здесь перст Божий! Эта встреча меня буквально потрясла».

Но что восхищает нас в нем ещё больше (нам кажется, на эту его черту недостаточно обращали внимания) — это слепое повиновение апостола из Сан-Джованни-Ротондо малейшим предписания и запретам Церкви. В те времена, когда ему были запрещены всякие сношения с внешним миром, все попытки увидеться с ним «в виде исключения», под каким бы то ни было предлогом, пресекались его категорическим «нет». По этому поводу близко его знавший кардинал Фаульхабер любил рассказывать следующую историю.

Один чикагский врач пересёк океан, чтобы исследовать «интересный случай» падре Пио. После долгого

^F «Пришел, увидел, побеждён» (лат.).

путешествия — десять дней на пароходе, тридцать часов на поезде — вот он, наконец, в Сан-Джованни-Ротондо. Увы, падре Пио никого не принимает! Врач настаивает — и получает ответ: «Мне очень жаль, что вы совершили такое долгое путешествие впустую, но вы, конечно, понимаете, что монах должен повиноваться».

Несмотря на жестокое разочарование, американский доктор честно признал, что «этот ответ произвел на него более глубокое впечатление, чем произвел бы самый тщательный осмотр стигматов».

«Воистину падре Пио — человек Божий», — любил говорить Папа Бенедикт XV.

ГЛАВА XV

Падре Пио терпеть не может всякую нескромную рекламу. «Священник, который молится». Тайна внутреннего замка. Документ, раскрывающий тайны. Падре Пио причащается Святой Агонии. Избыток сердца. Подлинное лицо падре Пио. «Надо, чтобы Он возвысился, а я умалился». Гимн Непорочному Зачатию. Душа, завершённая в Боге — тайна единения. Конец путешествия и книги.

Затесавшись в толпу паломников, Аттилио Крепас, журналист из *Stampa Sera*, начал было обдумывать свою статью о падре Пио, как вдруг его окликнули. Он не поверил своим ушам:

— Сын мой, — сказал капуцин, насквозь пронизывая его своим спокойным и кротким взглядом, — сын мой, разве сейчас надо думать о блокноте, о заметках? Вы поступаете очень дурно, поднимая столько шума вокруг священника, который молится — *ad accendere chiaso attorno ad in sacerdote che prega*.

Этими словами падре Пио не только ещё раз показал, что читает в сердцах, как в открытой книге. Что бы мы хотели здесь подчеркнуть, так это его крайнее отвращение к шумной, нескромной рекламе, жертвой которой он стал уже давно.

«Священник, который молится». Вот кем он хочет быть и кем себя считает прежде всего. Эта зависимость, связующая его с Господом Богом, эта внутренняя готовность к потокам благодати, всегда готовым излиться на тех, кто может их вместить, это нищество с широко распростертыми объятиями — вот исчерпывающий ответ на вопрос, тут ничего не прибавишь.

Но эта крохотная фраза, простая до банальности, погружает нас в тайну, разгадать которую мы не можем. «Священник, который молится». Что знаем мы о молитве падре Пио? И прежде всего, разве молитва сама по себе — не основание и свод того внутреннего замка, в который ревнивый Бог не разрешает вход никому, кроме Себя? Мы мало что знаем о молитве, даже о молитве самого жалкого христианина; насколько же меньше мы знаем о молитве святого!

Нам не остаётся ничего, кроме предположений и самых приблизительных умозаключений. Поступки падре Пио интересуют нас прежде всего, чтобы увидеть сквозь них его глубокую душу, и внимательный читатель, наверное, заметил, что мы постоянно стремимся

выйти за пределы «зоны эффектов» — ко глубине молчания, в которой завязывается тайна личности. «Истинное лицо» падре Пио интересует нас гораздо больше, чем чудеса его «рекламы».

О стигматах пускай спорят ученые! Для нас главное — это таинственная связь между его умерщвляемой плотью и душой. Страсти Христовы разыгрываются в два этапа, и Крест рождается из святой Агонии, как плод из цветка, как цветок из стебля.

С нашей стороны было бы величайшей дерзостью пытаться проникнуть в тайну этой любви, но по случайности, дарованной нам Провидением, падре Пио сам дал нам ключ к этим тайнам — хотя и не по своей воле.

Несколько лет назад один из его братьев по ордену, уроженец Пьетрельчины, как и сам падре, опубликовал «для поучения верующих» некий анонимный текст; сегодня мы знаем, благодаря нескромности переводчика, что этот текст вышел из-под пера падре Пио... в те времена, когда ему ещё разрешалось писать, т.е. до 1924 г.

Это великолепное «Размышление о Страстях Господних». Созерцая страдания своего Господа, падре Пио раскрывает свою душу. Причащаясь к смертной тоске своего Бога, он даёт нам взглянуть с головокружительной высоты на тайну сострадания, участником которого может быть всякий крещёный. Каждая фра-

за этого текста подобна волне, поднимающейся из бездонных глубин. В качестве заключения приводим этот текст почти полностью. Ученик, который не выше Учителя, падре Пио на этих потрясающих страницах позволяет нам, сам не подозревая об этом, проникнуть в глубину своей души, несущей на себе отпечаток (вот первоначальный смысл слова «стигмат») святой Агонии.

«Божественный разум, просвети мой рассудок и зажги моё сердце к размышлению о Страстях Иисусовых. Помоги мне проникнуть в эту тайну любви и страдания моего Бога, ставшего человеком, страдающего, тоскующего, умирающего за меня.

Вечный, Бессмертный снисходит до того, чтобы принять неслыханные муки, позорную смерть на кресте, посреди надругательств, злобных выкриков и поношений, чтобы спасти Своё творение, оскорбившее Его и пресмыкающееся в грязи греха.

Человек наслаждается грехом, а Бог из-за этого греха тоскует даже до смерти; кровавым потом исходит в смертных муках жестокой агонии...

Нет, не могу я проникнуть в этот океан любви и скорби, если не поможет мне, о Боже, Твоя благодать! Открой мне доступ к сокровеннейшим глубинам Сердца Иисусова, чтобы я смог причаститься той горькой тоски, которая привела Его в Гефсиманский сад, к

вратам смерти, и утешить Его в этом крайнем одиночестве. Да смогу я соединиться с Ним, покинутым Своим Отцом и Самим Собой, чтобы стать искупительной жертвой.

Мария, Матерь Скорбящая, позволь мне идти за Иисусом и глубоко приобщиться к Его страстям и Твоей скорби!

Мой Ангел-Хранитель, сохраняй все силы моей души всегда сосредоточенными на Иисусе, чтобы никогда они не отвратились от Него.

На исходе Своей жизни, отдав нам всего Себя в Причастии Своей Любви, Господь идёт в Гефсиманский сад, известный Его ученикам, но также Иуде. По дороге Он учит их и готовит к Своим неотвратимым Страстям; Он призывает их терпеть, из любви к Нему, поношения и гонения до самой смерти, дабы преобразить их по Своему подобию, по Своему божественному образу.

Приступая к Своим горестным Страстям, Он думает не о Себе, а о тебе.

Какая бездна любви в Его Сердце! Его святой Лик — сама грусть и сама нежность. Его слова исходят из сокровеннейших глубин Его Сердца и преисполнены любовью.

О Иисус, сердце моё потрясено, когда я думаю о любви, пославшей Тебя навстречу страстям! Ты научил нас, что нет большей любви, чем отдать жизнь

свою за тех, кого любишь. И вот Ты готов скрепить эти слова Своим примером.

В саду Учитель удаляется от учеников, взяв в свидетели Своей Агонии лишь троих: Петра, Иакова и Иоанна. Они видели Его преображение на горе Фавор; достанет ли у них силы увидеть Богочеловека в Том, Кого снедает смертельная тоска?

Войдя в сад, Он сказал им: «Останьтесь здесь! Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение». Бодрствуйте, ибо враг не дремлет. Вооружайтесь заранее оружием молитвы, чтобы он не застал вас врасплох, не совратил ко греху.

Смеркается. Отпустив их, Он удалился на расстояние броска камня и пал ниц. Душа Его погрузилась в море горечи и жесточайшей печали.

Уже поздно. В тусклом ночном свете зловещие тени. Деревья дрожат от ветра, ветер пронизывает до костей. Кажется, вся природа дрожит в тайном страхе.

О Ночь, подобной которой не было никогда!

Вот то место, куда идёт молиться Иисус. Он совлекает со Своей святой Человеческой Природы силу, принадлежащую ей по праву, как следствие её единства с Божественной природой. Он погружается в пучину скорби, тоски, содрогания... Кажется, разум Его изнемогает... Он заранее видит все Свои страдания.

Он видит Иуду, Своего апостола, которого Он так любил и который продает Его за гроши... Вот Он идёт по Гефсиманской дороге, чтобы предать Его и выдать! Однако не он ли вкусил только что от Плоти Его, испил Крови Его? простершись перед ним, Он омыл его ноги, прижал его к сердцу Своему, целовал Своими губами. Чего бы Он не сделал, чтобы не дать ему совершить уже задуманное кощунство или хотя бы пробудить в нём раскаяние! Но нет, вот он идёт к своей гибели... Иисус плачет.

Он видит, как влекут Его по улицам Иерусалима, где всего несколько дней назад Его приветствовали, как Мессию. Он видит, как заушают Его перед первосвященником. Он слышит крики: «Смерть Ему!» Его, Создателя Жизни, волокут из судилища в судилище, как самого жалкого из людей.

Народ, Его народ, столь Им любимый, стольким от Него одарённый, кричит и насмехается, громко требует Его смерти, и какой смерти! Смерти на кресте. Он слышит их ложные обвинения. Он видит, как Его бичуют, увенчивают тернием, издеваясь, кричат: «Слава Тебе, Царь Иудейский!»

Он видит Себя осуждённым на крест, поднимающимся на Голгофу, изнемогающим под тяжестью Своей ноши, шатающимся, рухнувшим...

Вот Он взошел на Голгофу, с Него сорвали одежды, вот Он распростёрт на кресте, Его безжалостно приби-

вают гвоздями, поднимают пред лицом неба и земли... Боже мой! Какая долгая агония — три часа умирать под выкрики опьянённого ненавистью сброда!

Он видит, как горло и внутренности Его снедает жгучая жажда, видит, как её утоляют уксусом и желчью.

Он видит Отца, оставившего Его, и Мать, удрученную скорбью.

И наконец, эта позорная смерть меж двух разбойников. Один из них исповедует Его и спасается, второй богохульствует и умирает отверженным.

Он видит Лонгина, приближающегося, чтобы пронзить Его сердце.

И вот оно принято — величайшее унижение тела и души, расстающихся друг с другом...

Всё это, картина за картиной, проходит перед Его глазами, ужасает и удручает Его.

Отступит ли Он?

С первого же мгновения Он всё охватил и всё принял. Откуда же этот беспредельный ужас? Это потому, что Он выставил вперёд Свою святую человечность, и Она принимает на Себя все удары Правосудия, оскорблённого грехом.

Он чувствует Своим одиноким сердцем всё, что предстоит Ему вынести. За такой грех — такое наказание... Он подавлен, ибо Он Сам стал добычей ужаса, слабости, тоски.

Он, кажется, достиг предела страдания. Он распростёрт ниц пред величием Своего Отца. Святой Лик Богочеловека, Коему доступно блаженное лицезрение, покоится во прахе, изменившись до неузнаваемости. Мой Иисус! Разве Ты не Бог? Не повелитель неба и земли? Не равный Отцу? Для чего же так опускаться, до потери человеческого облика?

А, понимаю! Ты хочешь меня научить, меня, гордеца, что для того, чтобы примириться с небом, я должен провалиться сквозь землю. Ты рухнул на землю, чтоб искупить мою гордыню. Ты опустился до земли, как если б Ты хотел дать ей целование мира, чтобы примирить небо с землёю...

Иисус встает, обращает молящий взгляд к небу, воздевает руки и молится. Какой смертельной бледностью покрыто Его лицо! Он умоляет Своего Отца, отвернувшегося от Него. Он молится с сыновней доверчивостью, но хорошо знает, какая Ему отведена роль. Он знает, что Он жертва за весь род людской, подпавший гневу оскорблённого Бога. Он знает, что только Он один сможет принести удовлетворение бесконечному Правосудию и примирить Творца с Его творением. Он хочет этого, Он требует этого. Но все Его существо буквально разбито. Оно восстаёт против такой жертвы. Между тем, Его дух готов к жертве, и жестокая борьба продолжается.

Иисус, как можем мы просить Тебя дать нам силы, когда мы видим Тебя таким слабым, таким удрученным?

Я понимаю! Ты взял на Себя всю нашу слабость. Чтобы дать нам силы, стал нашим козлом отпущения. Ты хочешь, чтобы мы знали, что нам надо возлагать надежды только на Тебя, даже если мы увидим над собою небо из меди.

В Своей Агонии Иисус взывает к Отцу Своему: «Если возможно, да минует Меня чаша сия». Это кричит Его человеческая природа, ошеломлённая и доверчиво прибегающая к небесной помощи. Хоть Он и знает, что просьба Его не будет исполнена, ибо Он и Сам хочет, чтобы было так, как должно быть, но Он молится. Мой Иисус, почему Ты просишь того, чего Ты не получишь, зная, что не получишь?

Какая головокружительная тайна! Тебя смущает наказание, это оно заставляет Тебя молить о помощи и поддержке, но Твоя любовь к нам, желание вернуть нас Богу внушают Тебе слова: «Не Моя воля, но Твоя!»

Его одинокое Сердце жаждет поддержки. Он тихо встает, шатаясь, делает несколько шагов. Он приближается к ученикам — уж они-то, Его верные друзья, поймут и разделят Его скорбь...

Он застаёт их крепко спящими. Каким одиноким и покинутым вдруг почувствовал Он Себя! «Симон, ты

спишь? — кротко говорит Он Петру. — А только что говорил, что пойдешь за Мной на смерть?»

Он обращается к остальным: «Неужели вы не могли бодрствовать со Мною один час?». Он снова забывает о Своих страданиях и думает только об учениках: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение!»

Он как бы говорит им: «Если вы так скоро забыли Меня, борющегося и страдающего, то хотя бы ради самих себя бодрствуйте и молитесь!»

Но они отяжелели от сна и с трудом понимают Его.

О мой Иисус, сколько самоотверженных душ, растроганных Твоими стонами, бодрствуют с Тобой в Гефсиманском саду, разделяют Твою скорбь и Твою смертельную тоску! Сколько сердец на протяжении веков самоотверженно откликалось на Твой призыв! Да утешат они Тебя и, разделив Твоё горе, да помогут Тебе в деле спасения! Да буду и я в их числе и да облегчу я Твои страдания хоть немного, о мой Иисус!

Иисус возвращается на место молитвы, и взору Его предстает другая картина, ещё более ужасная. Все наши грехи, в мельчайших своих подробностях, проходят перед Ним. Он видит всю низость тех, кто совершает эти грехи. Он знает, как оскорбляют они божественное Величие. Он видит всю подлость, всё бесстыдство, все богохульства, марающие сердца и уста, со-

творённые, чтоб воспевать славу Божию. Он видит кощунства, покрывающие бесчестьем священников и верующих. Он видит чудовищные злоупотребления таинствами, которые Он учредил для нашего спасения и которые могут стать причиной нашего вечного осуждения.

Он должен взять на Себя всю эту зловонную грязь людской испорченности и предстать в ней пред святостью Отца Своего. Он должен искупить каждый из грехов в отдельности и вернуть Отцу всю Его украденную славу. Чтобы спасти грешника, Он должен спуститься в эту клоаку.

Даже это его не останавливает. Вся эта чудовищная грязь окружает Его, колыхаясь мертвой зыбью, Он тонет в ней, она давит его. Вот Он пред лицом Отца, Бога Справедливости. Он, Святейший из Святых, сгибаясь под грузом грехов, уподобился грешникам. Кто измерит до конца Его ужас и Его отвращение? Эти спазмы отвращения, эту ужасную тошноту?

Взяв на Себя всё без исключения, Он изнемогает под этой чудовищной ношей и стонет под тяжестью божественного правосудия пред лицом Отца Своего, позволившего Ему, Своему Сыну, принести Себя в жертву за грехи мира и уподобиться «проклятому».

Его чистота содрогается перед этим позорным грузом, но в то же время Он видит поруганную справедливость, осуждённого грешника... Две силы, две люб-

ви борются в его сердце. Побеждает поруганная справедливость. Но какое это зрелище! Бесконечно прискорбное зрелище. Этот Человек, взваливший на Себя всю нашу грязь. Он, сама святость, даже внешне уподобился преступникам... Он весь дрожит.

Чтобы противостоять этой ужасной смертной муке, Он погружается в молитву. Простираясь пред Величием Отца Своего, Он говорит: «Отец, да минует Меня чаша сия!» Как если бы Он сказал: «Отец, Я хочу, чтобы Ты был славен! Я хочу, чтобы совершилось правосудие Твоё! Я хочу, чтобы род людской умиротворился. Но не такой ценой! Чтобы Я, сама святость, замарался в грехе — о нет!.. Только не это! О всемогущий Отец, отведи от Меня чашу сию и найди в неисчерпаемых сокровищницах Мудрости Твоей другое средство спасения. Но если не хочешь, да будет воля Твоя, а не Моя!»

И на этот раз тоже молитва Спасителя остаётся без ответа. Душа Его скорбит смертельно. С трудом Он встаёт, чтобы пойти за поддержкой. Он чувствует, что силы покидают Его. Ступая с трудом, спотыкаясь, медленным шагом идёт Он к ученикам. И снова застаёт их спящими. Ему становится ещё грустнее. Он просто будит их. Смутились ли они? Иисус им больше ничего не говорит. Я только вижу Его несказанную

грусть. Он ни с кем не делится горечью Своего одиночества!

Мой Иисус, как велико страдание, которое Я читаю в Твоём сердце, переполненном скорбью. Я вижу, как Ты отходишь от учеников, поражённый в самое сердце! Если бы я мог хоть как-то поддержать Тебя, хоть немного утешить Тебя... Но я не могу ничего и только плачу рядом с Тобой. Слезы моей любви и моего раскаяния присоединяются к Твоим слезам. Так они поднимаются к престолу Отца, чтобы умолять Его сжалиться над Тобою и над столькими душами, погруженными в сон греха и смерти.

Иисус возвращается к месту Своей молитвы, изнемогший, в жестокой скорби. Он скорее падает, чем простирается в молитве. Он чувствует себя раздавленным смертной тоской и молится ещё горячее.

Отец отвращает от Него свой взгляд, как если бы Он был гнуснейшим из людей.

Мне кажется, я слышу, как жалуется Спаситель: «Только бы человек, за которого Я страдаю, захотел воспользоваться теми милостями, которые Я добыл для него столь великими страданиями! Только бы он осознал, какой ценой Я искупаю его и даю ему жизнь чада Божия! О, эта любовь терзает Моё сердце гораздо более жестоко, чем палачи будут сейчас терзать Мою плоть...»

Он видит человека, который не знает, потому что не хочет знать, который поносит Кровь Божию и, что ещё более непростительно, обращает её в орудие своего вечного осуждения. Сколь немногим послужит она во благо, сколько других пойдёт к гибели!

В великой скорби Сердца Своего Он повторяет и повторяет: «*Que utilitas in sanguine meo?*»* — «Сколь немногим пойдёт на пользу Кровь Моя!»

Но одной мысли об этих немногих достаточно, чтобы Он был готов к страданиям и смерти.

Никто и ничто на свете не даст Ему утешения. Небеса для Него закрыты. Человек изнемогает под тяжестью грехов, но неблагодарен и не знает о Его любви. Он чувствует Себя погруженным в море скорби и вопиет в смертной тоске: «Душа Моя скорбит смертельно!»

Божественная Кровь, Ты течешь неустанно из Сердца Иисуса, струишься из всех его пор, чтобы омыть эту бедную неблагодарную землю. Позволь мне собрать Тебя, о драгоценнейшая Кровь, особенно вот эти первые капли. Я хочу хранить Тебя в чаше моего сердца. Ты неопровержимое свидетельство этой Любви, ради неё одной Ты течёшь. Я хочу очиститься Тобою, о драгоценнейшая Кровь. Я хочу очистить все души, замаранные грехом. Я хочу преподнести Тебя Отцу.

* «Какая польза в крови моей?» (лат.).

Се Кровь Его Возлюбленного Сына, сошедшая на землю, чтобы очистить её. Се Кровь Его Сына, восходящая к престолу Его, чтобы умиротворить Его оскорбленное Правосудие. Воистину, Она с избытком искупает всё!

Но значит, Иисус достиг уже предела своих страданий?

Да нет же, Он не хочет сдерживать потоков Своей любви! Надо, чтобы человек знал, как Он, Богочеловек, любит его. Надо, чтобы человек знал, к какому падению может привести эта величайшая любовь. Даже Если правосудие Отца удовлетворено этим драгоценнейшим кровавым потоком, человеку нужны осязаемые доказательства этой Любви.

Значит, Иисус пойдёт до конца: к смерти, позорной смерти на Кресте.

Тот, кто предаётся созерцанию, может быть, увидит тень этой любви, ведущей Его на муки, в святой агонии Гефсиманского сада. Но тому, кто не может выбраться из уз материального мира и взыскует благ этого мира больше, чем благ небесных, надо увидеть Его и внешним взором, распятого на Кресте, чтобы его тронул хотя бы вид Его крови и Его жестоких мучений.

Нет, Его Сердцу, полному любви, и этого мало! Придя в себя, Он снова молится: «Отец, если чаша сия

не может миновать Меня, чтобы Мне не пить её, — да будет воля Твоя!»

С этой минуты Иисус отвечает из глубины Своего Сердца, отданного любви, на вопль человечества, требующего Его смерти как платы за Искупление. На смертный приговор, произнесённый Отцом Его с небес, земля откликается требованием Его смерти! Иисус отвечает, склонив Свою прекрасную голову: «Отец, если чаша сия не может миновать Меня, чтобы мне не пить её, — да будет воля Твоя, а не Моя».

И вот Отец посылает Ему Ангела-утешителя. Чем может Ангел поддержать Бога Крепкого, Бога Непобедимого, Бога Всемогущего? — Но Сей Бог захотел стать смертным. Он взял на Себя всю нашу слабость. Это Человек скорбящий, борющийся с Агонией. Это Его любовь заставляет Его исходить кровавым потом.

Он молит Своего Отца за Себя и за нас. Отец не внемлет Его просьбе, ибо Он должен умереть за нас. Я думаю, Ангел простирается перед вечной Красотой, померкшей в крови и во прахе, и с несказанным благоговением умоляет Иисуса испить чашу во славу Отца и во искупление грешников.

Так Он просил, чтобы мы научились прибегать только к небу, когда на душе у нас так же одиноко, как у Него.

Он, наша Сила, придет нам на помощь, ибо Он согласился взять на Себя все наши печали.

Да, мой Иисус, теперь Тебе надо испить эту чашу до дна! Вот, Ты обречен на страшную смерть.

Иисус, пусть ничто не разлучит меня с Тобой: ни жизнь, ни смерть! Если я всю жизнь буду с бесконечной любовью разделять Твои страдания, Мне будет дано умереть с Тобой на Голгофе и вознестись с Тобой во Славе. Если я буду идти за Тобой во всех мучениях и гонениях, настанет день, когда Ты сподобишь меня любить Тебя перед лицом неба и вечно петь Тебе хвалы в благодарственном молебне за Твои жестокие Страсти.

Но смотрите! Иисус восстает из праха — сильный, непобедимый. Не Он ли желал «великим желанием» этого кровавого пира? Он стряхивает с Себя смятение, утирает кровавый пот со Своего чела, твердым шагом идёт ко входу в сад.

Куда идёшь Ты, Иисус? Не Ты ли минуту назад был во власти тоски и скорби? Не Тебя ли я видел дрожащим, раздавленным под грузом чудовищных испытаний, которые обрушатся на Тебя? Куда идёшь Ты твёрдым, смелым шагом? Кому откроешь Ты душу?

— Слушай, дитя моё: оружием молитвы Я победил, дух Мой возобладал над слабостью природы. Сила пришла ко Мне в молитве, и теперь Я готов ко всему. Следуй Моему примеру, говори с небом, как Я!

Иисус подходит к апостолам. Они всё спят! Волнение, поздний час, предчувствие чего-то страшного и непоправимого, усталость сморила их, они спят тяжёлым сном. Иисусу жалко их немощи. «Дух бодр, плоть же немощна!»

Иисус восклицает: «Вы всё спите и почиваете!» На мгновение Он умолкает. Заслышав Его шаги, они с трудом разлепляют слипшиеся веки... И вновь говорит Иисус: «Исполнилось. Пробыл час! Сын Человеческий предаётся в руки грешников... Встаньте, идемте! Уже близок тот, кто предаёт Меня!»

Иисус видит всё Своими божественными очами. Он как бы говорит: «Вы, Мои друзья и ученики, спите, тогда как враги Мои не дремлют, они идут сюда, чтобы схватить Меня! Ты, Пётр, только что утверждал, что у тебя хватит сил, чтобы идти за мной на смерть — и вот ты спишь! С самого начала ты проявил слабость! Но будь спокоен. Я взял на Себя твою слабость, Я помолился за тебя. Когда ты признаешь свою вину, Я буду твоей силой, и ты будешь пасти овец Моих... И ты, Иоанн, ты тоже спишь? Ты, кто недавно слышал каждый удар Моего сердца, ты не смог пободрствовать со Мною один час? Встаньте, идёмте, не время спать! Враг близок! Силы мрака торжествуют. Идём! Я добровольно иду навстречу смерти. Иуда спешит выдать Меня, а Я иду ему навстречу. Путь дословно сб-

дуются пророчества! Настал Мой час — час бесконечно-го Милосердия!»

Слышатся шаги. Тени и багровые отсветы горящих факелов мечутся по всему саду. Иисус идёт впереди учеников, бесстрашный и спокойный.

О мой Иисус, дай мне Твоей силы, когда моё бедное естество противостанет грозящим ему бедам, чтобы я мог с любовью принимать все страдания и невзгоды этой жизни на чужбине. Всеми силами своими я прилепляюсь к Твоим достоинствам, Твоим страданиям, Твоей искупительной жертве, Твоим слезам, чтобы мог я трудиться с Тобой для дела спасения, чтобы хватило мне сил избежать греха — единственной причины Твоих смертных мук, Твоего кровавого пота и Твоей смерти.

Разрушь во мне всё, что неудобно Тебе, и запечатали в моем сердце огнём твоей святой любви все Твои страдания. Обними меня таким тесным объятием, так крепко и нежно, чтобы я никогда не оставлял Тебя одного в Твоих жестоких муках.

Лишь одного успокоения прошу я — успокоения у Твоего Сердца. Лишь одного хочу я — участвовать в Твоей святой Агонии. Да опьянится душа моя кровию Твоею, да питается она хлебом скорби Твоей! Аминь!»

Что сказать после такого текста? Любые слова прозвучат фальшиво. Конечно, в нем можно различить основные мотивы великой францисканской традиции, мобилизующей все способности человека на службу Царю; в этой традиции достаточно скромности, чтобы не пренебрегать аффективной стороной души.

Но в нем есть и другое. Этот текст, монолитная глыба, стоит прямого признания. Эти слова, чьи глубокие корни мы можем проследить — кровоточат. Это вовсе не простые клише, утешающие нашу потребность в благочестивых размышлениях! Человек, написавший эти строки кровоточащей рукой, даёт нам лишь внешний пылающий край внутреннего диалога, в котором участвует всё его существо, до самых глубин, и который не требует слов. Это как волны прилива, неудержимо стремящиеся вперёд и перехлестывающие через береговую линию, как избыток влаги, не могущий не перелиться через край и не «выдать» себя. Ибо таков двойной смысл слова *tradere* в знаменитом изречении, определяющем миссию апостола: «*Contemplata aliis tradere*»*. В данном случае слово «передавать» имеет оттенок «выдать» (как мы говорим в обыденной речи: «он выдал себя»). Апостол не имеет даже права на тайны своей души!

Так вот он, падре Пио, такой, каким он «выдал» нам себя: приобщающийся святой Агонии Господа

* «Передавать другим то, что узрел» (лат.).

своего, умирающий от любви. Он свободен от всего, что не Бог, и внутри, и снаружи — и в нищете своей он окружен атмосферой, которой не может дышать наш эгоизм, которая непрозрачна для наших взглядов. Так как же ему не навлекать на себя всех этих нападков, не сталкиваться с постоянным непониманием? Мы ведь судим о других по самим себе.

Тем не менее, он слишком близок к нам в пространстве и во времени, чтобы мы не смогли различить черты его лица сквозь густые заросли легенд и клеветы. Каким бессовестным надо быть, чтобы при встрече с ним не узнать Того, Кто уже больше сорока лет держит его прикованным к Своему кресту! Никаких других амбиций у падре Пио нет: Христос — его жизнь, Христос для него — всё; чего он действительно хочет, не останавливаясь ни перед какой ценой — и это желание его снедает в буквальном смысле слова, — это воцарить Христа в душах людей. Его стигматы, его харизмы, его чудеса направлены только к этой цели. Всякий раз, когда мы забываем об этом хоть на мгновение, мы искажаем его образ.

И вот поэтому враг рода человеческого, это «специалист по карикатурам», из кожи вон лезет, чтобы сделать апостола из Сан-Джованни-Ротондо смешным и подозрительным. Циркулирующая о нем апокрифическая литература — например, эти знаменитые «Пророчества падре Пио», вышедшие в Баварии и переведен-

ные на шесть языков, — окружают его плотным облаком фимиама. Слушая крикливую, падкую на сенсации рекламу, мы рискуем забыть о том, чем он стремится быть и чем он является: «священником, который молится» и находит в молитве — для него она жизнь в единении со Христом — силу и мужество, чтобы до конца выполнять обязанности священника. В центре Сан-Джованни-Ротондо стоят алтарь и исповедальня. Пронзёнными руками падре Пио освящает дары и отпускает грехи от имени Христа. Подобно Иоанну Крестителю, этот смиренный человек просит лишь одного: умалиться, дабы Христос через него возвысился.

Наша «нескромность» была бы неполной, если в конце этой книги, представляющей собой ни что иное, как набор свидетельств и приблизительных предположений, мы бы забыли о втором лике любви падре Пио — о Той, Кто есть «чистый сосуд» и «эхо» Божие, о Непорочной.

Когда падре Пио отсылает — иногда резковато — тех, кому его чудеса пошли на пользу, к Мадонне делле Грации, он знает, что делает: всякая благодать не проходит ли непременно через светлые руки Матери Божией?

Кроме только что приведённого текста, один из его собратьев благоговейно сохранил несколько записей падре Пио о «Непорочной Деве Марии».

Какой поток нежности и радости переливается в них через край! Какой восхитительный водоворот самых пылких слов! «Бездна милосердия и чистоты», «Несравненный шедевр Творца», «Дарохранительница Всевышнего», «Средоточие божественных тайн», «Жена, облаченная в свет», «Чудная голубица»... Невольно вспоминаешь акафисты, эти литании восточных Церквей.

«Непорочное Зачатие — первый шаг на пути нашего спасения...

Она исходит из мысли Божией, подобно лучу света. Она сияет над миром, как утренняя звезда.

Нет ничего, что не относилось бы к Ней, всякая благодать нисходит через Неё.

Она Одна может вместить потоки любви, изливающиеся из Сердца Божьего. Она Одна достойна ей соответствовать...»

И в заключение — крик души, трогательный в своей прозрачной простоте:

«Матерь сладчайшая, сделай так, чтобы я полюбил Его! Излей в мою душу любовь, горящую в Твоей...

Очисти моё сердце, чтобы я мог любить Бога моего и Твоего!

Очисти мой разум, чтобы я мог поклоняться Ему в духе и истине!

Очисти моё тело, чтобы я был живой дарохранительницей Его!»

Душа, растворенная в Боге — это тайна единства. Все в ней сходится к единой любви. Падре Пио... — Что падре Пио? Это Христос продолжает в нём дело искупления через Ту, Которая непрестанно порождает Его в душах человеческих... ПРИ УСЛОВИИ, ЧТО ОНИ СОГЛАШАЮТСЯ И ГОВОРЯТ: ДА.

Вот вывод, на котором неожиданно обрывается моё путешествие в Сан-Джованни-Ротондо и описывающая его книга. Никогда не знаешь, куда завезёт тебя поезд, в который ты сел, чтоб бежать от римской жары, в какие сети и на какой крючок ты попадешься!

*«Tutto e scherzo d'amore»**, — говорит падре Пио.

* «Всё есть игра любви» (ит.).

ЭПИЛОГ

«Слуга не выше господина». Последнее испытание — высшее испытание высшей славы. «Брат, я больше не могу!» 20 сентября 1968 г., пятидесятилетие видимых стигматов падре Пио и съезд групп молитвы в Сан-Джованни-Ротондо. Последнее прощание. Свидетельство падре Пеллегрини. 23 сентября 1968 г. падре Пио умирает, не покидая своего поста. «До последней капли крови». Его наследие. «Дом преображенного страдания».

Подлинность жизни удостоверяется смертью. В этом Церковь непреклонна. Чудеса, харизмы, пророчества — при жизни всё это несколько не засчитывается «кандидатам на алтари», пока они не выдержали экзамен на бессмертие: поэтому и проводятся «процессы беатификации».

Падре Пио — не исключение из правила. Сколько великих мира сего навсегда провалились в тартарары

истории! А всплывают, наоборот, имена бедных, смиренных, малых мира сего — именно они утверждают, возвеличиваются и проникают до самых глубин людских сердец, изголодавшихся по Богу. Подобно Терезе из Лизьё, которую он так любил, падре Пио и на небе продолжает творить добро для земли. Через восемь лет после его смерти он присутствует среди нас больше, чем когда-либо.

Между тем, жаждой чуда этого уже не объяснишь! Те, кто совершают паломничества в Сан-Джованни-Ротондо, хорошо знают, что им уже не участвовать в его незабываемых мессах, что напрасно будут они пытаться прикоснуться к тем ранам, которыми запечатлел его Бог, чтобы уподобить его Своему Сыну. Капуцины ревностно следят, чтобы не исказилась принесенная им весть и его завещание, постепенно проясняющиеся для нас под действием неподкупного времени. «Благо вам, чтобы Я ушел...» Эти слова Господа применимы к падре Пио. Теперь уже действует его непосредственное предстательство пред Господом всякого милосердия, в таинстве общения святых (это догмат веры). Молчаливые толпы, собирающиеся у его гробницы в склепе новой церкви Сан-Джованни-Ротондо, обращаются к нему «непосредственно» с помощью молитвы, которой была пропитана вся его жизнь. Мы будем повторять и повторять: апостолат падре Пио — это было нечто совершенно сверхъестествен-

ное, и те бесчисленные исключения из естественного хода вещей, о которых говорят свидетельства, прошедшие через сито предварительной комиссии на процессе беатификации, — тому подтверждение.

Добрые люди не ошибаются: «Он присутствует среди нас больше, чем когда-либо!» «Он слышит нас!» «Он откликается всем, кто взывает к нему...» И в первую очередь его духовные сыновья, усыновлённые им, безусловно знают, как и прежде, что он руководит ими, направляет их и защищает, выдвигает их на аванпосты Церкви.

Незадолго до смерти он сказал им: «Я подожду у дверей Рая, не войду до тех пор, пока туда не войдут все мои дети». Думаете, это просто шутка? Те, кто знал его близко, знают и то, как серьёзно он относился к своему духовному отцовству. «Как же мне тебя забыть? Знаешь, чего ты мне стоил?» Ибо за каждого из них он платил сполна в постоянных сражениях со справедливостью, боровшейся с милосердием. Что это, блистательное исключение? Или, скорее, напоминание о душе всякого апостолата? Чтобы взбунтовавшаяся воля преклонила, за неё надо заплатить. «Задействована» вся тайна Креста, увековеченная в мистическом теле Христовом. Как и при жизни, падре Пио обращается в первую очередь к священникам.

Смерть «праведника» (так Библия называет святых) не имеет ничего общего с триумфом. Чем больше похожа она на Святую Агонию, тем большие приносит плоды, хотя сперва и приводит к соблазну. Потребовалось столетия, чтобы Тереза из Лизьё была реабилитирована во всём величии своего одиночества. «Боже мой, Боже мой, почему Ты меня оставил?» До того, как настал наивысший экстаз, она видела перед собой лишь эту черную дыру, зияющую безнадежностью.

Целые поколения созерцателей жили, размышляя над обещанием святого Иоанна от Креста, поведавшего, что слишком большая любовь обрывает в час смерти туго натянутую нить, удерживающую на земле друзей Господа. Когда он это писал, он ещё не знал на своём опыте, что такое смерть! Ведь слуга не выше господина. Чем более подобен он «образу Сына», тем тяжелее его смертные муки, тем меньше у него какого-то бы ни было человеческого утешения. Может, так он приобретает для других право умереть на руках Господа? Главное, не надо его жалеть! Последнее испытание пропорционально славе.

Как и подобает бойцу, падре Пио умер «на посту». Как далеко то время, когда рядовой Франческо Форджоне благодарил Господа за то, что Тот «забыл» о нём! Впереди его ждали другие, ещё более грозные сражения, продержавшие его на переднем крае более полувека! Его повадки, быстрые ответы, остроумные вы-

пады, короткая расправа с провинившимися¹ — все напоминало в нем солдата. Бог мог потребовать у него всё — вплоть до последней капли крови.

Он не был избавлен от груза лет. Ни от болезней, ни от усталости. Он умел переносить и скрывать с улыбкой крайнее утомление. Со дна его молчания иногда всплывали признания.

Собрат по ордену поддерживает его — и спрашивает: «Падре Пио, я вижу, вы немножко устали?..»

Он резко остановился и смерил собеседника взглядом: «Только немножко?»

Через несколько шагов он снова остановился и сказал — тихо, но отчётливо: «Брат, я больше не могу!»

Между тем, жизнь его, отданная грешникам, идёт все в том же суровом ритме. Те же мессы ни свет, ни

¹ Один священник (француз) рассказал мне: «Я приехал в Сан-Джованни-Ротондо вскоре после рукоположения. Попросил падре Пио «усыновить» меня — сделать своим «духовным сыном». «Хорошо, — сказал он, — только смотри, не подведи меня». Вскоре после того я сказал ему на исповеди, что иногда, заработавшись, забываю бревиарий [молитвенное правило для священников. — Ред.]. В ответ падре Пио влепил мне две пощечины — сперва по правой щеке, потом по левой. «Будешь знать, как забывать о главном! Ты что, не понимаешь, что пренебрегая им, ты обкрадываешь Церковь?» «Никогда не забуду этого урока, — говорит отец Ж. — Подумать только! Если мне было по-настоящему больно, то каково ему, с его пронзенными руками, малейшее прикосновение к которым причиняло ему жестокую боль?»

заря, те же долгие часы в исповедальне, те же ночные молитвы. Ударами хлыста он заставляет идти своего «братца-осла», и горе ему, если он начинает артачиться! Все остальное довершает благодать. Без благодати ничего в его жизни не понять.

Начало 1968 г. 25 мая ему исполнился 81 год. С 16 января 1962 г. он был освобожден от участия в общей молитве — ему было разрешено компенсировать своё неучастие в этой молитве молитвой индивидуальной. С тех пор его никто не видел иначе как перебирающим чётки. Он спотыкается во время мессы. Ему разрешают служить и сидя, причем лицом к народу, как рекомендует Собор, но на латыни: из-за плохого зрения он не может приспособиться к литургической реформе разрешающей служить «на языках». В таких вещах народ не ошибается! У людей божьих есть чуткие антенны, тонко улавливающие то, что надо, и никогда на протяжении всех нескончаемых месс падре Пио ему не мешало священное величие литургического языка. Кто б осмелился сказать, что главное — это «понимать»? С самого дня своего рукоположения, 10 августа 1910 г., он всё глубже и глубже проникал в тайну Креста, навеки воплощенную в Евхаристической жертве. Он сам стал живой мессой. Эти толпы, стекающиеся со всех концов света, воспринимают его без слов.

Один французский священник сказал мне: «С тех пор, как я участвовал в мессе падре Пио, я не могу служить мессу, как раньше».

Начиная с марта 1968 г., он может передвигаться только в кресле на колесиках. «Лучше пусть меня носят в исповедальную, чем не исповедовать». Когда его упрекали в «чрезмерной скрытности», он отшучивался: «Видите ли, я эгоист. Я не хочу разделять моё страдание ни с кем. Я хочу страдать в одиночку. Я бы горько пожалел, если бы захотел хотя бы на часок оставить свой крест или, что ещё хуже, если бы кто-нибудь вмешался, чтоб отобрать его у меня...»

Братья по ордену с волнением вспоминают коротенькие передышки и некоторые признания падре Пио.

Незадолго до смерти, приняв благословение от отца-гвардиана (как он это делал каждый вечер), он заплакал: «Просите вместе со мной прощения у Господа за то, что я так плохо отвечал на Его милости, за то, что я недостаточно благодарил Его за дар призвания!» Затем он публично признался в следующем: «Я совершал грехи, да ещё большие! *L'ho fatta grossa...* Только подумайте: с самого рождения, с 25 мая 1887 г., до пострига, 22 января 1903 г., я ни разу не поблагодарил Господа за то, что меня так быстро окрестили — всего четырнадцать часов после рождения, 26 мая, в 8

часов... Неблагодарный я, неблагодарный!» И он снова заплакал.

Однажды вечером он сказал: «Слава моя — в повиновении и послушании...» Чем дороже они ему обходятся, тем больше ему славы.

От некоторых книг, появившихся во Франции — кстати, со ссылкой на его монастырское начальство — он плакал. Об этом мне поведала Мери Пайл в одном из своих последних писем. Писатели и журналисты старались перещеголять своими сенсациями один другого¹. Действительность была более грубой, даже в материальном плане — например, случаи злоупотреблений доверием при ведении дел «Дома преображенного страдания».

Он по-прежнему встает в 2 часа утра, и даже раньше, чтобы приступить к мессе в 4.30. «Падре, что же вы делаете эти два с половиной часа?» — «Готовлюсь к святой Мессе». Видя, что он уж дошел до предела, кто-то отваживается спросить: «Вам не кажется,

¹ Например, про микрофоны, установленные для его начальников в исповедальне! 10 февраля 1967 г. падре Пио послал своему отцу-генералу письмо, в котором умолял его не допустить публикации писем, адресованных его наставникам, которые «попали в нескромные руки». Вмешательство Ордена не дало результата. Чтобы воспрепятствовать публикации, надо было возбудить судебный процесс — ни падре Пио, ни его начальство не захотели прибегнуть к «таким крайним мерам».

что это уже слишком?» Дрожащим от волнения голосом падре Пио отвечает: «Дети мои, что значит — слишком долго готовиться к святому причастию?» И добавляет: «Если бы я однажды остался без причастия, я бы умер...»

Он страдает бронхиальной астмой, испытывает удушье. Узнав о внезапном улучшении здоровья его друзей, кое-кто подтрунивает: «Вы все берёте на себя!» — «Лишь бы другим было хорошо. Я не в счёт!»

В конце 1967 г. было решено «подвести итог» его исповедам (кандидаты на исповедь строго отсеивались его собратьями, специально отряженными для этой цели): пятнадцать тысяч женщин, десять тысяч мужчин (цифры округлены). Между тем, он крайне слаб и может делать «лишь половину» того, что мог когда-то. «Кающиеся грешники», зачастую пришедшие издалека, безропотно ждут своей очереди.

Падре Пио не читает газет, но знает о буре, потрясающей весь мир и Церковь, уходящую корнями в этот мир. Как и все великие созерцатели, в своей трактовке событий он рассматривает их так, как видит их Бог. II Ватиканский собор должен был привести к всплеску сил тьмы, чтобы обратить их в карикатуру. И вот этот скромный человек, предоставляющий

секретарям отвечать своим бесчисленным корреспондентам, вдруг нарушает молчание, чтоб написать... кому бы вы думали? Папе Павлу VI, за одиннадцать дней до своей смерти.

Письмо датировано 12 сентября 1968 г.

Как раз тогда в Риме подходили к концу заседания генерального капитула капуцинов. Опубликованное в *Osservatore Romano* через неделю после смерти падре Пио, это письмо имеет силу завещания. Вот его перевод, с небольшими сокращениями.

«Святейший Отец,

Пользуюсь вашей встречей с отцами-членами капитула, чтобы мысленно присоединиться к своим братьям и выразить мою преданность Вашей высочайшей особе в акте веры, любви и послушания Тому, Чьим представителем Вы являетесь в этом мире.

Орден капуцинов всегда был в первых рядах любви, верности, послушания и преданности Святому Престолу. Молю Господа, чтобы так было всегда. Чтобы наш орден хранил традицию серьёзного и строгого отношения к делам веры, традицию евангельской бедности и неукоснительного соблюдения Устава и Конституций и в то же время исполнился энергии для нового взлета жизненных сил и внутреннего духа, согласно постановлениям II Ватиканского собора, чтобы все больше и больше быть готовым к службе нашей

Матери-Церкви, готовым придти на помощь по первому Вашему зову.

Я знаю, что в настоящее время Ваше сердце очень скорбит за судьбы Церкви, за мир во всем мире, о нуждах стольких людей, но главное — по причине недостаточного послушания со стороны некоторых католиков к учению, которое Вы даёте нам во имя Господа, будучи вдохновлены Святым Духом.

Приношу Вам мои молитвы и мои каждодневные страдания в качестве скромного, но ревностного дара, дабы Господь укрепил Вас Своей благодатью, чтобы Вы и впредь шли по тернистому пути, защищая вечную истину: времена изменяются, а она пребывает неизменной вовек. Благодарю Вас также от имени моих духовных чад и «молитвенных групп» за Ваши ясные и решительные слова, особенно те, что Вы сказали в Вашей последней энциклике *Humanae vitae*. Ещё раз подтверждаю мою веру и моё безусловное послушание Вашим светоносным указаниям.

Пусть Господь пошлёт победу истине, мир Своей Церкви, спокойствие народам этой земли, здоровье и процветание Вашему Святейшеству, чтобы улеглись эти шквалы и Царство Божие победило бы во всех сердцах, благодаря Вашим апостолическим усилиям верховного Пастыря всех христиан.

Простираясь у Ваших ног, молю Вас благословить меня и всех моих братьев, духовных чад и «молитвен-

ные группы», моих больных и все те замыслы, которые во имя Иисуса и при Вашей поддержке мы стараемся осуществить.

Сан-Джованни-Ротондо, 12 сентября 1968 г.»

Обороты речи стереотипные, никаких мистических взлетов, но каждое слово сохраняет свой вес. Предчувствует ли падре Пио свою неминуемую кончину? Судя по некоторым признаниям, он её предвидел. Ещё одна причина, чтобы последним напряжением воли препоручить самому Папе своё наследие: «молитвенные группы», уже давно пускающие всё новые и новые ответвления во всем мире, и этот «Дом преображенного страдания», который он задумал, выстроил и отправил в долгое плавание, несмотря на целый ураган непонимания и противодействия и даже на лихоимство ложных братьев.

Любопытно, что в обоих случаях падре Пио оказывается предшественником II Ватиканского собора. Этот капуцин, укrywшийся пятьдесят лет назад в затерянном местечке Монте-Гаргано, остро чувствует зло, от которого страдает современный мир, а значит — и Церковь, действующая в этом мире: безбожие, душевный разлад, единственное средство от которого — освобождающая безграничная вера в Бога, Который есть ЛЮБОВЬ. Мы говорили, что падре Пио отдаёт предпочтение «великим грешникам». Это потому, что они пришли издалека. Чем больше они блуждали, тем

больше изголодались. Снова и снова повторяем: самые прекрасные из деяний падре Пио, связанных с тайной примирения*, останутся скрытыми, пока Господь не грядет во славе.

Лозунг его поразительно прост: во что бы то ни стало повиноваться Господу нашему Иисусу Христу, пребывающему в Церкви, Своём Мистическом теле, и представленному преемниками Петра. Он проявил это героическое повиновение, когда Святой Престол подверг его жесточайшим испытаниям, запретив ему исповедывать и публично служить мессу. Мы-то знаем сегодня, что было причиной этих драконовских мер — а он никогда против них не восставал! Он просит своих духовных сыновей и дочерей о том, что всю жизнь делал сам — с полным самоотречением, без тени внутреннего протеста. Его взгляд, просветленный страданием, всегда видел, что за его «палачами» стоит Господь, непрестанно подрезающий лозу, чтобы она приносила «больше плода»**. К тому же, во время своих поединков с духом зла, не прекращавшим искушает его против послушания, он смог разглядеть самый корень греха, всякого греха, говорящего Богу: «Нет»¹. Поняв

*Грешников с Богом. Таинство примирения — другое название таинства покаяния, или исповеди.

**Ср. Ин 15,2.

¹ Знаменитый и непереводаемый *der Geist der stets verneint* в «Фаусте» Гете — «дух вечного отрицания».

кризис, сотрясающий Церковь, он предлагает своё единственное средство: послушание. Сверхъестественное послушание, говорящее «да» верховному Авторитету — и через него Самому Богу. Отсюда первостепенная важность молитвы, возвращающей нам, слепым, чувство Бога. Сейчас мы увидим, как эти лозунги воплощаются на практике после смерти падре Пио! Чтобы понять всё их значение, посмотрим, как он умирал.

Все его братья по ордену сходятся во мнении: с самого начала он «поддерживал» Вселенский Собор. Он не нуждался в «масс медиа», чтобы понять его смысл и неизбежность общественных потрясений. Кто-кто, а падре Пио не стал бы упорствовать и противиться реформам! Он видит Дух Божий за работой, но он знает и то, что Богу нужны свободные люди, чтобы свершилось его дело любви — люди, говорящие ему «да». А сам падре Пио всегда говорил Богу «да».

В отличие от некоторых безруких технократов и «интеллектуалов»¹, у которых атрофировалось все, кроме мозга, Франческо Форджоне, потомок крестьян, учился у своих братьев-деревьев². А ведь Церковь са-

¹ Знаменитое «...но у них нет рук» (Пегги).

² Святой Бернар говорил, что «больше узнал в лесах, чем из книг» — *«plus in silvis quam libris...»* Не лежит ли в основе наших абстрактных теорий кощунственный разрыв с нашей природной средой, с природой? И вот она мстит. Недаром ученые экологи бьют тревогу!

ма — как бы большое дерево со многими ветвями, сбрасывающее осенью засохшие сучья и листья, то есть всё временное, с живой ткани, чтобы весной соки вновь поднялись по стволу, чтобы лопнули почки и дерево вновь зацвело. В свой 81 год этот старик чувствует животворящую силу вечной молодости Церкви.

Но он чувствует, что силы его на исходе. Как Павел из Тарса*, он старается не упустить ни одного мгновения, чреватого вечностью. Несмотря на свои недуги, он работает из последних сил, и лишь в минуты полного изнеможения соглашается сократить количество часов, проводимых в исповедальне... «Мне надо работать», — говорит он своим сыновьям, умоляющим его немного отдохнуть. Он обрывает их на полуслове: «Не отнимайте у меня времени». И в точно назначенный час ныряет в свою исповедальню, у которой его ждут нескончаемые очереди грешников. К счастью, никто не может контролировать его по ночам — к концу жизни он проводит их в кресле, так ему тяжело дышать!

20 сентября 1968 г. падре Пио празднует в сердце своём пятидесятую годовщину тех ран, которыми «украсил» его Господь, к его славе и к его же унижению. Он никогда бы не позволил своим чадам поднимать по этому поводу *troppo chiasso* (слишком много шума).

*Св. Апостол Павел.

Проявив святую находчивость, группы молитвы (в 1968 г. их было 726 и в них входило 68 000 человек примерно в двадцати странах) назначили на 22 сентября в Сан-Джованни-Ротондо свой международный съезд, чтобы одним камнем убить сразу двух зайцев. Гостиницы (а их число все растёт и растёт) берутся штурмом. Многие паломники спят под открытым небом или проводят ночи в молитвах. Церковь буквально утопает в алых розах «цвета крови», как и старинное распятие на хорах старой церкви, перед которым пятьдесят лет назад падре «получил стигматы». Вечером — факельное шествие. Бесчисленная толпа заполонила всё в окрестностях монастыря, крича что было мочи: «*Evviva Padre Pio!*»* Наконец, щедрый фейерверк увенчал собой этот день «чествования и благодати». На другое утро падре Пио простодушно спросил у своих братьев: «Почему вчера вечером было столько шуму?»

21 сентября у падре Пио сильнейший приступ астмы. Он задыхается, окружающие встревожены. Он не может служить мессу. Ему приносят причастие. Он лихорадочно сжимает руку отца-гвардиана, шепчущего ему на ухо: «*Corraggio!* (Мужайтесь!) Завтра состоится международный съезд групп молитвы. Вы должны собраться с силами. Это праздник пятидесятилетия ваших стигматов!» — «Какой праздник? — ответил па-

* «Да здравствует падре Пио!» (ит.).

дре Пио. — Мне так неловко, хоть убегай!» Однако он благословил с высоты трибуны восторженную толпу — помахал ей тем самым большим белым платком.

На другой день, 22 сентября, падре Пио хотел отслужить в 5 часов утра, как обычно, простую мессу, без пения. Но отец-гвардиан применил к нему «кроткое насилие», чтобы месса была «торжественной, с пением». И падре Пио совершил ещё один акт послушания.

Импровизированная служба порядка с трудом сдерживала неистовствовавшую толпу. Пока шла месса, падре Пио, казалось, прилагал нечеловеческие усилия, чтобы не упасть. И все же, когда он уже направился в ризницу, он чуть не рухнул лицом в толпу. К нему бросились, подхватили. Он вернулся в ризницу в своём кресле на колесиках, лицо его было «мертвенно бледным, без единой кровинки». Двигаясь в кресле, он все благословлял толпу, повторяя «глухим и растроганным голосом»: «Дети мои! Дети мои!» Это было прощание, но тогда никто и не подозревал об этом.

Перед началом дневной мессы, которая служилась в 10.30, он, вопреки своему обычаю и предусмотренной программе, появился в окне, «чтобы приветствовать и благословить толпу». Все думали, что раньше полудня он не появится. Поэтому его появление вызвало взрыв радости, криков, аплодисментов. Падре Пио все махал своим платком. Прислушав мессу с вы-

сокой трибуны, он попытался ещё раз встать, чтобы благословить «своих детей». Какое-то мгновение он простоял, согнувшись пополам, и пришлось поднять его руку для последнего благословения.

Видевшие его все как один заявляют, что он был «бледен, как привидение», «очень бледен», «как будто вернулся с того света».

Вечером он ещё раз, уступая прибою толпы под окном, появляется на минуту, долго машет платком — дольше обыкновенного. «Спасибо, падре! Спокойной ночи, падре! До свиданья, падре!»

Его так часто видели изнемождённым, но державшимся «несмотря ни на что», что никто и не подумал, что это его последнее прощание. Не пытался ли он ещё утром, с трудом передвигаясь, добраться до исповедальни, чтобы исповедовать женщин? На протяжении пятидесяти лет он ежедневно теряет кровь — не должен ли он был умереть давным-давно? Бог позаботился о последней встрече. Толпа его «детей», собравшихся со всех концов света, чтобы отпраздновать пятидесятилетие его стигматов и учреждение групп молитвы, конечно же, и не подозревает о том, что её ждёт траур.

У нас есть драгоценное свидетельство одного из братьев падре Пио, отца Пеллегрино, бывшего с ним в последнюю ночь вплоть до смертного часа. Этот простой, точный текст не заменить никаким пересказом. Вот его перевод:

«Незадолго до 21 часа 22 сентября 1968 г., когда отец Мариано покинул келью № 4¹ и я заступил ему на смену, падре Пио позвал меня — он был в постели, лежал на правом боку. Он только спросил у меня, который час на его будильнике, который стоял на ночном столике. Я вытер слезинки с его покрасневших глаз и вернулся в келью № 4, готовый примчаться по первому зову; в келье день и ночь был включен звонок срочного вызова.

До полуночи падре вызывал мене ещё четыре или пять раз. Его глаза все время были красны от слёз, но лицо его было спокойным и добрым.

В полночь он сказал мне умоляющим голосом, как ребёнок, которому страшно: «Побудь со мной, сын мой». Он все время спрашивал у меня, который час. Он смотрел на меня умоляющим взглядом и сильно жал мне руки.

Он снова спросил у меня, который час, и тут же, как будто забыв ответ, добавил: «Сын мой, ты уже отслужил мессу?» Я ответил с улыбкой: «Отец мой духовный, ещё слишком рано». — «Так вот, этим утром ты отслужишь её за меня». — «Падре, я каждый день служу мессу на ваши интенции!»*

¹ Его собратья тайком по очереди дежурили в этой келье, прислушиваясь, не позовет ли их падре Пио.

*Интенции — букв. «намерения, мотивы». Служить мессу или молиться на интенции кого-либо значит совершать это как

Потом он захотел исповедаться.

«Сын мой, — сказал он мне тут же, — если Господь призовет меня сегодня, попроси прощенья у всех братьев за все те огорчения, которые я им причинил. Попроси их, и моих сыновей тоже, молиться за мою душу». Я ответил: «Духовный отец, я уверен, что Господь ещё долго будет хранить вас живым, но на случай, если вы окажетесь правы, могу я попросить у вас последнее благословение для ваших собратьев, для всех ваших детей и для ваших больных?» Он сказал: «Да, я благословляю их всех. Попроси Всевышнего дать им, от моего имени, это последнее благословение».

Затем он выразил желание прочесть символ веры.

Около часу ночи он сказал мне: «Послушай, дитя моё! В постели мне трудно дышать. Позволь мне встать. Сидя мне будет легче дышать».

У него было заведено вставать между часом и 3 часами утра, чтобы подготовиться к мессе. Прежде чем сесть в своё кресло, он сделал несколько шагов по коридору. В эту ночь я с удивлением увидел, как бодро он ступает и держится прямо, как юноша — мне не приходилось его поддерживать. У порога кельи он сказал: «Выйдем на минутку на террасу». Я проводил его, поддерживая под руку. Он сам зажег лампу. Подойдя к креслу, он тяжело опустился в него и огляделся с ка-

бы от имени данного лица, испрашивая у Бога того, чего бы стал испрашивать он, не обязательно для себя лично.

ким-то любопытством. Казалось, он что-то ищет. Через пять минут он захотел вернуться в свою келью. Я попытался приподнять его, но он сказал: «Не могу!» В самом деле, он отяжелел. «Падре, не надо!» Я подкатил кресло на колесиках, стоявшее в двух шагах, взял его под мышки и пересадил. Он сам поставил ступни на перекладину.

Вернувшись в келью, он показал мне взглядом и левой рукой на кресло на колесиках: «Выкати его отсюда!»

Вернувшись, я заметил, что падре очень побледнел. На лбу его выступил холодный пот. Мне стало страшно — я увидел, как губы его покрываются синевой. Он без конца повторял: «Иисус! Мария!», и голос его всё слабел.

Я встал, чтобы позвать кого-нибудь из братьев, но он остановил меня: «Никого не буди!» Я уже пробежал несколько шагов по коридору, когда он снова окликнул меня, повторив: «Мне никто не нужен!» Я взмолился: «Духовный отец, на этот раз пусть будет по-моему!» Я бросился к келье брата Мариано, но, увидев, что дверь брата Гуильельмо распахнута настежь, зажег лампу и затряс его: «Падре Пио плохо!» В мгновение ока брат Гуильельмо устремился в келью падре Пио, а я побежал к телефону, чтобы вызвать доктора Сало. Он прибыл меньше чем через десять минут. Увидев больного, он сразу приготовил шприц для инъекции. Падре

Пио все повторял: «Иисус! Мария!», и голос его все слабел, губы шевелились чуть заметно.

Тем временем из *Casa Sollievo* прибыли другие медики, которых вызвал доктор Сало, и с ними Парิโอ Пеннели, племянник падре Пио. А я тем временем позвал отца-гвардиана и других братьев.

Пока врачи сустились, надевая на больного кислородную маску, падре Паоло соборовал его. Вокруг, стоя на коленях, молились братья.

Около 2 ч 30 мин он тихонечко свесил голову и испустил последний вздох.

А тем временем на эспланаде и вдоль всей автострады, ведущей к монастырю, собиралась толпа. Люди волновались — наступил «час мессы», а тяжёлые ворота «новой церкви» все не открывались. Паломники продрогли до мозга костей. Все они без исключения были «усыновлены» падре Пио, все притяжали на его неистощимое сердце. И вот, как бомба, разорвалась новость и обежала по толпе: это сердце, пронзённое по образу и подобию Учителя, перестало биться!

Спешно собранные со всех окрестных мест отряды порядка стараются сдерживать толпу. Приемные дети падре Пио потрясены, но нет «ни малейшего отчаяния» — пройдя через его школу, они научились должному уважению к «нашей сестрице-смерти». Есть такая книга, которая никогда не будет написана в этом ми-

ре: книга о связях, соединяющих, за гробовой дверью, каждого из этих бесчисленных паломников с тем, кто раз и навсегда усыновил их. Ибо падре Пио не шутил, называя себя «отцом». Подобно святому Павлу, он узнал родовые муки, он знал, чего стоит освободить грешника от маски, в которой он задыхается, вернуть ему настоящее лицо.

Итак, надо было в последний раз отдать останки этого «всеобщего отца» плачущей толпе. Между тем, при всей этой душераздирающей скорби — ни одно эксцесса, ни малейшего отчаяния! «Он всегда со мной» — вполголоса сказала одна женщина. С самой своей смерти падре Пио утвердил это своё окончательное присутствие, которое воспринимается помимо осязаемого порядка вещей — непосредственно душой. Бесмертие святых — это тайна их присутствия.

И тем не менее, люди хотели взглянуть на него, в последний раз поцеловать его кисти и ступни, его рясу, его скапулярий. Новость распространилась по миру, как огонь по бикфордову шнуру. Начали прибывать его «дальние сыновья» — в самолетах, в поездах, в автомобилях.

И вот, в самый момент погребения его братья были потрясены: ни малейшего следа стигматов! На месте зияющих, кровоточащих ран, столько раз проверявшихся за эти пятьдесят лет — лишь тонкая корочка,

сразу же и отвалившаяся. Кожа на месте ран была «гладкой, как у новорожденного».

Признаться, кое-кто был озадачен, даже скандализирован. Чтобы выставить падре Пио на обозрение толпы, на него снова надели его митенки и толстые носки. Но больше всех растерялись врачи, лечившие его и знавшие его не первый год. На трупах раны не заживают! Между тем, «сквозных отверстий», нескромная проверка которых причиняла ему такие муки, не было даже под коркой. Как заявил мне один медик, врачи тщетно искали объяснения этому «феномену, не менее загадочному, чем стигматы».

Мне кажется, что Господь вовсе не хотел «дезавуировать» раны, которыми он «отметил» Своего ученика — наоборот. Он хотел раз и навсегда подтвердить их подлинность.

Подобно распятому Христу, падре Пио должен был пролить свою кровь до последней капли. От этого он и умер — медленно умирал, капля за каплей. Предупредил ли его об этом Господь? Как бы то ни было, после смерти он был «бел, как полотно». Лицо его было «прекрасно, светилось невыразимым умиротворением», но было покрыто «восковой бледностью», «прозрачно», светилось» от бледности. Тщетно пытались очевидцы передать словами это впечатление прозрачности.

В 8.30 двери церкви наконец открываются и после многочасового ожидания толпа устремляется в цер-

ковь. Каждый хочет пробраться ко гробу, посмотреть, прикоснуться в последний раз, доверить падре «поручение на небеса», «знать, что тебя услышат». Отовсюду прибывают все новые и новые люди. Они не предъявляют документов, но мы точно знаем, что среди них были и такие, кто бросил все и срочно вылетел на самолете — из Канады, Соединенных Штатов, Бразилии, Аргентины и т.д.

Очередь не уменьшается — напротив, растет и растет. Около 11 часов вечера капуцины тщетно пытаются закрыть двери церкви. Под натиском толпы им приходится открыть их снова. «Многие ждали по три, по четыре часа». Бедные карабинеры, которым поручили следить за порядком, валились с ног от усталости и без конца сменялись. Не то, чтобы там были какие-нибудь беспорядки, но надо же было направлять эту толпу, информировать новопривывших, «выручать иностранцев».

26 сентября в 19 часов состоялись похороны. У центрального алтаря служили двадцать четыре священника во главе с отцом-генералом ордена. После проповеди была зачитана телеграмма соболезнования от Павла VI, и отец-гвардиан передал всем присутствующим «последнее благословение падре Пио».

В 1923 г. скромный капуцин выразил желание, чтобы прах его нашел упокоение «в каком-нибудь ти-

хом уголке этой земли», «в знак любви к этим славным людям, которых я поминаю в моих молитвах».

Желание его было исполнено. Теперь в склепе церкви Сан-Джованни-Ротондо есть могила, о которой всегда помнят, на которой всегда лежат свежие цветы — сборный пункт для «бесчисленных детей» падре Пио, место, где на людей изливаются милости Всевышнего — и в первую очередь, благодать. Никто не покидает этот затерянный уголок Монте-Гаргано, ставший центром паломничества и спасения, не почувствовав, что он услышан. И не всегда в том самом смысле, который был вложен в молитвы, посланные Всевышнему через посредничество падре Пио! Мы повторяли и повторяем: согласие с Богом, с его неисповедимой волей, принятие креста, преграждавшего путь и повергавшего в отчаяние, «продолжение дела падре Пио нашими слабыми силами» — все это гораздо большее чудо, чем исцеление от рака. Можно подумать, что падре Пио после смерти основные свои усилия направляет на мобилизацию своих войск на помощь Церкви. Рассмотрим же его «наследство» с птичьего полета, но поподробнее.

Группы молитвы, сеть которых покрыла весь мир, родились из его сердца, «пылающего любовью», в ответ на настойчивые призывы Пап. Одно из величайших зол нашего времени, источник всех остальных зол — забвение того, что прежде всего мы должны служить

Богу. А молитва «подключает» нас к Богу, устанавливает связь. Оригинальность дела падре Пио — в его чрезвычайной гибкости. Ни устава, ни руководящих кадров. Только Евангелие, понимаемое буквально. 5 мая 1966 г. падре Пио уточнил свою мысль следующим образом: «Будьте очагами веры и любви, в которых пребывает Сам Христос всякий раз, когда вы собираетесь для молитвы и братской трапезы, руководимые вашими пастырями и духовными наставниками».

«Оригинальность» групп молитвы падре Пио составляют: непосредственное подчинение Церкви; присутствие священника — необходимое условие, чтобы избежать малейших отклонений, малейшей «самодеятельности», малейших вольностей; молитвы по розарию на интенции падре Пио, совпадающие с интенциями Церкви; месса в строгом соответствии с литургическими реформами II Ватиканского собора; благодарственный молебен.

Вход открыт для всех — милости просим! Присутствие «духовных чад» падре Пио все расширяется. По смертный апостолат этого священника («прежде всего священника, главным образом священника»), старающегося своими — «наверное, бедными» — средствами облегчить «великую скорбь Церкви».

Единственное правило, притом не допускающее исключений: «Если местные церковные власти не одобряют группы молитвы, возможно только одно реше-

ние: немедленное повиновение, без жалоб и препирательств. Церковь — наша мать, мы обязаны повиноваться ей беспрекословно».

На протяжении этих страниц мы не скрывали того, сколько страданий пришлось вынести падре Пио от иерархии Церкви. Испытание огнем, очистившее его веру и его душу от шлаков, неизменно сопутствующих нашему человеческому существованию: осталось чистое золото.

Но этим группам молитвы нужен был ещё центр для связи и, прямо скажем, для ободрения. На фоне безумства лихорадочно вводимых нелепых новшеств, которыми так и кишат некоторые церкви, инициатива падре Пио выглядела просто устаревшей. Кто в наши дни, на каком бы то ни было уровне, прибегает к «послушанию»?

Между тем, всё сводится к этой основной альтернативе, освященной искупительным крестом: Христос-Спаситель, «повинующийся до самой смерти»; Христос, «продолжаемый и распространяемый» Своею Церковью по всему миру; послушание, шаг за шагом восходящее к Нему, а через Него — к Отцу; тайна освящённого послушания, священнического послушания.

С другой стороны — всё, что содержит в себе отказ от послушания. Последовательность Библии на этот

счёт потрясает. Грех берёт начало в непослушании. Весь Ветхий Завет — это страстный диалог между Богом, верным супругом, и отвергающим его жестокий народ. Весь Новый Завет сводится к искупительному послушанию Сына, взявшего на Себя грехи мира. «Ибо Сын Божий Иисус Христос, проповеданный у вас нами, не был "да" и "нет", но в Нем было "да"» (2 Кор 1,19). У отцов Церкви, как восточных, так и западных, можно найти массу высказываний в этом духе. Как же могло случиться, что в библейских исследованиях, столь модных в наши дни, все эти тексты, имеющие важное значение для понимания основ вероучения, обойдены молчанием? В результате происходит атрофия религиозного образования, катехизации, возвещения Слова Божьего во время Евхаристических служб. Подрубая корни, дерева не спасешь! А ведь каждый честный экзегет не может не видеть в послушании Сына основной узел проблемы, кровавую цену искупления. Разве люди духа на Западе и, в особенности, на Востоке, не свидетельствуют о смертоносных вмешательствах в мировую историю того, кого Библия наделяет атрибутами отрицания, того, кто навеки застыл в своём «нет»?

Признаем без обиняков: сегодня дело падре Пио идёт против течения больше, чем когда-либо прежде. Вот почему оно стало спасательным кругом для бесчисленных христиан, пребывающих в смятении.

Это движение — не правое и не левое, оно идёт в том направлении, в котором идёт Церковь, рассматриваемая в духе веры, как Мистическое тело Христа. Идущего в мистическом единстве со Своим Викарием, более, чем когда-либо непризнанным, поносимым и распятым. Таков Его славный жребий, и горе тем, кто разрушает единство под каким бы то ни было предлогом!

Дело падре Пио вдохновляется этими основными принципами веры. Основанное и оживотворенное в сердечном союзе с Богом, оно воплощается в конкретных структурах — в *Casa di Sollievo della sofferenza*.

Признаюсь, что когда я услышала французский перевод этого названия, выбранного самим падре Пио, у меня отвисла челюсть. «Дом облегчённого страдания» — звучит смешно, с каким-то желудочно-кишечным оттенком. Нет ничего труднее, чем некоторые переводы! Падре Пио думал, говорил и писал по-итальянски (если не на своём любимом местном наречии). Так вот, при переводе нужно в первую очередь исходить из того, что он имел в виду. Поэтому с буквальным переводом надо быть очень и очень осторожным! Тщательно перечитав все, что этот человек, наделенный незаурядной практичностью (это качество характерно для людей высокой духовности) говорил о своём Деле, мы осмеливаемся почтительно предложить для французского языка следующее название: «Дом преображенно-

го страдания». Или уж пусть останется итальянское название; только, ради Бога, не «облегчённое страдание»!

Вот как падре Пио изложил вкратце свою «программу» в официальной речи, произнесенной 5 мая 1957 г. по поводу первой годовщины *Casa di Sollievo della sofferenza*:

«Нужно будет увеличить число коек для мужчин и для женщин, чтобы усталые души и тела приблизились к Господу и нашли в Нём своё утешение.

Центр международных исследований должен будет помогать санитарам повышать свою профессиональную культуру и свою подготовку как христиан. Члены нашего Дела найдут здесь место для сбора своих групп молитвы. Священники найдут здесь общество себе подобных. Персонал — мужчины, женщины, монахини — займётся интенсивной духовной подготовкой, чтобы ускорить восхождение к Богу».

Это звучит, как военный приказ. Падре Пио не устаёт нас удивлять. Клиника в Сан-Джованни-Ротондо родилась не только из его большого сердца, но и по его строгим указаниям, в мельчайших подробностях согласовывавшимся с его коллективом.

Кто-то однажды сказал мне со смехом, что у падре Пио было призвание не только капуцина, но и врача. Во всяком случае, факт, что самыми дорогими для не-

го друзьями были выдающиеся клиницисты, например, доктор Сангвинетти, «который на протяжении семи с половиной лет наблюдал, как по камешку строилась клиника, и даже голодал, чтобы сэкономить какие-то гроши из пожертвований, предназначенных на дело, и под конец умер прямо на работе 6 сентября 1954 г.»

Мы уже рассказывали на страницах этой книги, сколько страданий вытерпел падре Пио от эскулапов, исследовавших и проверявших его «странные раны». Так вот, некоторые из врачей, не устояв перед очевидностью, просто-напросто пошли к нему на службу, чтобы осуществить его замысел: создать больницу по последнему слову науки, предназначенную для Христа, «пребывающего в больных и бедных».

В своей исповедальне он многие годы имел дело с больными, зачастую неизлечимыми. Об исцелениях, которых он добился своими молитвами и жертвами¹, говорилось много. Число их ничтожно, если сравнить его с числом всех тех, кто, обречённые врачами, видели в падре Пио последнее средство. Так вот, этот священник со стигматами был слишком крепко укоренён

¹ После смерти доктора Сангвинетти кто-то застал падре Пио во время одного из его резких разговоров с Господом: «Почему надо было скрывать от меня? Если бы я знал, я бы вырвал его у Тебя!» Откровенность святых может оскорбить только дураков.

в Боге, чтобы не замечать в некоторых из этих горестных случаев приглашения возвысить или просто преобразить страдание, направив его ко кресту.

«В каждом больном, — говорил он, — страдает Иисус! В каждом бедняке изнемогает Иисус! Значит, в каждом больном бедняке Иисус присутствует вдвойне».

«Смысл этого Дела, — напишет он в 1957 г. в своём завещании (опубликованном 4 ноября 1968 г., через двадцать три дня после его смерти), — в том, чтобы вызывать в душах любовь к Богу, чтобы все они соединялись в Иисусе распятом под управлением Учителя и при неусыпном попечении Его наместника на земле».

В этом завещании падре Пио, только приступая к своему делу, с самого начала завещал *Casa di Sollievo della sofferenza* Святейшему Престолу. В июле 1968 г. он с радостью узнал о принципиальной согласии наследника. В несколько этапов — некоторые из них были довольно болезненными — Ватикан полностью взял на себя всю заботу о деле падре Пио и прикрепил к нему кардинала-протектора. Заметим, что с самого начала клиника в Сан-Джованни-Ротондо была самостоятельной организацией, без какой-либо прямой зависимости от Ордена Капуцинов. В протоколе о её учреждении даже имя падре Пио, «полномочного учредителя», стоит в скобках. Отец-провинциал приказал

ему, «как и другим монахам, оставаться в стороне от этого предприятия, ибо монахи не должны ни просить, ни принимать даров». Поэтому *Casa di Sollievo della sofferenza* является светским учреждением на правах ассоциации.

Разумеется, учредители Дела не предпринимают ничего, не посоветовавшись с падре Пио. И прежде всего, им нужны деньги! Падре Пио нисколько не отрицает, что он — духовный отец *Casa di Sollievo*. В день его «рождения» он заявил двум присутствовавшим при этом медикам: «Этим вечером начинается моё великое земное дело. Благословляю вас и всех, кто будет в нем участвовать...»

Затем, порывшись в своих глубоких карманах капущина, он извлек оттуда луидор (десять тогдашних франков!): «И я, — сказал он, — хочу внести свою лепту...»

Дальнейшее напоминает сказочные приключения из «Золотой легенды». Между тем, речь идёт о наших современниках! В данном случае — о незабвенной Барбаре Уорд, недавно скончавшейся от рака, годами точившего её организм, что не помешало ей сыграть одну из главных ролей во время II Ватиканского собора и в качестве члена комиссии *Justitia et pax*^{*}, а также на всемирном конгрессе Церквей в Упсале в 1968 г.

^{*}«Справедливость и мир» (лат.).

Вот факты, которые легко проверить. Год 1948. Мисс Барбара Уорд, главный редактор британского журнала «Экономист», встречается в Лондоне с маркизом Патрици. Она слышала о падре Пио. Католичка, с высшим образованием, женщина замечательного ума, она с недоверием относится к «сверхъестественному». Её англосаксонская рассудительность предостерегает её от преувеличений... «Что в этой истории правда?» — недоверчиво спрашивает она. Маркиз улыбается: «Приезжайте и посмотрите! Я буду вашим гидом». Они вылетают в Рим, оттуда поездом отправляются в Фоджу. Подъезжая к Сан-Джованни-Ротондо, она не без удивления увидела, что человек двадцать рабочих расширяют дорогу. Она спросила у священника с киркой, руководившего работой: «Что это вы делаете?» — «Автостраду». — «Для чего?» — «Чтобы был проезд к большой клинике». — «А где эта клиника?» — «Её ещё нет, но её построят». Чувствуя себя все более заинтригованной, Барбара Уорд спрашивает: «А деньги у вас есть?» — «Пока нет». — «А сколько вам нужно?» — «Приблизительно четыреста миллионов...»¹

Находясь под сильным впечатлением от этой встречи, Барбара Уорд благодаря славному маркизу предстает перед падре Пио:

¹Очевидно, четыреста миллионов итальянских лир, т. е. по тем временам примерно шестьсот тысяч долларов, а доллар тогда был значительно более «увесистым». — Прим. пер.

— Падре, в Лондоне мне рассказывали о вас много хорошего. Я прошу вас о милости Божией...

— Милости, дочь моя? Милость Божию даёт Бог, а не я!

— Видите ли, я католичка, а жених мой — протестант. Я бы хотела, чтобы он обратился в католичество.

— Если Господу будет угодно, он обратится...

— Но когда же, падре?

— Если Господу будет угодно, хоть сейчас.

Барбаре Уорд вовсе не понравились эти «уклончивые» ответы. Она вернулась в Лондон — там её встретил её жених, майор Джексон. Он был явно чем-то взволнован:

— Я должен сообщить вам великую новость! Все мои затруднения вдруг рассеялись! Я — католик. Не понимаю, как это я обратился так во мгновение ока...

Барбара осведомилась о дне и часе этого душевного переворота. Оказалось, он произошел в тот самый день и час, когда состоялся её краткий разговор с падре Пио.

— Теперь тебе надо поехать его поблагодарить! Но постой... Им нужно четыреста миллионов — они строят клинику.

Жених — он был членом совета ЮНРРА — поехал в Сан-Джованни-Ротондо с готовым планом. Поцеловав руки падре Пио («сквозь митенки явственно ощущались засохшие струпья на ранах»), он сказал: «Я знаю,

вам нужны деньги для вашей клиники. Назовите её именем Фьорелло Ла Гуардиа, а я уж позабочусь об остальном».

А этот Фьорелло Ла Гуардиа, незадолго до того скончавшийся уроженец Фоджи, был президентом ЮНРРА! Майор Джексон разыскал его вдову и сказал ей, что в Италии «строится большая клиника в честь её мужа» и что ему удалось получить для этой цели от ЮНРРА четыреста миллионов лир. Растроганная мадам Фьорелло Ла Гуардиа тут же посылает благодарственную телеграмму де Гаспери, главе итальянского правительства: тот как с луны свалился, ничего не может понять и тут же поднимает на ноги все медицинские службы Фоджи, выразив своё удивление по поводу того, что предприятие такого размаха происходит без разрешения компетентных органов. Глава медицинской службы устремляется в Фоджу и встречает рабочих, расширяющих автостраду. «Кто вам позволил строить клинику?» — спрашивает он грозным голосом. Перепуганные рабочие кидаются к своему покровителю-священнику.

— Дон Пеппино, бежим! Нас хотят арестовать!

— Небо праведное, за что?

— За то, что мы строим клинику без их разрешения.

Дон Пеппино приближается к представителям власти и неуверенно заявляет:

— Откуда вы знаете, что это клиника, а не сиротский приют и не церковь?

— Так ведь падре Пио выделили четыреста миллионов на клинику.

— Правда?

— Ну да! Нас прислали разобраться...

— Тогда следуйте за мной!

И он проводил их к падре Пио.

— Поздравляю, святой отец, но вам ещё надо представить планы и сметы в министерство общественного здравоохранения.

— Это уж наша забота, — говорит падре. — *Ci penso io.*

Он посылает дона Пеппино в Рим со строгим наказом: «Без денег не возвращаться».

Учрежденный так проворно «Дом преображенного страдания» рос из земли, как гриб, под дождем даров и приношений, сыпавшихся отовсюду. Падре Пио мыслил с размахом. Не предусмотрел ли он с самого начала широкую террасу, на которую могли бы садиться вертолеты скорой помощи? Иногда у лиц, ответственных за проект, кончались деньги, но падре Пио сразу обрывал их сетования: «А Провидение, дети мои?» И в нужный день и час деньги появлялись.

Иногда его упрекали в чрезмерной «роскоши» больничных служб. Падре Пио возмущался: «Вы что же, не знаете, что принимая больного бедняка, мы принима-

ем Господа нашего Иисуса Христа?» Он мог бы сказать словами святого Камилла де Лелли: «Если Иисус страдает в больном, место Его страданий — дарохрани-тельница». Один американский врач, услышав эти объяснения, вышел из зала с глазами, полными слёз, бормоча: «Если в каждом больном — Христос... Если бы мы, христиане (он был протестантом), это сознавали... Если бы мы, врачи...» Это был профессор Пол Дадли Уайт.

Правая рука падре Пио, достойный соперник недавно канонизированного доктора Москато, доктор Сангвинетти, руководивший этим грандиозным предприятием, придерживался того же мнения. В одной из своих статей он писал: «Наш больной брат — это гость Господа нашего Иисуса Христа. Всякий вошедший в эту клинику, должен узнать в ней Доброго Самаритянина, святого Франциска, обнимающего прокаженного, святого Камилла, заботящегося об отвратительном калеке... *Casa di Sollievo della sofferenza* будет свято гордиться тем, что он прежде всего Дом милосердия.

Клиника открылась 5 мая 1956 г. Одним из первых её свершений стал Международный симпозиум специалистов по коронарным артериям.

После закрытия симпозиума все идут приветствовать падре Пио. А он, нисколько не смущаясь присутствием всех этих светил, смотрит на них с тою любовью, что и на своих бедных гарганских крестьян. Его

уговаривают сказать несколько слов. Он говорит «вполголоса, как говорят с самим собой»:

«Что я вам скажу? Вы, как я, пришли в этот мир, чтобы выполнить свой долг. Берегитесь, я говорю вам об обязанностях во времена, когда говорят только о правах.

На меня, как на священника и монаха, возложена миссия искупления, посредничества между Богом и родом человекоу. Это возможно лишь при условии, что на мне благодать. Если я отойду от Бога, скажите, смогу ли я служить Примирению?

А вы врачи, ваша миссия — лечить больных. Но если к постели больного вы не принесёте любви, от ваших лекарств будет мало проку...

Несите Бога вашим больным».

Взволнованные его словами специалисты не хотели расходиться, не высказав своих впечатлений:

«Благословите мой труд, — сказал профессор Таквини, один из самых знаменитых врачей во всей Латинской Америке. — Где вы — там милосердие».

А профессор Уайт, личный врач Эйзенхауэра, заявил: «Я возвращаюсь в Соединенные Штаты, восхищенный деятельностью падре Пио. В этой клинике, как нигде в мире, можно изучать связь между духом и болезнью — психосоматику...»

Падре Пио, может, никогда раньше не слышал этого ученого слова! Действительно, в его клинике лечат «тела и души».

Английский профессор У. Эванс не без юмора заявил:

«Это самые прекрасные дни в моей жизни. Спасибо, падре Пио!.. Эта больница — наглядная иллюстрация к притче о Добром Самаритянине, величественный пример самоотверженности на службе всего человечества. Благослови, Боже, это начинание!

Я позволил себе взять слово в качестве президента Европейской кардиологической ассоциации».

В заключение профессор О. Х. Уонджестин из Соединенных Штатов сказал: «Всё это хорошо, даже замечательно! Я сожалею только об одном: что на свете есть только один падре Пио! Как жаль, что их не много!»

Профессор Раймонди перевел эту фразу на «добрый итальянский язык». Падре Пио закрыл лицо руками и расхохотался: «Упаси Боже! Бедные мы, бедные!»

Это не помешало профессору Уонджестину после закрытия конгресса сказать Папе на аудиенции, что он «сожалеет только об одном». Папа улыбнулся, затем серьёзно сказал: «Дай нам Бог множество святых священников».

Поэтому рассеянные по всему свету «группы молитвы» (ко времени смерти падре Пио, в 1968 г., в них состояло 68 000 человек) не только поддерживают тесную связь с его лечебным учреждением, в их обязанности входит и вдохновлять его деятельность. Голос падре из-за двери гроба обращен прежде всего к медикам: лечить тела, не исцеляя душ, пренебрегать «духовным фактором», играющим главную роль в психофизическом равновесии — значит изменить призванию врача.

Сколько раз падре Пио упрекали в том, что он лечит больных с помощью магнетизма! На самом деле он пользовался не магнетизмом, а своим влиянием на Сердце Христово, припадая к Его Кресту, будучи общённым к послушанию Сына-Искупителя. Но прежде всего он заботился о том, чтобы использовать, освятить, преобразить всякое страдание на службу «банку Спасения». *Casa di Sollievo della sofferenza* — это самое дорогое его наследие, предназначенное прежде всего тем, кто принёс клятву Гиппократу.

В век раздробленности и узкой специализации, в которой теряется личность больного, не этот ли призыв всего нужнее врачам в бездушном мире?

ПРИЛОЖЕНИЕ

После выхода в свет этой книги я буквально утонула в потоке писем и устных свидетельств «духовных детей» падре Пио, сообщавших мне о «благодатях», чудесах, эффектных обращениях... Как известно, охотно дают только богатым. С другой стороны (кажется, я уже говорила об этом), патроном моего писательского ремесла я избрала святого Фому Апостола. Я не спешу поверить, пока не увидела и не потрогала. Из уважения как к истине, так и к читателям, доверившимся мне. Может быть, поэтому мои книги не слишком устаревают. Факты остаются фактами. Из этой группы свидетельств я выбрала два, которые смогла проверить досконально. Вот они.

Примерно пятнадцать лет назад одна из моих подруг, хорошо знавшая падре Пио, дала мою книгу мадам Майар¹; та прочла её тайком, ибо её муж, машинист в метро и член КП, не выносил священников и

¹ Меня только попросили изменить имена.

был, как она мне потом говорила, «воинствующим безбожником». Двое детей: старший «удался», а младший страдал пороком сердца и синюшностью. Врачи были единодушны: его сердце не выдержит переходного возраста; он обречен.

Боясь мужа, г-жа Майар не придерживалась обрядов, но в глубине души хранила остатки веры. Поэтому она предложила мужу в качестве последнего средства поехать к падре Пио. Вспышка гнева. Затем, после размышления: «В конце концов, это, может быть, чародей или добрый знахарь». Итак они взяли отпуск и погрузились в «старую колымагу», которую им кто-то одолжил: отец, мать, бабушка, ребёнок и собака. Ибо, как рассказывала мне впоследствии мать, они «не знали, куда её деть».

В дороге ребенку несколько раз становилось плохо. Когда они переезжали через Альпы, на самом перевале он чуть не погиб от сердечного кровоизлияния. «Дорога была так заплевана кровью, — сказал мне г-жа Майар, — что машина скользила». Наконец они приезжают в Сан-Джованни-Ротондо. Полумертвый мальчик получает разрешение пройти с отцом в ризницу, в которой падре Пио принимает только мужчин. Там толпа. Падре Пио сразу их замечает. Подходит и говорит ребенку «сердито»: «Ты такой же больной, как я!» Одетой в перчатку рукой он наносит ему удар в самую область сердца. «А теперь уходите! *Via! Via!*»

Отец оскорблен. «Если бы вы знали, как он меня костерил, когда мы вышли из церкви! — вздыхает г-жа Майар. — "Это ты виновата! Зря приехали!"»

Они тут же отправляются обратно. Ребенку совсем плохо. Отец ругается, бушует. Но после того, как они пересекают границу, появляются признаки улучшения. Приехав домой, Бернар (так зовут мальчика) вприпрыжку взбегают на четвертый этаж. Раньше ему никогда не хотелось есть — сейчас аппетит у него волчий. На другой день изумленные врачи объявляют его здоровым. Синюшность исчезла бесследно. Сердце «выросло».

Все это рассказала мне во всех подробностях славная г-жа Майар (подтверждая рассказ медицинскими справками).

Я позволила себе спросить:

— А ваш муж?

— Он стал совсем другим человеком. Даже справляет Пасху!

— Так вы довольны?

— Ясно, довольна! За три месяца малыш прибавил шесть кило. Одна беда — ему надо по два бифштекса в день! При зарплате моего мужа, сами понимаете...

Мадам Х., жена богатейшего промышленника, месяц за месяцем просила меня о встрече. Я оставляла её письма без ответа. Ещё бы, если бы я отвечала на все

письма читателей, я никогда не писала бы книг! В один прекрасный день она звонит мне по телефону из парижского «Гранд Отеля». «Я приехала всего на несколько дней. Умоляю, примите меня!» Мне как раз надо было забежать в одно место возле Оперы. «Ладно, заскочу к вам на минутку». Про себя я подумала: сбегу, когда захочу, а встретиться мы у меня, тут уж не сбежишь — законы гостеприимства!

Г-жа Х. встретила меня с радостью.

— Я хотела вас видеть, чтобы рассказать о неслыханной благодати падре Пио!

Мой брат обанкротился и покончил с собой. Я верующая. Я вся дрожала при мысли, что он умер, отверженный Богом! Я знала, что падре Пио наделён даром видеть то, что происходит... в загробном мире. Муж надо мной смеялся. Однажды мы вместе поехали в Рим, на конгресс. Я взяла с собой все свои драгоценности. После конгресса муж вернулся во Францию, а я осталась в Риме «в качестве туристки» — на самом деле я хотела съездить в Сан-Джованни-Ротондо. Так я и сделала, предварительно забронировав комнату в жалком *albergo*. А ночью я вдруг почувствовала, что вся комната наполнилась каким-то чудесным ароматом. Это было прекрасно, но я испугалась. Может, кто-то пытается меня усыпить и украсть мои драгоценности? Мне представились калабрийские бандиты... Дрожа от страха, я придвинула к двери ночной столик и даже

кровать. Естественно, я не сомкнула глаз всю ночь. На рассвете зазвонили все будильники! Я пошла к мессе падре Пио; она произвела на меня глубокое впечатление; потом я умоляла брата-цербера устроить мне встречу. Нет и нет! А мне надо было в тот же день возвратиться в Рим. Я осталась в церкви, стала на виду перед самой исповедальной падре Пио. Я молилась, плакала... Вдруг кто-то подталкивает меня локтем: «Падре Пио подает вам знак!» Ну да, он смотрел на меня и показывал на меня пальцем! Я бросилась на колени перед исповедальной. Он сказал мне: «*Sita tranquilla, esta salvato!* (Будь спокойна, он спасен)», и повернулся к одной из кающихся, стоявших на коленях слева и справа. Я чуть с ума не сошла от радости. Жительницы Сан-Джованни-Ротондо заметили всё это. Им захотелось узнать побольше, они пригласили меня к завтраку. Я рассказала им всё, рассказала и то, как перепугалась ночью. Они переглянулись и расхохотались: «А вы и не знали? Этими ароматами падре Пио утешает, подбадривает, успокаивает. А вы приняли его за калабрийского бандита!»

Оставался вопрос о Бернаре и о не слишком вежливом способе его исцеления. При первом удобном случае я спросила Мери Пайл, что она об этом думает.

— Видите ли, падре Пио *is quite disgusted with all these people crowding round*¹, только чтобы поблагодарить его. Сколько он ни говорит, что благодарить надо Бога — они упорно осаждают его. Поэтому он устраивает так, что некоторые чудеса, некоторые исцеления происходят далеко...

В самом деле, отец Бернара сказал мне: «Если бы малыш выздоровел поближе к Сан-Джованни-Ротондо, мы бы вернулись, чтобы поблагодарить падре Пио. Но мы были уже во Франции, а бензин стоит денег...»

¹ «Сыт по горло всеми этими людьми, толпящимися вокруг него» (вольный перевод). Незабвенная Мери Пайл, прожившая в Сан-Джованни-Ротондо сорок лет, умерла 26 апреля 1968 г., то есть за пять месяцев до падре Пио. Монастырь и церковь в Пьетрельчине, родной деревне падре Пио, были построены на её счёт, и капуцины Сан-Джованни-Ротондо называли её «мамой». До последних дней она отвечала на все мои письма и держала меня в курсе «последних новостей».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГЛАВА I

Римская жара и жажда чуда. «Если бы не падре Пио, Джованино бы не родился». Неожиданности для паломника. Падре Пио не потекает привязанности к комфорту! Совершенная радость. Встреча, посланная самим Провидением. В Сан-Джованни-Ротондо встают на рассвете.

ГЛАВА II

Осаждённая церковь. Испытания ризничего. Чудо тишины. «Священник как священник...» И вот мы погружены в тайну. Падре Пио нарушает рутину. Минуты текут, как капли крови. Страдающий человек. «Или я идиот, или падре — сумасшедший». Падре не поощряет святого любопытства.

ГЛАВА III

Те, кто записались. Фильтры и плотины. Брат Цербер и хитроумные листочки. «Падре Пио здесь для того,

чтобы исповедовать, а не болтать». Упрямый паломник попался на крючок. «Чудесная комната» и тайная встреча. Падре Пио исповедует. «Чувствуешь себя такой лёгкой!» Болтливость раскаявшихся. «Он с самого начала всё знал, он мне всё сказал». Клетчатый платок и стратегическое отступление. Исцеление слабоумного ребёнка. Великая жалость к душам.

ГЛАВА IV

Западня. «Просите у Бога, не у меня». Падре Пио вблизи. Крошки с царского стола. С Капри в Сан-Джованни-Ротондо. Падре Пио бойкотирует плёнки. У г-на Абрехса. Обращение теософа. «Готовь пелёнки». «Этот малыш теперь священник...» Живые источники.

ГЛАВА V

Детство Франческо Форджоне. Порода, утонченная веками суровой верности. Размазня? Поступление в новициат отцов-капуцинов в Морконе... Франческо становится фра Пио. Лопаящиеся термометры, чрезвычайные посты и бурные ночи. Первые поединки с нечистым. Падре Пио принимает сан священника. Его мессы никогда не кончаются. Чудеса святого послушания. Ризничий в ужасе. Похищенные письма. Невидимые стигматы. «Ты что, на гитаре играешь?»

ГЛАВА VI

Падре Пио призван в армию. Дневальный, мальчик на побегушках и козёл отпущения. Военная служба. Господь дал их ему не как украшение! Душераздирающие признания. Отпуск для поправки здоровья. Рядовой Франческо Форджоне считается дезертиром. Бригадир карабинеров в отчаянии. «Усилить поиски». Кви-про-кво, посланное самим Провидением. Падре Пио ждёт распоряжений.

ГЛАВА VII

Дзи'Орацио едет в Неаполь. Падре Пио уволен из армии по болезни. Послушание в Сан-Джованни-Ротондо. Падре Пио меняет военную форму на монашескую рясу. 20 сентября 1918 г. «Занимайтесь своими делами». Отец-настоятель пишет отцу-провинциалу. Новость получает огласку. Обратная сторона некоторых благодатей. Падре Пио по его письмам. «Уныние — большее зло, чем само зло». «Самое худшее оскорбление, которое мы могли бы нанести Богу — это усомниться в Нем».

ГЛАВА VIII

Конфетки падре Пио. «Любовь уходит только для того, чтоб укрепить любовь». Умиротворяющее руководство

во. На пути чистой любви. Мать с младенцем. Исследование ночей. От избытка сердца пишет падре Пио! Бог производит его в апостольский чин. «Само чистилище сладко, если страдаешь ради любви». Души покупаются только ценой крови. Приоткрывающее истину письмо от 23 сентября 1918 г. Падре Пио учит своих духовных дочерей реверансам.

ГЛАВА IX

Падре Пио в руках медиков. Специалисты в растерянности. Доктор Биньями опечатывает стигматы. Заключение доктора Романелли. Раны не подпадают ни под какую медицинскую формулировку. Доктор, предпочитающий теориям факты. «Реклама» стигматов. Он подстерегает пленные души. Падре Пио — узник исповедальни. Как Церковь его защищает.

ГЛАВА X

Неожиданные посещения и странные «провалы в памяти». Приключение генерала Кадорны. Падре Пио держит слово! Красноречивое молчание. Он «отсутствует». Падре Пио и святая Тереза из Лизьё. Как он избегает встреч с непрошеными гостями. Его духовные дети. Слепой Петруччо. «И ночью мне нет от вас покоя!» Спасение **in extremis. Basta!** Прогулка под су-

хим ливнем. Чрезмерное раскаяние. «Этот дождь не мочит». Бегство гусениц.

ГЛАВА XI

Недоумения доктора Романелли. Надушенный капучин? Доктор Феста развлекается — ставит всё новые и новые опыты. Надо же как-то переписываться, когда нельзя писать! Благоухающая мансарда. «Вы что же, ничего не почувствовали?» «Будешь знать, как пятиться!»

ГЛАВА XII

Трофеи падре Пио. «Бог верит в тебя». «Генуэзец, у тебя грязное лицо». Разоблаченный шофер. «Что вы обещали своему папе?» Трубочист Джованнини проходит впереди монарха. Никаких привилегий! Приоритет — блудным сыновьям. Обращение Альберто дель Фанте. Сражения с интеллектуалами. Падре Пио и дети. Доктор-атеист. Как наказывают святые.

ГЛАВА XIII

Профессия чудотворца — палка о двух концах. Самые прекрасные чудеса падре Пио. «Бога благодарю, а не меня!» Платок, мокрый от слёз. Операция без анестезии. «За души надо платить». У изголовья умирающей

матери. Падре Пио чтит врачей. Скальпели, окруженные молитвой. Небо приходит на помощь. Импровизированное справочное бюро.

ГЛАВА XIV

Человек, отданный на растерзание. Падре Пио в жизни общины. Его юмор. Его выходки, сбивающие с толку собеседника. «Моя дорогая Пьетрельчина!» Нашествие журналистов и кинематографистов. Фра Джерардо прибегает к силе. Питигрилли и генуэзский негодянт. «Человек без Бога — урод». Небрежность, ранящая Господа. «В следующий раз получишь звонкую оплеуху». Пост, от которого поправляются. Переодетый доминиканец удивлён. Епископ возвращается назад. «Воистину, падре Пио — человек Божий».

ГЛАВА XV

Падре Пио терпеть не может всякую нескромную рекламу. «Священник, который молится». Тайна внутреннего замка. Документ, раскрывающий тайны. Падре Пио причащается Святой Агонии. Избыток сердца. Подлинное лицо падре Пио. «Надо, чтобы Он возвысился, а я умалился». Гимн Непорочному Зачатию. Душа, завершённая в Боге — тайна единения. Конец путешествия и книги.

ЭПИЛОГ

«Слуга не выше господина». Последнее испытание — высшее испытание высшей славы. «Брат, я больше не могу!» 20 сентября 1968 г., пятидесятилетие видимых стигматов падре Пио и съезд групп молитвы в Сан-Джованни-Ротондо. Последнее прощание. Свидетельство падре Пеллегрини. 23 сентября 1968 г. падре Пио умирает, не покидая своего поста. «До последней капли крови». Его наследие. «Дом преображенного страдания».

ПРИЛОЖЕНИЕ